

ИСЛАНДСКАЯ ПРОСОДИКА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

А. С. ЛИБЕРМАН

ИСЛАНДСКАЯ ПРОСОДИКА

*К фонологической характеристике
современного исландского языка
и его истории*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Н А У К А»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1971

A. S. LIBERMAN

ICELANDIC PROSODY

*Present-day status
and historical reconstruction*

Ответственный редактор
С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

7—1—2

186—71 (I пол.)

О Т А В Т О Р А

Эта книга содержит синхроническую и историческую просодику исландского языка (анализ долготы и слоговой акцентуации) в сравнении со всеми другими скандинавскими языками.

Написать исландскую просодику можно было лишь потому, что многие вопросы скандинавской фонологии сейчас уже разработаны. Так, в 1966 г. одна за другой вышли две книги: «Сравнительная акцентология германских языков» С. Д. Кацнельсона и «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков» М. И. Стеблин-Каменского. Идеи, почерпнутые из этих книг, и беседы с их авторами дали мне больше импульсов, чем какие бы то ни было другие статьи или монографии, прочитанные за последние годы. Кроме того, многие другие сделали все, что могли, чтобы работа моя шла успешно. Большую помощь оказал мне исландский аспирант Хельги Харальдссон, который не только учил меня исландскому и отвечал на бесконечные вопросы, но и согласился записать на ленту интересовавшие меня слова. Во всем, что касается экспериментальной части работы, я пользовался исключительной любезностью Л. Р. Зиндера и сотрудников возглавляемой им кафедры фонетики ЛГУ, особенно Л. А. Вербицкой.

Всем названным выше лицам я приношу глубокую благодарность. Я очень признателен также своим коллегам по Институту языкознания АН СССР за постоянную помощь.

И еще одно. Эта книга не могла бы быть написана, если бы из скандинавских университетов не шел в библиотеки Ленинграда постоянный поток дефицитнейших исландских изданий и если бы мои зарубежные коллеги, из которых прежде всего назову доцента Й. Ангере (Лунд), доцента Х. Вайнштока (Аахен), Магнуса Шьетурсона (Рейкьявик) и сотрудников Бергенского университета проф. М. Клостер Енсена, Г. Вольтера и К. Хеггста, не присылали мне оригиналы и фотокопии малодоступных статей и неизданных рукописей.

О ПРОСОДИЧЕСКОМ УРОВНЕ В ФОНОЛОГИИ

... man ist endlich auf dem wege zu erkennen dass der accent nicht wie die accentzeichen in gleichgültiger apathie über dem worte schwebt, sondern als die lebendige und belebende seele in und mit dem worte lebt und auf die struktur des wortes und damit auf die struktur des ganzen sprachkörpers einen einfluss übt, von dem wir bisher wahrscheinlich nur die bloße ahnung gehabt.

(K. Verner, 1881)

По многовековой традиции просодика занимается ударением, долготой, тоном и интонацией (ср.: Alkon, 1959). Между ударением, долготой, тоном и интонацией обнаруживается то общее свойство, что все они как бы накладываются на фонемы сверху, в результате чего фонемы группируются в более крупные или распадаются на более мелкие единицы. Именно по этому принципу произошло начальное размежевание фонематики и просодики в фонологии: фонематика строилась как описание фонем и их признаков, а просодика — как описание единиц, не совпадающих по длине с фонемой, и их признаков. Тем не менее вполне четкого определения просодемы и просодики не существует.

Издавна было известно, что грань между просодикой и фонематикой подвижна, так как, с одной стороны, интонация, ударение, тон и количество (долгота) оказывают влияние на фонематические признаки, а с другой — не всегда бывает ясно, имеем ли мы дело с фонемой, различительным признаком фонемы или просодемой. И все же до сравнительно недавнего времени фонематика и просодика были достаточно четко разделены, причем просодика неизменно оставалась на периферии фонологии и лишь с конца сороковых—начала пятидесятих годов ею всерьез заинтересовались фонологи самых разных направлений. В какой-то мере этому способствовало подробное обсуждение вопросов акцентологии и интонации в Америке, но главные причины крылись в самой логике развития науки о звуковом строе языка.

Классическая фонология, как и классическая фонетика исходила из постулата о дискретности звуков речи. Правда в теории с подобным постулатом едва ли кто безоговорочно согласился бы и пятьдесят, и тридцать лет тому назад, но на практике им пользовались все. Лучшим доказательством тому служат общепринятая терминология и транскрипция. Когда говорят, что

данная фонема реализуется в позиции *P* таким-то образом, то, естественно, имеют в виду, что существуют и дискретные фонемы, и дискретные их реализации («аллофоны»), причем последние относятся к фонеме как варианты к своему инварианту. Аналогично когда символы фонем записывают в косых скобках, а символы аллофонов — в квадратных (например, пишут: фонема /o/ перед /j/ реализуется как [ö]), то также имеют в виду, что и /o/, и [ö] существуют как отдельные элементы, но только один — в языке, а другой — в речи. Можно, конечно, считать аллофоны такой же абстракцией, как фонемы (ср.: Шаумян, 1962, стр. 45—47), но рано или поздно все равно придется спуститься до уровня звуков. Если же исходить (безразлично, имплицитно или эксплицитно) из тезиса о дискретности аллофонов, то, как бы ни было сложно определить в отдельных случаях, фонема перед нами, различительный признак или просодема, основное различие между сегментным и супraseгментным всегда будет существовать.

Однако работы по сегментации речевого потока, проводившиеся одновременно в разных странах (ср.: Дукельский, 1962; Реформатский, 1966), показали с полной несомненностью, что на фонетическом уровне никаких сегментных единиц в общепринятом смысле слова не существует и что дискретному ряду фонем не соответствует дискретный ряд аллофонов. Таким образом, если раньше грань между сегментными и супraseгментными элементами считалась подвижной, то теперь она оказалась просто стертой. Выяснилось, что если мы хотим работать с реальной звуковой материей, а не с плодами собственного воображения (которое в вопросе сегментации речи всегда будет навязывать фонетике фонологические представления), то вместо аллофона должны ввести иную единицу, лучше отвечающую новому положению вещей.

Фактически исследования по расчленению речевого потока знаменовали конец сегментной фонетики, чем и вызвано оживление интереса фонологов к просодике. Но так как разница между фонемой и просодемой подчас сводилась к одним лишь линейным различиям, то многим показалось, что в языке существуют только просодемы. Наиболее последовательно такой точки зрения придерживался Дж. Р. Фирт. Изучая ассимиляции и пограничные сигналы, он пришел к выводу, что элементы, традиционно принимаемые за сегментные, как правило, таковыми не являются. Но так как *несегментный* значило для Дж. Р. Фирта то же, что *просодический*, то свою известную статью, ставшую манифестом целой школы, он закончил словами: «Мы говорим просодиями (prosodies) и слышим просодии» (Firth, 1957, стр. 138). Ученики Дж. Р. Фирта подхватили идею своего учителя (см. обзор в кн.: «Основные направления структурализма», стр. 344 и сл.; ср. также: Collinge, 1965, стр. 1—6; T. Hill, 1966), и в английских журналах появилось множество статей, доказывавших, что в ряде языков

назализация, ретрофлексия, придыхание, йотизация и т. п. являются *просодиями*. Даже не вдаваясь подробно в оценку той роли, которую сыграла Лондонская школа в фонологии, можно сказать, что ее деятельность (особенно после 1957 г., т. е. после выхода книг: Firth, 1957; Studies, 1957; ср. еще: Palmer, 1970) немало способствовала популярности просодики во всем мире.

Если из работ фонетистов следовало, что синхроническая фонология не может оперировать дискретными аллофонами, то изучение древних фонологических систем и их эволюции показало, что и генетически человеческая речь началась отнюдь не со «звуков» (а в смысле фонологическом — не с отдельных фонем, составляющих слово), а со слогов (так называемых протофоном, или слогафоном, или группофоном, или силлабофоном: ср. Кацнельсон, 1958; Клычков, 1962, стр. 126). Это открытие не явилось полной неожиданностью, так как было в какой-то степени подготовлено исследованиями Р. О. Якобсона о детской речи и афазии (Jakobson, 1940—1942), но последнее обстоятельство ни в коей мере не преуменьшает его значения.

Успехи исследований по сегментации речи, активность Дж. Р. Фирта и его школы, изучение детской речи и детства человеческой речи — вот те факторы, которые привели к перемещению просодики с периферии фонологии в центр. При этом понятие *просодема* (а у Дж. Р. Фирта — *просодия*) вместило в себя так много, что стало почти бессодержательным, и, чтобы разобраться в существе вопроса, необходимо вернуться к началу и вновь рассмотреть исходные положения.

Исследуя несегментные явления в речи, мы можем выделить, по крайней мере, три несхожих случая, которые удобнее всего проиллюстрировать примерами из разных языков.

Пример первый. Возьмем слова: *ми* и *мы*. Хорошо известно, что выделение русского /ы/ как самостоятельной фонемы наталкивается на некоторые трудности. Главная из них состоит в том, что [и] обусловлено мягкостью, а [ы] — твердостью предыдущего согласного. Мягкость и твердость согласных существуют в русском языке независимо от [и] и [ы], но и противопоставление данных гласных может возникать независимо от противопоставления по мягкости—твердости (как, например, в самих названиях букв и в некоторых топонимах). В нашу задачу не входит решение многократно обсуждавшейся проблемы русского [ы]. Для нас важно, что, противопоставляя *ми* ~ *мы*, можно в принципе и оппозицию /м/ ~ /м'/, и оппозицию /и/ ~ /ы/ считать релевантной. Создаются предпосылки для выделения палатализации в качестве некоего «супрасегментного» элемента П и записи *ми* как [П₊/ми], а *мы* как [П₋/ми], где буквой П мы обозначили «просодему палатализации» (ср.: Robins, 1957, стр. 5).

Пример второй. Сравним исландские слова *men* 'ожерелье' и *menn* 'люди'. В фонетической транскрипции эти слова

будут записаны [me:n] и [men:]. Попытка определить, что в этом типе примеров релевантно (долгота гласного или долгота согласного), обычно разбивается о тот факт, что в современном исландском языке за кратким гласным следует, как общее правило, долгий согласный (или группа согласных), а за долгим гласным — краткий согласный. Создается впечатление, что в исландском существенна не долгота отдельной фонемы, а характер распределения этой долготы внутри слога: растет ли она от гласного к согласному или от согласного к гласному. Если «вынести долготу за скобку» и обозначить ее через Q, то menn предстанет в виде [Q_→/men], а men — в виде [Q_←/men]. В исландском, таким образом, будет выделена «просодема количества», и направленность окажется ее различительным признаком (подробнее об исландской долготе см. главу I).

Пример третий. Возьмем, наконец, английское слово bobbed (пр. вр. от глагола bob 'покачиваться'). Все звуки в нем звонкие, так что звонкость, несомненно, проходит через все слово. Ее можно выделить как супрасегментный элемент V и протранскрибировать bobbed как [V/popt]. Идея этой записи состоит в том, чтобы подчеркнуть существование в английском языке «просодемы звонкости» (ср.: Hockett, 1942, стр. 8; Каспранский, 1965, стр. 48; Pilch, 1966, стр. 240—241).

Приведенные примеры ясно показывают, что выделение супрасегментных П, Q и V не есть просто манипуляция фонетическими значками, так как за ними стоит звуковая реальность, предохраняющая исследователя от произвола в выборе «просодемы».

Но в этой транскрипции есть один принципиальный порок: разнородные явления она представляет как одинаковые. В словах *ми* и *мы* «просодема» П относится к комплексу согласный + гласный, но отнюдь не к слогу как таковому (ср. *мил*, *мыл*). В исландских menn и men Q относится к слогу. Выделение V в английском имеет своей базой слово целиком, а могло основываться на отрезке любой длины: например, sobbed (пр. вр. от sob 'рыдать') было бы [soV₊/pt], slept (пр. вр. от sleep 'спать') — [sleV₋/bd] и т. д. Подобные операции вполне соответствуют идее Дж. Р. Фирта о том, что бывают просодии предложения (интонация), просодии частей предложения, слоговые просодии, просодии частей слога и фонемные просодии: велярность, дентальность, билабиальность, назальность, переднеязычность и заднеязычность, огубленность, неогубленность и т. д. (ср.: Firth, 1957, стр. 131; Robins, 1957, стр. 4).

Вопрос о том, что считать, а что не считать просодемой, есть, разумеется, дело договоренности. И все же расширение объема общеизвестного термина настолько, что содержание его начинает приближаться к нулю, достойно осуждения. Если мы знаем, что в речи нет сегментных явлений, то незачем все их называть супра-

сегментными (или просодическими). Следует провести четкую границу между явлениями на уровне фразы, явлениями на уровне слога и явлениями, которые обнаруживаются в отрезках любой длины. Сравнивая три приведенные выше формулы: [П/ми], [Q/men], [V/port], необходимо всячески подчеркнуть несхожесть «знаменателей», ибо в плане фонологического свойства «числителей» определяются именно свойствами «знаменателей». Исландское Q обслуживает слог, П и V тоже охватывают отрезки более длинные, чем отдельная фонема, но они ни в коей мере не связаны слоговыми границами. Они вообще не *супра-*, а скорее *транссегментны*. Перед нами различительный признак фонемы, растянутый в длину. Естественно, что таких «просодий» может быть столько же, сколько дифференциальных признаков, поэтому Дж. Р. Фирт и выделил их так много.

Обычно говорят, что Дж. Р. Фирт чрезвычайно углубил наше понимание просодики. Дж. Р. Фирт действительно был выдающимся ученым и проявлял к просодике огромный интерес (его школу иногда даже называют просодической), но именно Дж. Р. Фирт настолько осложнил взаимоотношения между фонематикой и просодикой, что для дальнейшего развития фонологии следует преодолеть многие крайности его теории. Существуют «сверхсегментные» элементы двух видов: одни характеризуют слог, связаны с его рельефом (Якобсон и Халле, 1962, стр. 247) и фактически являются формой его существования (таковы, например, слоговая долгота и топ), другие характеризуют фонему в ее окружении независимо от слоговых границ; анализ явлений второго типа — также дело необходимое, но к просодике никакого отношения не имеющее.

Мы уже говорили, что «просодии» Дж. Р. Фирта — это растянутые в длину дифференциальные признаки фонем. В рамках теории Дж. Р. Фирта вопрос о разграничении дифференциальных признаков фонем и просодем, естественно, не мог быть даже поставлен. А такой вопрос существует, так как некий элемент, принимаемый за фонему, может оказаться формой динамического акцента; долгота, анализируемая как дифференциальный признак фонемы, нередко является частью рельефа слога (как в исландском) и т. д. Необходимо знать, существует ли какая-нибудь возможность отделить в общем виде фонемы и дифференциальные признаки фонем от просодем. Прежде чем ответить на этот вопрос, скажем несколько слов о терминологии.

Просодика, как указывалось выше, — это отдел фонологии, занимающийся слоговыми (!) просодемами и их свойствами. «Ареной действия» просодики являются слог и мора. Их характеризуют просодемы. Просодемы имеют свои признаки (например, слоговое ударение может быть резким и плавным, одновершинным и двухвершинным, сильным и слабым). Некоторые из этих признаков являются дифференциальными (ср.: Кузнецов, 1963, стр. 34),

остальные могут оказаться избыточными. Особо следует подчеркнуть, что в отличие от П. С. Трубецкого и А. Мартине (Трубецкой, 1960, стр. 206 и сл.; Мартине, 1960, стр. 199 и сл.) под просодемой мы понимаем не слог или мору, а те явления, которые их характеризуют. Термин *просодия* вообще не нужен в фонологии и должен быть оставлен поэтике.

Фонема может выглядеть, как просодема (толчок в датском — это либо сегментная фонема, либо форма динамического акцента), а просодема — как дифференциальный признак фонемы (долгота в латыни — это либо признак гласных, либо свойство слога), поэтому и возникает вопрос, можно ли их разграничить в общем виде. Между фонемами и признаками фонем, с одной стороны, и просодемами — с другой, нет принципиальных различий по функции (ср.: Martinet, 1954, стр. 13), а те различия, которые есть, по-видимому, не так определены, чтобы стать необходимой и достаточной базой для их разграничения. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим внимательнее в просодемы. По определению, дифференциальный признак фонемы входит в фонему как ее свойство, а просодема в определенном смысле самостоятельна (ср.: Pilch, 1966, стр. 240—241). Просодема — это воплощение определенного слогового признака (ср.: Jakobson, 1962, стр. 152—153), и она может обладать подвижностью в речевой цепи (например, ударение в русском или количественная вершина в языках типа исландского, где есть противопоставления вроде *men ~ menn*, а также просто слова, в которых вершина может быть либо на гласном, либо на согласном (ср. *fugg* [fɪ:ɾ, fɪɾ:] 'раньше'). Но подвижность не обязательное свойство просодемы: если анализируемое явление обладает подвижностью, это — несомненный аргумент в пользу его просодического характера, но «закрепленность за местом» не служит доказательством того, что перед нами фонема или различительный признак фонемы.

Для некоторых просодем характерна факультативность (ср.: Иванов, 1959, стр. 140), но очевидно, что факультативность — это следствие малой функциональной нагрузки или даже полной иррелевантности той или иной просодемы, а не выражение ее супrasegmentных свойств. Кроме того, факультативными могут быть в определенных контекстах и многие фонемы (например, в сочетании из трех согласных в норвежском и исландском второй очень часто не обязателен; фонема /h/ — если, конечно, считать ее фонемой — факультативна в большинстве германских диалектов).

На фонологическом уровне просодемы очень часто обладают лишь одним признаком, в то время как для фонемы это большая редкость. Так, в системах индоевропейского типа по одному признаку имеют, например, фарингальный спирант /h/ и гортанная смычка, и именно поэтому те элементы, которые по традиции принимаются за аспирацию, преаспирацию и гортанную смычку,

т. е. за однопризнаковые сегментные элементы, чаще всего оказываются просодемами. Но поскольку в общем виде фонемы все-таки могут иметь по одному признаку, а у просодеме может оказаться более одного различительного признака, то и этот критерий не является решающим при выделении супрасегментных единиц, как иногда ошибочно полагают (ср.: Llogach, 1967, стр. 6—8).

И к дифференциальному признаку фонемы, и к просодеме применима количественная мерка. Нельзя сказать, что в какой-то позиции фонемы /a/ больше, чем в другой, но гласный может быть более или менее открыт, более или менее огублен, более или менее продвинут вперед. Аналогично и тон может быть выше и ниже, ударение сильнее и слабее и т. д. Следовательно, внутри одной просодемы можно наблюдать различные количественные ступени ее проявления. Лишь в этом смысле допустимо говорить о просодических оппозициях: тон не противопоставляется ударению, но сильное ударение противопоставляется слабому ударению или нулю. Просодические оппозиции всегда могут мыслиться в потенции как градуальные и образовывать цепочки (ср. краткость ~ долгота ~ сверхдолгота или то же благодаря нулю — см. ниже), причем члены таких оппозиций находятся между собой в парадигматических отношениях (например, либо краткость, либо долгота).

То обстоятельство, что градуальные оппозиции особенно типичны для просодики, побудило некоторых исследователей (например, Д. Л. Болинджера и М. Клостер Енсена) искать в просодике (и только в ней) так называемую частичную релевантность (Bolinger, 1961; Kloster Jensen, 1961, стр. 164; ср.: Seiler, 1962, стр. 121—123). Указывалось, что разница в тонах, например, бывает выражена настолько нечетко, что неизвестно, какой из двух имеющихся тонов перед нами, и т. п. Однако точно то же самое можно сказать и о любом вокалическом признаке: если в языке имеются фонемы /e/ и /æ/, но нет фонемы /ɛ/, то информант, услышав в изолированном произношении гласный [ɛ], также, наверно, будет колебаться, к какой из двух знакомых ему фонем следует этот гласный отнести.

На фонетическом уровне всегда возможно наличие промежуточных стадий. В том, что касается просодики, Д. Л. Болинджер и М. Клостер Енсен показали это вполне убедительно, но с точки зрения фонологической все-таки непонятно, что такое «частичная релевантность»: сколько бы ступеней ни было в цепочке градуальных оппозиций, каждая из них отделена от любой другой достаточным расстоянием, чтобы не смешиваться с соседями. Градуальность пронизывает всю систему просодических отношений, а в фонематике она встречается сравнительно редко (Трубецкой, 1960, стр. 83).

Аналогично и нуль совершенно по-разному функционирует в фонематике и просодике. Для фонематики нуль, возможно

не имеет никакого значения (Haas, 1957, стр. 47—49), а в просодике он чрезвычайно важен: благодаря его потенциальному присутствию те просодемы, к которым применима количественная мерка, противопоставляются друг другу таким образом, что их оппозиции всегда могут мыслиться как градуальные: ср. низкий тон ~ нейтральный тон (т. е. нуль) ~ высокий тон; в фонематике подобная операция возможна далеко не всегда, и не всякая фонемная оппозиция трансформируется в градуальную. Но так как градуальность обнаруживается не только в просодике, а просодемы противопоставляются не только нулю, но и друг другу, то нельзя сказать, что перед нами некий критерий, всегда позволяющий отделять область фонематики от области просодики.

Рассмотрение разнообразного материала приводит к выводу, что невозможно предложить системы фонологических средств, которые бы служили для безошибочного априорного вычленения просодем. Все обнаруживаемые критерии не более чем симптомы того, что перед нами просодема, а не фонема или различительный признак фонемы. Но и этими симптомами ни в коем случае не следует пренебрегать, ибо они дают возможность фонологу высказать гипотезу о просодической природе изучаемого явления.

Самое сложное — проверить подобную гипотезу, и здесь мы подходим к важнейшему для нас вопросу о роли инструментальной фонетики в теоретической просодике. Можно ли доказать при помощи приборов, что то или иное образование есть просодема? Накопленный фонетистами материал как будто свидетельствует о существовании двух видов просодем. Принадлежность одних фонологических единиц к уровню просодики определяется посредством рассуждения. Вернемся к исландским словам *теп*, *тепп*. Эти слова хорошо иллюстрируют исландские слоговые структуры вида VC (долгий гласный + краткий согласный vs. краткий гласный + долгий согласный). В главе I мы увидим, что эти структуры анализировались фонологами самым различным образом: предлагалось считать релевантной либо только долготу гласных, либо только долготу согласных, либо долготу обоих компонентов, либо, наконец, рассматривать долготу просодически. Очевидно, что ни одну из этих точек зрения (в том числе и последнюю) нельзя ни доказать, ни опровергнуть с помощью приборов. Но принадлежность других единиц к уровню просодики определяется именно путем эксперимента. Так, супрасегментный характер датского толчка стал вполне очевиден лишь после того, как было показано, что толчок — это особое усиление слога.

В этой книге нам придется иметь дело почти исключительно со вторым видом просодем. Ключевое понятие для нас — слоговой акцент. Слоговой акцент — это динамическая характеристика слога, дающая дополнительные возможности смыслоразличения. «Наслаиваясь на ударный слог, — поясняет С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 37), — акценты содействуют выделению

ударного слога в слове. Тем самым они участвуют в сплочении неударных слогов вокруг ударного. Но кульминативная функция акцентов опосредована их связью со словесным ударением и непосредственно им не принадлежит. В отличие от словесного ударения, характеризующего межслоговые отношения в слове, акценты создают возможность дополнительной внутрислоговой вариации, и именно этот дополнительный момент, касающийся фонологии слога, отличает их от словесного ударения и придает им фонологическую самостоятельность. Как носители кульминативной функции оба акцента равны и не отличаются друг от друга; то, что различает их, совершается в узких пределах одного слога».

Фактически вся эта книга посвящена современному состоянию и истории скандинавских слоговых акцентов, т. е. единицам типа шведско-норвежских «акута» (акц. I) и «грависа» (акц. II) и датского толчка.

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
СОВРЕМЕННОГО ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА ¹

§ 1. Ударение и долгота

Правила исландского ударения очень просты. Принято говорить, что в современном языке главное ударение всегда падает на первый слог. Если первый слог — приставка *all-*, *full-*, *hálf-*, *jafn-*, *mag-*, то ударны и эта приставка, и первый корневой слог. В многосложных словах есть еще и побочные ударения (Kress, 1937, стр. 175; Bergsveinsson, 1963, стр. 1965). Фонетическая трудность состоит в том, чтобы вычленить все ступени ударения. По Й. Йоуханнссону, таких ступеней в исландском языке четыре: две сильных (в его транскрипции ['] и [ˈ]) и две слабых ([*] и [°]). О дистрибуции разных типов ударения можно судить по многочисленным примерам Й. Йоуханнссона (Jóhannsson, 1924, стр. 54—61). Тип [ˈ °]: *kuldi* ‘холод’, *hressing* ‘освежение’, *regnskúr* ‘ливень’, *landið* ‘земля’ (опр. ф.), *hólbarð* ‘гребень холма’. Тип [ˈ ° *]: *hamingja* ‘удача’, *hamarinn* ‘молоток’ (опр. ф.), *mýrlendi* ‘болотистая местность’. Тип [ˈ ° °]: *landinu* ‘земля’ (опр. ф., ед. ч., дат. пад.), *haganum* ‘пастбище’ (опр. ф., ед. ч., дат. пад.). Тип [ˈ ° ° °]: *kennaranum* ‘учитель’ (опр. ф., ед. ч., дат. пад.). Тип [ˈ ° ° ° °]: *útlendingarnir* ‘иностранцы’ (опр. ф.), *bálitlegur* ‘незначительный’, *vogveðráttuni* ‘весенняя погода’ (опр. ф., дат. пад.). Из этих примеров видно, что один и тот же тип может объединять слова самой разной структуры. Так, в первый тип попадают и *kuldi* (простое слово), и *hressing* (простое слово с тяжелым суф-

¹ При чтении исландских транскрипций надо иметь в виду следующее. В исландском языке шумные смычные не различаются по глухости—звонкости. Буквы *p*, *t*, *k* обозначают придыхательные сильные, буквы *b*, *d*, *g* — непридыхательные слабые. В нашей транскрипции значки *p t k*, *b d g* и будут соответственно обозначать придыхательные и непридыхательные смычные. Но, цитируя разных авторов, мы вынуждены будем прибегать и к иной системе нотации. Например, С. Эйнарссон различает [*p^h t^h k^h*], [*b d g*] и [*b̥ d̥ g̥*], т. е. глухие шумные с придыханием, звонкие шумные без придыхания и звонкие, лишенные звонкости. На конце слова все исландские звуки аспирированы, поэтому возникает дополнительный источник путаницы. Так, в словаре В. П. Беркова приведены транскрипции типа [*brölt^h*] (‘барактанье’), [*t^ha:la*] (*tala* ‘говорить’), хотя *brölt* и *tala* имеют совершенно разные [t] (и фонетически, и фонологически).

фиксом), и *regnskúr* (сложное слово). Насколько можно судить по материалу Й. Йоуханнссона, никакие типы не противопоставляются друг другу в целях смысловоразличения и никакие ударения не выполняют иной функции, кроме делимитативной.

Существуют и фонологические описания исландского ударения. Они принадлежат К. Мэлоуну, Э. Хаугену и Хр. Бенедиктссону.

К. Мэлоун тоже различает четыре вида ударения в исландском, но совершенно не те, что Й. Йоуханнссон. Он считает, что в современном исландском существует групповое ударение (в том случае, когда ударный слог самый сильный в силлабме), главное (его имеет ударный слог отдельно произнесенного слова), слабое (его имеют вторые компоненты сложных и производных слов и некоторых примыкающих к ним заимствований: ср. второй слог в *kollóttur* 'безрогий', *handklæði* 'полотенце' и третий — в *apótek* 'аптека') и минимальное, например в приставках, за которыми следует сильноударенный корневой слог — по терминологии К. Мэлоуна, *group-stress*, *major stress*, *minor stress* и *sub-minor stress* (Malone, 1959, стр. 270).

В фонематической транскрипции К. Мэлоун считает нужным отмечать особо только слабое ударение; однако он предлагает отделять приставку, несущую минимальное ударение, специальным знаком. При такой системе нотации главное ударение оказывается либо на первом слоге слова, либо сразу после того знака, который отделяет приставку от корня. Групповое ударение К. Мэлоун считает возможным в случае необходимости обозначать так же, как и слабое, а минимальное — оставлять необозначенным.

Из анализа К. Мэлоуна неясно, какую различительную функцию приписывает он выделенным типам ударения. Видимо, групповое ударение можно исключить из фонологического описания исландской просодики в узком смысле слова, так как наряду с интонацией оно относится к фразе в целом. Кроме того, из материала К. Мэлоуна следует, что главное ударение не противопоставлено слабому в смысловом отношении, поскольку оба несут лишь делимитативную нагрузку и находятся в дополнительной дистрибуции: в простом слове главное ударение выделяет корень, а слабое — суффикс; если же слово сложное, то оба ударения только подчеркивают его морфологическое строение, но стоят не на корне и суффиксе, как в первом случае, а на разных корнях (как в *handklæði*). Минимальное ударение, будучи закреплено за приставкой, тоже в состоянии выполнять лишь выделительную функцию. Если я правильно понимаю К. Мэлоуна, то выделенные им акцентные типы относятся только к ударности, так что с фонетической точки зрения следует еще принимать во внимание нулевое ударение, более слабое, чем минимальное.

Те же вопросы, которые подняты К. Мэлоуном, обсуждаются Э. Хаугеном. Э. Хауген различает в исландском три вида ударе-

ния: сильное, второстепенное и слабое (loud, reduced, weak), имея в виду под слабым — безударность (Haugen, 1958, стр. 63). По его теории, исландское ударение имеет несомненную различительную силу. Свое заключение он подкрепляет следующими доводами: во-первых, существуют приставочные образования, в которых ударен не начальный слог; во-вторых, фразовое ударение слова не предсказуемо (ср. ef þú vill 'если хочешь' с безударным ef и ef til vill 'возможно' с ударным ef); в-третьих, слабое ударение в сложном слове не обязательно падает на начальный слог второго компонента (ср. пример K. Мэлоуна 'handklæði'), чаще бывает выделен второй слог: ср. транскрипцию слова þjóðfélagsins ['þjou:ð-fje,lax'sins] 'общества' (ед. ч., род. пад. от þjóðfélag, опр. ф.); в-четвертых, дистрибуция ударения может быть существенна для противопоставления разных типов сложных слов (ср. blásnaður [' '] 'пшици' и blárauður [' ,] 'голубовато-красный', hádagur [' '] 'яркий день' и hádegi [' ,] 'полдень'), а также для отграничения словосочетаний от сложных слов (ср. minni hlutin [' '] и minnihlutin [' ,] — оба значат 'меньшая часть'); и наконец, противопоставление типов [, '] и [' ,] может быть единственным смыслоизменяющим средством.

Не все аргументы Э. Хаугена одинаково убедительны. Прежде всего едва ли следует рассматривать как равнозначные ударение в изолированном слове и ударение во фразе. То обстоятельство, что какие-то слова приобретают или теряют ударение в зависимости от темпа высказывания или от соседства других слов, т. е. под влиянием ритмических факторов, не может определять фонологической нагрузки ударения. Доказательство тому — английский язык, обнаруживающий исключительную прихотливость в дистрибуции фразовых ударений, которая, однако, не является доводом ни за, ни против признания фонологической роли английского словесного ударения. Не ясно также, о чем свидетельствует место ударения во втором компоненте сложного слова. По всей видимости, Э. Хауген стремится доказать, что в современном исландском не существует связанного ударения. Действительно, легко найти некоторое количество исландских слов, в которых сильноударен не начальный слог, но такие слова никак не могут доказать, что в исландском существует свободное ударение. Суть свободного ударения заключается в том, что оно служит, хотя бы в качестве вспомогательного средства, целям слово- и форморазличения. Эта свобода проявляется не только (и даже не главным образом) в столкновении таких квазиомонимов, как русск. мука—мука, но и в использовании разноместного ударения при словообразовании и формообразовании. В исландском же ударение не служит ни слово-, ни формообразованию, и, хотя оно не всегда закреплено нормой на начальном слоге слова, смысловые противопоставления *простых* слов лишь по месту ударения исключены.

Только паличные таких пар, как *minni hlutin* [' '] ~ *minnihlut-* in [' ,] (словосочетание vs. сложное слово) и *hálffullur* [' '] 'населенный ~ *hálffullur* [' ,] 'заполненный наполовину' (демотивированное сложное слово vs. сложное слово), могло бы свидетельствовать в пользу релевантности разных типов исландского ударения. Однако противопоставление [' '] ~ [' ,] не обязательно служит отграничению словосочетания от сложного слова, о чем говорит пример самого Э. Хаугена *hádagur* [' '] ~ *hádegi* [' ,] и приводившийся выше материал Й. Йоуханнссона; ударение в примере Э. Хаугена характеризует разные сложные слова, а не словосочетание и слово, так что никакой четкой модели здесь построить не удастся. Скорее всего разные чередования ударений лишь сопутствуют морфологическим и семантическим противопоставлениям, а не определяют их, как это кажется на первый взгляд. Что же касается выделения Э. Хаугеном трех, а не двух и не четырех ступеней ударности, то на причинах, побудивших его к такому анализу, мы подробно остановимся ниже.

Последний из предложенных пока анализов исландского ударения принадлежит Хр. Бенедиктссону (*Benediktsson, 1963*). Он тоже считает ударение релевантным просодическим средством современного исландского языка, но, в отличие от всех своих предшественников, не стремится обнаружить какое-то определенное число ступеней ударения. Он просто отмечает, что главное ударение (*primary stress*) всегда падает на начальный слог (это, как мы знаем, не совсем так) и поэтому является лишь указателем морфологического стыка. Релевантность же ударения вытекает, по Хр. Бенедиктссону, из того, что можно сказать *í húsinu* 'в доме', выделив при этом предлог (т. е. 'в доме', а не 'у дома', например, или 'на доме'), и даже *á hestinum, ekki á hestunum* 'на лошади. а не на лошадях', выделяя /I/ и /u/, и т. п. (*Benediktsson, 1963*, стр. 147—148). Как видим, Хр. Бенедиктссон основывает свой вывод лишь на случаях эмфатического ударения. Однако всяческие «эмфатики» (*Laziczius, 1936*), вроде начального ударения и густого придыхания во французском, удлинения в венгерском или переноса ударения с существительного на предлог в исландском *í húsinu*, вызваны особыми условиями необычного противопоставления (ср. русск. 'мóховик, а не мáховик' с исландским *á hestinum, ekki á hestunum*) и уже по своему заданию оказываются по ту сторону нормальных фонологических средств языка.

Если бросить беглый взгляд на сказанное выше, то можно обнаружить следующие аргументы, выдвигавшиеся в разное время в пользу релевантности исландского ударения: 1) ударение в современном исландском не всегда падает на первый слог; 2) ударение может отграничивать слова от словосочетаний и простых слова от сложных; 3) ударение может в случае необходимости выделять любое слово в предложении и любой слог в слове. Как мы видели, все эти доводы не имеют большой доказательной силы.

чтобы ударение было релевантным, оно должно быть не просто свободным (а в исландском оно, конечно, и не свободно), но еще и участвовать в слово- и формообразовании, чего не происходит в исландском; в исландском не существует четких акцентных моделей простого слова, сложного слова и словосочетания; имеющиеся противопоставления не стойки и эпизодичны; наконец, следует различать закономерности словесного, фразового и эмфатического ударения и не распространять функции одного вида ударения на другие. Кроме того, выделение самих ступеней ударения основывается на необъясненных правилах и совершенно субъективно. Неудивительно, что Й. Йоуханнссон различал четыре ступени ударности, К. Мэлоун — пять, Э. Хауген — три, Хр. Бенедиктссон — одну, хотя его термин *главное ударение* подразумевает, что существует еще и неглавное.

Однако самые серьезные трудности при анализе исландского ударения возникают тогда, когда мы пытаемся отделить его от долготы. Дело в том, что, как принято говорить, все ударные слоги исландского языка долгие. В ударном слоге (под ударностью обычно имеется в виду любая ступень, кроме нулевой) долог либо гласный, либо согласный. Такое положение вещей ставит перед фонологом два основных вопроса — о функциональной нагрузке долготы и о соотношении на фонологическом уровне долготы и ударения. Эти вопросы в одинаковой мере существенны для исландского, шведского, норвежского и фарерского языков. Мы подробно остановимся лишь на исландском материале.

То обстоятельство, что в исландском ударном слоге долог либо гласный, либо согласный, вначале побудило К. Мэлоуна считать релевантной в исландском и долготу гласных, и долготу согласных (Malone, 1953). Однако впоследствии (Malone, 1959) он существенно изменил свою точку зрения и стал различать в современном исландском два типа слогов: тяжелые и легкие. Тяжелый слог, по этой классификации, ударен и имеет в своем составе долгий слогоноситель. Следуя общепринятой среди американских фонологов терминологии, К. Мэлоун называет долготу слогоносителя фонемой и транскрибирует *fúss* 'гнев' и *fús* 'имеющий желание' соответственно как /fús:/ и /fús/, но по сути дела он готов признать, что в исландском нет фонологически долгих и кратких согласных, а существует количественный пик, местоположение которого внутри тяжелого слога вида VC имеет различительную силу. Можно сказать, что в своей последней работе (1959) К. Мэлоун трактует исландскую долготу как слоговую характеристику, т. е. просодически.

Возможность просодической интерпретации исландской долготы и выделения количественного пика внутри исландского слова была еще до К. Мэлоуна предусмотрена Э. Хаугеном (Haugen, 1949). Однако в своем описании исландской звуковой системы

Э. Хауген не ограничивается выводом о просодическом характере исландской долготы, а строит довольно сложную теорию.

Э. Хауген отмечает неразрывную связь исландского ударения с количественными характеристиками (Haugen, 1958, стр. 63—64) и, выделив три ступени ударения, выделяет и три ступени длительности: долготу, полудолготу и краткость. Затем он устанавливает особую слитную категорию, названную им акцентом (accent; словесное ударение именуется у него stress). Ступеней акцента оказывается, естественно, тоже три: 1) сильное ударение, полная долгота, 2) второстепенное ударение, полудолгота, 3) слабое ударение (т. е. безударность), краткость (там же, стр. 64—65). Собственно, Э. Хауген именно для того и выделил три ступени ударения, чтобы соединить их с тремя ступенями долготы. Так, например, он считает, что в сложном слове типа hátið 'праздник' (его транскрипция /hau'tiið/) в первом компоненте присутствует сильное ударение и долгота, во втором — второстепенное ударение и полудолгота (там же, стр. 65). Видимо, в форме hátiðinn (опр. ф. от hátið) Э. Хауген зарегистрировал бы в трех последовательных слогах все три ступени выведенного им акцента.

Недавно Э. Хауген написал статью о норвежской просодике (Haugen, 1967). Хотя просодическая система норвежского не во всем повторяет исландскую, условия в обоих языках очень схожи, и потому мы разберем здесь и эту работу. Э. Хауген предлагает такую интерпретацию просодических отношений в норвежском: 1) гласные называются им не долгими и краткими, а напряженными и ненапряженными, причем напряженность образует внутрислоговой пик, соответствующий ударению; записи типа /maan, mann/, /ma:n, man:/, /ma'n, man'/ кажутся ему равнозначными; 2) долгота разделяет слоги на два класса: долгие и краткие, а ударение более ограничено по функции и встречается только в долгих слогах, которые, таким образом, могут быть ударными и неударными (там же, стр. 187—188). Предложенная Э. Хаугеном общая схема норвежской просодики, включая и акценты, которые он несколько неожиданно называет тонами, такова:

		— с л о г —	
долгота	/:/	долгий	краткий
ударение	/'/	ударный	безударный
тон	˘/˘	тоновый	нетонный

Эта схема (даже если отвлечься от последней строки) довольно сильно отличается от предыдущих схем Э. Хаугена. Во-первых, он признал равноценными такие транскрипции, как /maan, mann/, /ma:n, man:/, /ma'n, man'/, т. е. сделал заметный шаг навстречу дескриптивистскому анализу слогов [$\bar{V}C$, $V\bar{C}$] (ср.: Rischel, 1960,

стр. 180, где «фонема долготы» объявлена сегментным элементом лишь потому, что, как считает автор, чем больше элементов представлено линейно, тем лучше, и Kufner, 1957, стр. 176—177; 1960, стр. 11—12, где высказаны сходные соображения). Во-вторых, он отказался от попыток (во всяком случае, на норвежском материале) выделять три ступени ударения и долготы. И, в-третьих, ударность подчинена в его анализе долготе, а не слита с долготой в едином «акценте». Несмотря на все эти поправки, основная идея Э. Хаугена все же сохранилась: и долгота, и ударение рассматриваются им как свойства слогов, т. е. просодически, и в этом смысле трактовка исландского и норвежского языка совпадает.

Просодической трактовке исландской долготы противостоит теория, в соответствии с которой в исландском следует различать долгие и краткие фонемы, а не слоги. Сторонником одного из вариантов этой теории является Хр. Бенедиктссон (Benediktsson, 1963). Он отмечает, что и К. Мэлоун, и Э. Хауген вводят в описание исландской просодики больше элементов, чем необходимо. Особенно этот упрек относится к Э. Хаугену. По мнению Хр. Бенедиктссона, если объединить ударение и долготу в одну фонологическую единицу — «акцент», то данный акцент придется ставить и на таких словах, как *sá* 'тот', *þú* 'ты', *mynd* 'картина', *hestur* 'лошадь' и т. п., т. е. на словах, в которых возможен только один акцент: полная долгота + ударность. Хр. Бенедиктссон соглашается лишь с хаугеновской трактовкой слов типа *ma[n]* [ma:n] (ед. ч. от *munna* 'помнить'), *mann* [man:] (ед. ч., вин. пад. от *maður* 'человек'). Не вдаваясь сейчас в обсуждение всего сказанного Хр. Бенедиктссоном, заметим лишь, что в контексте его статьи одобрительная оценка даже той части работы Э. Хаугена, которая касается слов *ma[n]*, *mann*, не правомерна: слова эти отличаются не «акцентами», а лишь местом количественной вершины. «Акцент» у них, конечно, один и тот же (по Э. Хаугену — полная долгота + полная ударность), и, как для всякого односложного слова, этот акцент с точки зрения Хр. Бенедиктссона должен был бы считаться избыточным. Под акцентом Э. Хауген вовсе не имеет в виду место падения какой бы то ни было вершины, поскольку с узкофонетической точки зрения динамическая и количественная вершины могут выделять разные части слога: ср. *mann* [man:], где вершина ударения приходится на гласный, а количественная вершина — на согласный.

В связи с анализом местоположения количественного пика Хр. Бенедиктссон говорит, что решение Э. Хаугена мешает понять разницу между исландским и другими скандинавскими языками, особенно между исландским и норвежским (Benediktsson, 1963, стр. 136—137). В слоге типа [VC₁C₂] норвежский допускает колебания вершины длительности и использует эти колебания в целях смыслоразличения, например *vist* (прич. II

от *vise* 'показывать') [vi:st] и *visst* (прич. II от *vite* 'знать') [vis:t].² В исландском подобное чередование исключается: ср. *víst* (ср. р. от *vís* 'бесспорный') и *visst* (ср. р. от *viss* 'уверенный'), которые оба имеют вершину длительности на согласном. Однако следует еще раз повторить, что, говоря об «акцентах», Э. Хауген не имел в виду местоположения количественной вершины, а лишь относил слово к одному из трех выделенных им акцентно-квантитативных типов, так что отношения внутри норвежских слогов типа *víst*, *visst* или исландских типа *víst*, *visst* не интересовали его. Самое слабое в рассуждении Хр. Бенедиктссона состоит в том, что он говорит о различительной долготе вообще, в то время как К. Мэлоун и Э. Хауген ясно различают парадигматический аспект (какой-то слог долг, какой-то краток) и синтагматический аспект (внутри долгого слога вершина длительности может падать то на гласный, то на согласный).

Хр. Бенедиктссон потому стремится преодолеть взгляды К. Мэлоуна и Э. Хаугена на исландскую долготу, что предлагает не просодическую, а фонематическую трактовку длительности в современном исландском. По его мнению, не следует выделять долгих и кратких слогов, отличающихся местоположением квантитативного пика, а нужно различать долгие и краткие согласные. Хр. Бенедиктссон аргументирует свое решение тем, что при таком анализе удастся просто и экономно описать парадигмы слов типа *hús* 'дом' (им. пад. /hus/ *hús*, род. пад. /hus:/ *húss*) и ряда других. Решение Хр. Бенедиктссона действительно просто, но, как всегда в подобных случаях, остается неуверенность, следует ли стремиться к простому описанию того, что на самом деле сложно.

Полемика Хр. Бенедиктссона с К. Мэлоуном и Э. Хаугеном касалась исландского языка, но вопрос о слоговой долготе — это один из принципиальных вопросов всей скандинавской фонологии и, как уже говорилось, в равной мере существует для исландского, шведского, норвежского и фарерского, т. е. для всех скандинавских языков, кроме датского.

Существует множество попыток выделить в названных языках долгие *гласные* фонемы: Хр. Бенедиктссон, как мы видели, приписывает релевантную долготу *согласным*; в принципе можно считать релевантной и ту и другую долготу. Каждая точка зрения имеет какое-то оправдание. В фонологии, как и во всякой науке, есть правила для принятия решений, но нет правил для выработки самих этих правил. Просодическая трактовка скандинавской долготы имеет то преимущество, что отражает связь длительности с ударением и не подменяет взаимозависимость долготы их обусловленностью (Кацнельсон, 1966, стр. 84). В нашей литературе такая трактовка принята многими: для шведского

² О словах типа *víst* [visst] в норвежском ср. также: Rischel, 1960, стр. 180.

А. И. Смирницким (Смирницкий, 1962, стр. 16), для обоих северно-скандинавских языков С. Д. Кацнельсоном (Кацнельсон, 1966, стр. 80—86, там же история вопроса), для исландского М. И. Стеблин-Каменским (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 92—93). Мы также будем считать исландскую долготу просодическим явлением, но при этом различать парадигматическую долготу (все долгие слоги противопоставляются кратким; как отличить долгий слог от краткого, будет сказано ниже) и синтагматическую долготу, т. е. место квантитативного пика.³

Хотя исландский различает слоги вида [V:C] и [VC:] и пользуется этим различием в семантических целях, вопрос о том, на какую именно фонему приходится пик в каждом конкретном слове, не всегда ясен. Так, перед /g/ местоположение пика может колебаться: слово *fyg* 'раньше' имеет дублет *fygg* (ср.: *Guðfinnsson*, 1946, стр. 68), и эта вариативность отражена орфографией; ср. еще *gari*, *gaggi* 'непогода, буря'.

В ряде случаев между исландскими фонетистами не существует единого мнения о месте внутрислогового пика, а иногда норма произношения недостаточно определена. Так, С. Эйнарссон говорит, что производные слова типа *kaupmaður* 'купец', *átmatur* 'пища, которую едят при помощи ножа и вилки', *vitlaus* 'сумасшедший' постоянно превращаются в живой речи в *kauprmaður*, *áttmatur*, *vittlaus*. Аналогично *hafgola* 'морской бриз' превращается в *haffgola*. Однако, в сложных словах (в отличие от производных) удлиняется не каждый конечный согласный первого компонента: фонемы /p t k s/ противостоят удлинению. По мнению С. Эйнарссона, это происходит потому, что в оппозиции согласных по долготе по-настоящему участвуют только /p t k s/, и язык препятствует нейтрализации этого яркого противопоставления. Тем не менее сам С. Эйнарссон признает, что его правило не имеет абсолютной силы (Einarsson, [1949], стр. 9—11).

А. Бёдварссон отмечает (P 30 VII 1960), что в группе -агласный краток во всех позициях и что следует говорить [gavva] *gafa* 'подарок', а не [ga:va] (аналогично *kafa* 'нырять', *hafur* 'козел', *máfur* 'чайка' и т. д.), однако в транскрипциях к исландско-русскому словарю он не следует этому правилу.

Видимо, в каких-то редких случаях не ясно, долгий перед нами слог или краткий. Например, Б. К. Тоуроульфссон писал, что, хотя вообще гласный в открытом слоге долг, в хиате он кра-

³ Этот вывод в принципе относится и ко всем другим скандинавским языкам, кроме датского. Видимо, сами носители этих языков могут воспринимать противопоставление слогов [V̄C] ~ [V̄C̄] как просодическое. Ср. любопытное замечание шведского диалектолога П. Острёма: «Я воспринимаю разницу между двумя [t] в *rätt* и *rät* как разницу между акцентами (последовательность разных слоговых акцентов), а не как разницу в длительностях» (Åström, 1888, стр. 9).

ток или, во всяком случае, полудолог (Þórólfsson, 1929, стр. 178, прим. 2). Подобные нечеткие случаи есть в языке всегда, поскольку они затрагивают лишь синтагматические отношения и не влияют на систему; неудивительно, что есть такие случаи и в рамках просодической корреляции длительности.

Просодическую корреляцию длительности, которую мы обнаружили в исландском, не следует смешивать с корреляцией усечения слога, существующей, по Н. С. Трубецкому, в английском, немецком и голландском языках. Английские feet 'ноги' ~ fit 'припадок' и немецкие Beet 'грядка' ~ Bett 'кровать' противопоставляются друг другу совсем не так, как шведские dag 'день' ~ dagg 'роса', норвежские vid 'широкий' ~ vidd 'ширина' и исландские man ~ mann, хотя Н. С. Трубецкой, говоривший, что не всегда легко решить, какой тип корреляции присущ тому или иному языку — корреляция усечения слога или консонантная корреляция геминации, — склонен был считать, что в норвежском и шведском существует определенная связь между той и другой (Трубецкой, 1960, стр. 244—246). С. Д. Кацнельсон замечает, что понятие корреляции усечения слога основывается на различии сильного (резкого) и слабого (плавного) примыкания согласного к предшествующему ему ударному гласному, а просодическая корреляция длительности шведско-норвежского типа основана на различии долгих и кратких слогов и на возможности противоположения в долгих слогах двух ритмических типов в зависимости от местоположения вершины длительности: начально-вершинного и конечно-вершинного (Кацнельсон, 1966, стр. 85). Но исторически эти корреляции восходят к единому источнику и являются, как пишет С. Д. Кацнельсон, продуктами разложения старых акцентных отношений.

Из исландских фонетистов об усечении гласных говорил в свое время С. Бергсвейнссон (Bergsveinsson, 1941, стр. 181—187). Он считал, что в исландском языке существуют растяжимые (dehnbar) и нерастяжимые (undehnbar) гласные. Идея растяжимости очень стара: о растяжимых гласных говорил еще в 1776 г. К. Ф. Моритц (K. Ph. Moritz — см.: Zwirner, 1941), затем в 1863 г. Э. Брюкке (E. Brücke — см.: Gerhardt, 1941), а после них многие другие, в частности Э. Сиверс (Sievers, 1901, § 186). От Э. Сиверса эта идея стала известна Н. С. Трубецкому (Trubetzkoy, 1938, стр. 158) и впоследствии приобрела почти всеобщее признание (ср.: Richter, 1938, стр. 25; Forchhammer, 1939). Н. С. Трубецкой говорил, что фонетическая длительность и фонетическая краткость суть члены оппозиции, не имеющей никакого отношения к долготе; долгота — это, условно говоря, линия, а краткость — точка; смысл краткости состоит в том, чтобы не превышать долготы (Trubetzkoy, 1938, стр. 158—159; 1938*, стр. 117—118).

Н. С. Трубецкой справедливо заметил, что смысл краткости состоит именно в том, чтобы не превышать долготы, но он, видимо,

не осознавал, что растяжимость это не выражение внутренней сущности долготы, а просто ее фонологическое свойство: краткие гласные не растягиваются потому, что им грозит смещение с долгими (ср.: Laziczius, 1939). Если в языке наличествуют три ступени долготы (ситуация, по Н. С. Трубецкому, невозможная, но тем не менее вполне мыслимая теоретически и как будто даже зарегистрированная в некоторых языках), то и долгие гласные будут нерастяжимы: этим свойством будут обладать лишь сверхдолгие. Растяжимость и нерастяжимость гласных интересны лишь в той мере, в какой они соответствуют резкому и плавному контакту (в рамках корреляции усечения слога). Для Н. С. Трубецкого растяжимость гласных, т. е. их длительность в открытом слоге и возможность продления перед одиночными согласными, была свидетельством того, что в языке существует корреляция усечения слога. В отличие от Н. С. Трубецкого, С. Бергсвейнссон не доказал подобного состояния для исландского, и в его книге термины *растяжимый*, *нерастяжимый* являются простыми синонимами слов *долгий*, *короткий* и никак не позволяют раскрыть сущность господствующих в исландском языке фонематических и просодических отношений.

Итак, мы исходим из того, что в исландском языке существует просодическая корреляция длительности. Но, как уже говорилось, все ударные слоги в исландском долги. Спрашивается, нужно ли для описания отдельно взятого исландского слова понятие ударения? Само по себе ударение, как мы пытались показать, иррелевантно и выполняет в исландском языке лишь делимитативную функцию. Но если ударный слог всегда долг, то зачем фонологу категория типа хаугеновских акцентов? Не достаточно ли сказать, что такой-то слог долг, тем более что ударение — это просто способ выделить его (интенсивностью, тоном или той же длительностью), а для того чтобы противопоставляться другим слогам, слог не нуждается в двух выделениях одновременно? Все эти вопросы и многие другие того же рода уже не раз вставали перед скандинавистами. Чтобы разобраться в них, нам придется на некоторое время оставить исландский материал и обратиться к одной старой дискуссии, посвященной ударению и долготе в шведском. Эта дискуссия интересна нам потому, что, как отмечалось, количественные отношения в современных шведском и исландском в принципе одинаковы.

В 1902 г. шведский лингвист Э. Русенгрэн (Rosengren, 1902) предложил теорию, состоявшую из следующих основных положений: 1) так называемый динамический акцент (т. е. словесное ударение) не зависит от интенсивности произношения; 2) динамический акцент есть долгота, и поэтому античное и современное стихосложение основаны на совершенно одинаковых принципах; 3) всякая долгота есть слоговая долгота; при этом слог следует определять как расстояние от одного слононосителя (гласного)

до другого.⁴ Центральным тезисом теории Э. Русенгрена была вторая («динамический акцент есть долгота»). Для доказательства этого тезиса Э. Русенгрэн провел ряд однотипных экспериментов с обратным прослушиванием. Он брал бессмысленные слова типа sógragis, áttigas, записывал их на фонограф и давал нескольким людям прослушать эту запись в обратном направлении. По утверждению Э. Русенгрена, при обратном прослушивании все испытуемые отмечали сдвиг ударения, т. е. слышали sigárros, sagítta, а не sigarrós, sagittá. Из результатов своего опыта Э. Русенгрэн пришел к выводу, что физический коррелят динамического акцента — длительность, поскольку в словах sigarros, sagitta именно долгие слоги (-arr-, -itt-) воспринимались как ударные (напомним, что слог, по Э. Русенгрэну, измеряется от слогиносителя до слогиносителя).

Выводы Э. Русенгрена вызвали острейшую полемику, в которой приняли участие многие видные ученые: А. Валленшёльд (Wallensköld, 1903, стр. 112—113; 1903*, стр. 147—148), Э. Мейер (Meyer, 1903—1904, 1905), Г. Пиппинг (Pipping, 1903—1904), Н. Бекман (Beckman, 1903—1904, стр. 89—94), Г. Кальстениус (Kallstenius, 1902, 1903—1904), Ж. Пуаро (Poiret, 1906, 1909), О. Есперсен (Jespersen, 1904, стр. 132—133),⁵ Б. Рисберг (Risberg, 1905, стр. 69—76). Эксперименты Э. Русенгрена и его выводы никого полностью не убедили, однако и среди его оппонентов не было единодушия. Против Э. Русенгрена были выдвинуты следующие основные доводы: 1) результаты обратного прослушивания Э. Русенгрена либо недостоверны, либо даже целиком ошибочны (О. Есперсен, Ж. Пуаро и ряд их информантов не слышали никакого сдвига ударения); 2) результаты обратного прослушивания неправомерно унифицированы Э. Русенгреном: сдвиг ударений наблюдается лишь в отдельных случаях и не по тем причинам, на которые указал Э. Русенгрэн (Э. Мейер); 3) опыты Э. Русенгрена некорректны: при обратном прослушивании получаются слова, которых ни в шведском, ни в каком другом языке быть не может, поэтому выводы из обратных прослушиваний должны использоваться с предельной осторожностью (Г. Кальстениус); 4) нельзя мерить слог от гласного до гласного (Б. Рисберг); 5) неверно отрицать связь силы и ударения; Э. Русенгрэн не понимает или неверно толкует закон Фехнера (Э. Мейер; имеется в виду закон Вебера—Фехнера, согласно которому при увеличении силы раздражения в геометрической прогрессии интенсивность ощущения растет в арифметической); 6) результаты Э. Русенгрена

⁴ Несколько позже Э. Русенгрэн подробно развил свои взгляды в серии новых статей (Rosengren, 1903, 1903*, 1904, 1905).

⁵ Кроме главы в книге «Phonetische Grundfragen», известно еще письмо О. Есперсена Э. Мейеру по тому же вопросу. Отрывок из письма, касающийся Э. Русенгрена, приведен в одной из статей Э. Мейера (Meyer, 1905, стр. 53—54).

не имеют и не могут иметь всеобщего значения, так как в лучшем случае отражают взаимоотношения некоторых фонетических характеристик в литературном шведском (А. Валленшёльд, О. Есперсен); известно, что в шведских диалектах, не знающих закона слогового равновесия, возможны краткие ударные слоги (Г. Кальстениус), а в других языках, например в финском, возможны долгие неударные слоги (Г. Пиппинг); кроме того, записывая свои трехсложные слова, Э. Русенгрэн, естественно, произносил их со шведскими акцентами, т. е. и *sorrägis* и *sagitta* имели второй «тон», а распределение «тонов» существенно влияет на восприятие слова целиком, и не известно, что услышали бы испытуемые, если бы *sorrägis* и *sagitta* звучали с первым «тоном».

Многие из тех, кто не ставил под сомнение корректность экспериментов Э. Русенгрэна, предлагали свои теории, объяснявшие сдвиг ударения (А. Валленшёльд, частично Э. Мейер).

Тем не менее, как уже говорилось выше, оппоненты Э. Русенгрэна отнюдь не были едины в своих оценках: в работах, направленных против него, содержалось как полное отрицание его выводов (Э. Мейер, О. Есперсен, Ж. Пуаро), так и частичное их признание. Например, Г. Пиппинг воспринял от Э. Русенгрэна его теорию слогаделения («от гласного до гласного») и подробно обосновал ее в своем «Введении в изучение скандинавских языков» и в более поздних работах (Pipping, 1922, стр. 60—63; 1937). В первые десятилетия XX в. слогаделение по Э. Русенгрэну (главным образом, благодаря поддержке Г. Пиппинга) было довольно популярным. Сходных с Э. Русенгрэном и Г. Пиппингом взглядов на слог придерживались не только многие более молодые скандинавские ученые, но и некоторые ученики Руссело, например П. Верье (Verrier, 1914, стр. 135), который различал слоги в собственном смысле слова и количественные слоги («от гласного до гласного»). С другой стороны, Б. Рисберг, один из крупнейших авторитетов по вопросам шведского стихосложения, признал выводы Э. Русенгрэна об идентичности долготы и ударения в шведском (Risberg, 1905, стр. 69—76) и получил при обратном прослушивании на фонографе те же сдвиги ударения. Но Б. Рисберг относился крайне отрицательно к слогаделению по Э. Русенгрэну и Г. Пиппингу, а Г. Пиппинг считал глубоко ошибочной мысль о тождестве динамического ударения и долготы.

Нам совершенно незачем обсуждать все тезисы Э. Русенгрэна и подробно исследовать ход дискуссии, занявшей сотни журнальных и книжных страниц, тем более что довольно быстро эта дискуссия превратилась в малосодержательную перебранку между Э. Мейером и Э. Русенгрэном. Э. Русенгрэн был, очевидно, неправ, отождествляя ударение и долготу во всех современных европейских языках, но столь же очевидно и то, что он заметил важную закономерность, пронизывающую фонетическую систему литературного шведского: для шведа, говорящего на «фиксмол»,

нестественно воспринимать долгие неударные и краткие ударные слоги. Фонологические выводы из этого наблюдения могут быть различными, но основной принцип взаимоотношения между долготой и ударением в шведском Э. Русенгрена сформулирован верно. Конечно, полемику вызвала именно неожиданная формулировка этой закономерности, а не факт обнаружения связи между шведской долготой и ударением (данные связи были хорошо известны и раньше). Но, сопоставляя выводы Э. Русенгрена с достижениями современной фонетики, можно видеть, как во многом был прав Э. Русенгрена. Мы до сих пор не знаем, что является физическим коррелятом динамического акцента в разных языках мира, и работы последних лет, посвященные, например, английскому, указывают то на определяющую роль длительности (см., например: Fry, 1955), то на первостепенное значение высоты тона (Bolinger, 1958, 1958*, 1965; Fónagy, 1959); интенсивность же того или иного звукового комплекса в реализации ударения оказывается несущественной.

Если Э. Русенгрена был прав, считая, что шведское словесное ударение выражается длительностью, то аналогичный вывод можно было бы распространить и на современный исландский. Но соответствует ли истине теория Э. Русенгрена? Правомерно ли считать, что в таких языках, как литературный шведский и норвежский, а следовательно и исландский, «словесное ударение есть долгота», т. е. что долгота составляет физический субстрат ударения и нет никакого другого способа выделения слога, кроме количественного? Фонологический аспект вопроса состоит в следующем: существуют ли в просодических системах шведского, норвежского и исландского языков ударение независимое от долготы и долгота независимая от ударения или в них есть только долгота, а ударение — лишь тень, отбрасываемая ею, или, наконец, в них есть только ударение, т. е. некий релевантный способ выделения слога, отличный от долготы, а долгота — это величина, сопутствующая ударению и потому избыточная.

Сформулированные таким образом вопросы принадлежат к самым сложным и запутанным в скандинавской фонологии. Отсутствие современных фонетических исследований словесного ударения в скандинавских языках не позволяет дать на эти вопросы убедительных и однозначных ответов. Тем не менее факты уже известные о северноскандинавской просодике достаточны, чтобы сделать некоторые предварительные выводы.

На данной стадии нашего исследования фонетики исландского языка наиболее естественно предположить, что при изучении отдельного исландского слова фонолог может обойтись без понятия ударения: достаточно говорить, что тот или иной слог либо долгот, т. е. выделен, либо краток, т. е. не выделен. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы научиться отграничивать выделенные слоги от невыделенных. От таких критериев, как сила ударения и абсо-

лютная длительность, надо сразу отказаться, потому что обнаружить некоторое определенное число ступеней ударения и длительности едва ли возможно. В нашем анализе мы прибегнем к совершенно иным процедурам.

В исландском языке можно с уверенностью провести лишь одно разделение слогов: есть слоги, имеющие квантитативную вершину, и слоги, такой вершины не имеющие. Подвижную квантитативную вершину имеют только слоги вида [VC]: ср. *men* 'ожерелье' ~ *menn* 'люди', *fús* 'имеющий желание' ~ *fúss* 'гнев', *böl* 'бедствие' ~ *böll* 'балы' (мн. ч. от *ball*) и т. п.; неподвижную квантитативную вершину имеют слоги вида [V]: ср. *á* 'река', *fé* 'скот', первый слог в *gamall* 'старый' и вида [VC₁C₂(C₃): ср. *mynd* 'картина', *ást* 'любовь', *last* 'упрек'. В последней группе слов вершина приходится на поствокальный согласный (о чем подробнее ниже). Ряд слогов вообще не имеет квантитативной вершины: ср. вторые слоги слов *kú-men* 'тмин', *klá-га* 'справляться', *ko-mast* 'достигать' (выбраны слоги вида [VC], [V] и [VC₁C₂]; черточкой обозначена слоговая граница). Слоги, имеющие вершину длительности, и есть выделенные слоги; слоги, такой вершины не имеющие, являются невыделенными.

Однако разбиение исландских слогов на имеющие пик длительности и не имеющие такового не аксиома, а теорема, в которой необходимо доказать три момента: 1) что в словах *mynd*, *ást*, *last* и т. п. вершина длительности существует и действительно приходится на поствокальный согласный; 2) что слова *á*, *fé* и т. п. также имеют квантитативный пик; 3) что вторые слоги слов *kúmen*, *kláга*, *komast* и т. п. квантитативного пика не имеют.

Начнем наше обсуждение с первого пункта теоремы, а именно с анализа слов типа *mynd*, *last* (попутно мы сможем исследовать и третий вопрос). Самым естественным было бы предположить, что в таких словах, как *mynd*, *ást*, *last*, поствокальная группа согласных фонологически равна одному долговому согласному и что нет принципиальной фонологической разницы между словами *gass* 'задняя часть' и *gask* 'беспорядок', поскольку в первом случае мы имеем [gas:] (т. е. [gass]), а во втором — [gask] и ничто как будто не мешает считать, что [s:] с точки зрения фонологического количества равно [ss] или [sk], или [st]. На самом же деле сходству между *gass* и *gask* сопутствует весьма важное различие.

В слове *gass* вершина длительности падает на согласный, но в слове такой же структуры эта вершина могла бы приходиться и на гласный: ср. *las* 'читал' (пр. вр. от *lesa*), *rás* 'бер', *bás* 'стойло' и т. п. В слове же *gask* квантитативная вершина неподвижна и закреплена на поствокальном согласном. О наличии такой вершины говорят многие факты.

Сравним формы *kast* 'бросок' и *kasta* 'бросать'. В *kasta* граница слога наверняка не проходит после /a/ (в этом случае

было бы [ka:sta]) и вряд ли проходит после /t/ (слогоделение типа [kast-a] сомнительно), поэтому в той мере, в какой вообще оправданы поиски слогораздела в слове kasta, мы можем предположить, что граница проходит только между /s/ и /t/ (ср. также слово типа ragna 'ругать', где слогodelение [ragn-a] еще более невероятно, чем [kast-a]). И все-таки в словах типа [kas-ta] никогда не бывает долгого гласного: противопоставление [kas:ta] ~ [ka:sta] в исландском языке не допускается. Отсутствие подобного противопоставления можно объяснить лишь тем, что, когда (по крайней мере, в двусложных словах) за гласным следует группа согласных, первый из которых принадлежит тому же слогу, что и сам гласный, вершина длительности целиком падает на поствокальный согласный. Поэтому в комплексе [kasa] допустимы противопоставления [ka:sa] (kasa 'зарывать') ~ [kas:a] (ср. kassa 'касса' в слове kassabók 'кассовая книга'), а в комплексе [kasta] kasta исключены всякие вариации: и такие, которые способствовали бы словоразличению, и такие, которые не нарушали бы тождества слова kasta 'бросать' (ср. англ. oft 'часто': [ɔ:ft] и [ɔft], lost 'потерял': [lɔ:st] и [lɔst], где тождество слова сохраняется, и [fɔks] fox 'лиса' ~ [fɔ:ks] forks 'вилки' или [vɔ:nt] vaunt 'хвастаться' ~ [wɔnt] want 'хотеть', где колебания в длительности несут смысловозначительную нагрузку).

Если бы длительность в kasta распределялась более или менее равномерно по всей консонантной группе, то в словах этого типа существовала бы принципиальная возможность вариаций [V:C₁C₂] ~ [VC₁:C₂]. Однако, как сказано, подобное варьирование совершенно исключено в исландском. Встречаются только два структурных типа: либо в группе [V₁C₁C₂V₂] первый согласный принадлежит к тому же слогу, что и ударный гласный (в этом случае на поствокальный согласный падает вершина длительности), либо между ними проходит слогораздел (тогда гласный оказывается в открытом слоге и принимает квантитативный шик на себя). Как известно, второй тип иллюстрируют многие слова, в которых за ударным гласным следуют /p t k s/ + /r v j/, например dagra [da:-pra] 'огорчать', lítri [li:-tri] 'литр', okra [ɔ:-kra] 'заниматься ростовщицеством', fúsra [fu:-sra] (мн. ч., род. пад. от fús 'имеющий желание'), vökva [vö:-kva] 'поливать', perja [pe:-rja] 'пронизывающий холод' и т. п. (ср.: Kress, 1937, стр. 12). Для слов первого структурного типа наличие одного или двух согласных после поствокального согласного в количественном отношении иррелевантно: поствокальный согласный принимает на себя вершину длительности целиком. В словах же второго структурного типа количественная вершина приходится на гласный, а консонантная группа является инициалю второго слога.

Сравнительный анализ слова kasta показывает, что в двусложных словах первого структурного типа вершина длительности падает на поствокальный согласный. Насколько одинаковы коли-

чественные отношения в односложных и двусложных исландских словах, сказать трудно. Но есть один факт, подтверждающий особую роль поствокального согласного в цепочке [VC₁C₂C₃] независимо от слоговой структуры слова. Когда в исландском языке за гласным следуют три согласных, консонантная группа обычно упрощается, причем в группе [C₁C₂C₃] никогда не выпадает первый согласный, если этот согласный не /r/. Если бы все согласные были равны с точки зрения фонологического количества, то можно было бы предположить хотя бы эпизодическое выпадение и первого согласного; однако ничего подобного не происходит. Аналогичное явление отмечает в современном норвежском И. Алнэс (Alnæs, 1932, стр. 107).

У всех слогов, имеющих вид [VC₁C₂], есть двойники, и в наличии этих двойников и заключается для нас главная трудность. Для слога недостаточно иметь вид [VC₁C₂], чтобы характеризоваться квантитативной вершиной на первом согласном. В слогe -last- есть вершина, если данный слог — это слово last 'упрек' или часть слов plast 'пластмасса', klastur 'халтура', lastari 'хулителю' и т. п. Но тот же слог -last- не имеет вершины длительности в словах gulast 'самая желтая', talast 'говорить' и т. п. На чем основывается это утверждение и откуда стало известно, что last в lastari имеет закрепленную вершину, а в talast не имеет ее вовсе? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно ввести понятие *потенциальной квантитативной вершины*.

Потенциальная вершина неподвижна. Но ее возможности обнаружатся как только мы отнимем от группы типа -st (в last) конечный согласный. Мы получим цепочку las, в которой вершина оживает: ср. las 'читал' и hlass 'воз'. Если же мы проделаем аналогичную операцию со слогом last в gulast или talast, то в образовавшемся в конце этих слов комплексе las вершина не оживет: ср. слово типа álas 'упрек', в котором второй слог имеет вид las, но в котором, несмотря на это, ни при каких обстоятельствах не возможно противопоставление типа -[la:s] ~ -[las:] (по образцу las ~ hlass). Такое противопоставление невозможно не потому, что на конце простого двусложного исландского слова не встречается слог lass, а потому, что слог [las:] в этой позиции не допускается. В тех же редких случаях, когда орфография предполагает возможность подобного варьирования во вторых или третьих слогах простых слов, перед нами одни лишь орфографические, а не фонетические вариации. Наиболее яркий пример — орфографическое противопоставление суффиксированных артиклей мужского и женского рода единственного числа именительного падежа существительных: для мужского рода это артикль -inn, для женского — -in (ср. kennarinn 'учитель', kenningin 'учение'); аналогичные случаи — окончания местоимений, прилагательных и причастий: ср. enginn 'никто' (м. р., ед. ч., им. пад.) и engin 'никто' (ж. р., ед. ч., им. пад.); heiðinn 'языческий' и

heiðin 'языческая'; farinn 'ушедший' и farin 'ушедшая' (от fara), talinn 'сказанный' и talin 'сказанная' (от tala). Ни в одном из этих слов во втором слоге нет противопоставления [in:] ~ [in]: enginn и engin, heiðinn и heiðin, farinn и farin, talinn и talin попарно являются омофонами. Что же касается случаев типа hestanna ~ hestana (опр. ф., мн. ч., род. и вин. пад. от hestur 'лошадь'), то они нас в данный момент не интересуют, так как [u:] в hestanna не гемината, а сочетание двух [n].

Оживает ли количественная вершина в группе [las]-, которую мы получили из last, можно узнать только путем перебора. В результате этого перебора мы получим слоги либо допускающие перенос вершины в пределах цепочки [VC], либо не допускающие такого переноса. Мы будем говорить о квантитативной вершине в двух случаях: если она дана фактически (возможны пары men ~ menn, böl ~ böll, fús ~ fúss, las ~ hlass) или если она присутствует потенциально. Если же вершина не оживает даже в цепочке [VC], значит ее нет.

Теперь мы можем перейти ко второму пункту теоремы, а именно к доказательству того, что в словах á, fé и т. п. наличествует квантитативный пик. После всего сказанного выше анализ этих слов не составляет труда. В слоге [au]-, образующем слово á 'река' или начинающем слово álas 'упрек', вершина длительности неподвижна. Чтобы убедиться, что такая вершина все же существует, со слогом [au]- необходимо проделать ту же операцию, что и со слогом -[last]-, только если от -[last]- мы отнимали согласный, то к [au]- его следует прибавить. Ср., например, á 'река', ág 'год', maðr 'скрип' или á 'река', nágr 'мертвец', ar 'пылинка', paðr 'насмешки': прибавив к /au/ согласный /r/, мы получаем комплекс с подвижной вершиной. Однако вершина бы не ожила, если бы ее в слоге совсем не было. В слове gulra (мн. ч., род. пад. всех родов от gulur 'желтый') второй слог — ra. Этот слог вида [V] очень просто превратить в слог вида [VC]: ср. форму gulra (ж. р., ед. ч., род. пад. от того же слова), и все же возможности противопоставления типа [gylra:r] ~ [gylra:] не появятся, в отличие от того, что произошло бы с первым слогом [au]- в álas или со словом rá 'рея'. Если задаться целью подобрать омонимичные пары, то можно сравнить [ly]- в luralegur 'неуклюжий' и в gulu (мн. ч. от gulur для всех родов и всех падежей в слабом склонении), но суть не в омонимичности, а в однотипности.

Подведем итоги и для наглядности составим следующую таблицу:

I	VC	men ~ menn	kúmen
II	VC ₁ C ₂	last	talast
III	V	rá	gulra

Все слоги левого столбца имеют квантитативную вершину: подвижную в первом типе и потенциальную во втором и третьем. Все выделенные слоги в правом столбце омонимичны (или почти омонимичны) слогам левого столбца, но не имеют квантитативной вершины. Чтобы определить наличие вершины в слоге первого типа, достаточно убедиться, возможно ли принципиально противопоставление $[V:C] \sim [VC:]$. Слоги второго и третьего типа надо доводить до вида $[VC]$. Если после операции отнимания или прибавления согласного получившийся слог окажется вписанным в левый столбец, его можно назвать долгим, выделенным, или тяжелым. Если же он попадет в правый столбец, то его следует признать невыделенным, или легким. Тяжелые (долгие) слоги — это те, которые имеют ник длительности, легкие — это слоги, такого пика не имеющие.

Было бы не просто ответить на вопрос, есть ли разница в фонетической длительности согласного $[s]$ в словах *last* и *gulast*. [Насколько можно судить по осциллограммам этих слов, разница между обеими длительностями не очень существенна (около 20 мсек.), так что потенциальная вершина длительности это, скорее всего, понятие фонологическое, функциональное, а не узкофонетическое. Заметим, что даже измерения длительности согласных в группе $[V_1C_1C_2(V_2)]$ с трудом доказывают концентрацию количества на первом согласном. При этом характерно, что буквально все исследователи, описывавшие шведские и норвежские диалекты, говорят о долготе первого поствокального согласного (в том случае, конечно, если количественные отношения в диалекте такие же, как в литературном шведском и норвежском, и, следовательно, такие же, как в исландском). Приведу лишь два высказывания. Ю. Сторм писал, что в транскрипции незачем обозначать длительность согласного, стоящего до другого согласного в пределах одного и того же слога, ибо эта длительность сама собой разумеется: *hest* 'лошадь' произносится почти как $[hesst]$ и т. п. (Storm, 1908, стр. 59). Автору описания шведского диалекта Буртреск (*Burträsk, Västerbotten*) Й. В. Линдгрену согласный $[C_1]$ в группе $[VC_1C_2]$ казался долгим, хотя, по его мнению, он едва ли достигает длительности истинно долгого согласного (Lindgren, 1890, стр. 11). Именно такая формулировка о восприятии согласного $[C_1]$ повторяется в десятках работ: диалектологи регулярно пишут, что в группе $[VC_1C_2]$ согласный $[C_1]$, видимо, короче, чем согласный $[C]$ в группе $[VC]$, но что он, несомненно, противостоит всем следующим за ним согласным как долгий кратким.

С. Эйнарссон в своем учебнике исландского языка (Einarsson, 1945) ставит у поствокального согласного знак полудолготы: ср. *land* $[lan:d]$ 'земля', *laska* $[las'ka]$ 'портить' и т. п. Однако инструментальные исследования М. Клостер Енсена (*Kloster Jensen, 1961*), проведенные на норвежском материале, не под-

тверждают предположения об особенно большой длительности поствокального согласного. Вместе с тем фонологический анализ исландских слов *kasta* и *last* заставляет признать наличие в них количественного пика и именно на /s/. Не исключено, что, как это часто бывает в подобных случаях, физическим коррелятом фонологического количества служит не только длительность исландских согласных, но и их напряженность.⁶

Фонологическое толкование тяжелых и легких слогов в исландском приводит нас к проблематике нейтрализации и избыточности. Когда мы пытались установить, есть ли вершина длительности в *gá* или в *last* и на какую фонему она приходится в *last*, то подобные поиски могли показаться антифонологичными. Проще всего было бы ограничиться утверждением, что в *gá* и в *last* (из левого столбца) место вершины длительности нейтрализовано. Однако ограничившись указанием на нейтрализацию, мы не получили бы возможности отличать слоги левого столбца от слогов правого, ибо ничто не мешает нам усматривать нейтрализацию также и в слогах *-[last]*, *-[ra]* в *talast*, *gulra*. То, что в обоих *[last]* нейтрализация происходит скорее всего одинаково (в пользу полудолгого согласного), а в *[rau]* и *-[ra]* — по-разному (в *[rau]* в пользу продленного гласного, в *-[ra]* — в пользу краткого), не имеет значения. Ссылка на нейтрализацию не помогает вскрыть сущность интересующих нас в данный момент явлений. Здесь будет уместно напомнить, что, видимо, существует два вида иррелевантности. В *[last]*- (из *last*) есть квантитативная вершина, но, будучи закреплена нормой на поствокальном согласном, она с синтагматической точки зрения избыточна. В *-[last]* (из *talast*) вершины вообще нет. В первом случае перед нами иррелевантность существующего (которую фонологи обозначают в матрицах нулем), но с функциональной точки зрения избыточного элемента. Во втором случае мы имеем иррелевантность отсутствия (обозначаемую в матрицах минусом), ибо не может функционировать то, чего нет.

Указание, к какому столбцу принадлежит тот или иной слог, — абсолютно необходимое условие для порождения исландского словаря. Мы имеем слог *[la]* и слог *[ma]*, которые могут дать сочетание *lama* и сочетание *mala*, но, только различив *[la:]* и

⁶ Скорее всего в языках типа исландского, в которых тяжелые закрытые слоги, замкнутые одним согласным, отвечают либо формуле $[V:C]$, либо формуле $[VC:]$, структуры $[VC_1C_2]$ в пределах простого непронизводного слова всегда имеют количественную вершину на $[C_1]$. Характерно, что Орм, автор среднеанглийской поэмы «Ормулум», писал слова *half*, *craft* и т. п. в виде *half*, *craft*, а его написания, как думают многие историки английского языка, отражают реальные длительности согласных в восточноцентральной диалекте XII—XIII вв. В соответствии с этой точкой зрения, все закрытые слоги $[VC]$ в «Ормулуме» имели вид долгий гласный + краткий согласный или краткий гласный + долгий согласный.

[la], [ma:] и [ma], т. е. слоги левого столбца (с потенциальной вершиной) и слоги правого столбца (без всякой вершины), мы сможем получить не бессмысленные комбинации слогов, а реальные исландские слова: lama 'повреждать' и mala 'молоть'.

Сформулируем окончательные выводы.

1. В фонологическом описании современного исландского языка незачем выделять и ударение, и долготу, так как грань между долготой и краткостью всегда та же, что между ударностью и неударностью.

2. Единственный объективный принцип классификации исландских слогов — это наличие или отсутствие в слоге квантитативной вершины. Наличие вершины определяется эмпирически путем перебора.

3. Количественная вершина может быть подвижной и закрепленной (потенциальной). Всякая вершина проявляет себя только в цепочке VC.

4. Количественная вершина (и подвижная, и закрепленная) имеет парадигматическую значимость, ибо при ее помощи отграничиваются тяжелые слоги от легких.

5. Подвижная вершина имеет еще и синтагматическую значимость, так как дает возможность отграничивать слоги вида [VC] от слогов вида [V̄C].

Приведенные выше правила являются фонологическими правилами порождения исландских слогов и слов.

Все сказанное в этом параграфе о слогах, имеющих подвижную и потенциальную квантитативные вершины, о просодической долготе и т. д. основывалось главным образом на рассмотрении односложных слов. Некоторые специфические проблемы возникают и в связи с анализом двусложных слов. Выше уже упоминалось правило, в соответствии с которым в словах *darpa*, *litri*, *okra*, *fúgra*, *vökva*, *perja* и т. п. граница слога проходит между первым гласным и консонантной группой, отчего этот гласный принимает вершину длительности на себя (в отличие от слов типа *kasta*, в которых закрепленная вершина падает на первый поствокальный согласный). Таким образом, для фонологического описания двусложных исландских слов нужен дополнительный фактор, а именно знание фонотактической структуры слова. Важно только отметить, что правило о долготе гласного в словах, в которых пишется *p*, *t*, *k+r*, *v*, *j*, не распространяется на слова с преаспирацией, т. е. на такие слова, в которых пишется *pp*, *tt*, *kk+r*, *v*, *j*: ср. *betri* (сравни. ст. от *góður* 'хороший'), *akri* (ед. ч., дат. пад. от *akur* 'пашня'), *hágra* (мн. ч., род. пад. от *hás* 'хриплый'), *vökva* 'поливать', *sækja* 'приходить' (с вершиной на гласном) и *hreppri* (дат. пад., ед. ч. от *hreppur* 'хрени'), *styttri* (сравни. ст. от *stuttur* 'короткий'), *akkri* (ед. ч., дат. пад. от *akkur* 'прибыль'), *hressra* (мн. ч., род. пад. от *hress* 'здоровый'), *stökkva*

'прыгать', еkkja 'вдова' (все с вершинной на первом поствокальном согласном). Слова hreppri, styttri, akkri, hressra, stökkva, ekkja входят в одну группу со словами тина rúðra 'пудрить', megrast 'худеть', а также höggva 'рубить'. Как общее правило, слова вида [(C)V₁C₁C₂V₂] имеют пик на [V₁] в том случае, если [C₂] — это /r v j/, а [C₁] — придыхательный смычный; если же [C₁] — непридыхательный смычный или смычный, для которого противопоставление по силе — слабости нейтрализовано (ср. höggva, stökkva), или сирант (ср. rúðra, megrast), вершина длительности падает на него. Одна поправка к этому правилу относится к k + j. Это орфографическое сочетание обозначает не /kj/, а фонему /k_j/. Так что достаточно сказать: в словах, имеющих гласный + /k_j/, пик длительности всегда приходится на гласный.

В качестве примечания к сказанному здесь об исландских группах /p t k s/ + /r v j/ надо добавить одну деталь. Не исключено, что состав таких групп не исчерпывается списком /pr tr kr sr pv tv kv sv pj tj kj sj/. Например, М. Хэгста считал, что в современном исландском гласный всегда сохраняет длительность перед сочетанием /ð/ + любой согласный; ср. его примеры bādstur 'дерево' (поэт.), bíðla 'свататься', iðka 'заниматься', góðna 'краснеть', rýðga 'ржаветь', áiðga 'обогащать', býðst наст. вр., ед. ч. от bjóðast 'предлагать себя'). Кроме того, он отмечал, что исландский гласный полудолог (не совсем ясное выражение) перед /fð/ и /gð/: ср. hafði, krafði, hlífði, lagði, sagði (проп. вр. от hafa 'иметь', krefja 'требовать', hlífa 'защищать', leggja 'класть', segja 'сказать'). Что же касается групп /p t k s/ + /r v j/, то М. Хэгста выделил только слова с /pr tr kr/, но зато, как ни странно, добавил /fr/ и даже /gr/ (Hægstad, 1942, стр. 79). Так что правило о группах /pr tr/ и т. д. не следует абсолютизировать.

Список групп, перед которыми гласный принимает количественный пик, не совпадает в разных скандинавских языках. Ср. правило о шведской длительности: гласный долог перед двумя согласными, из которых второй — /l n/ или /r/, например, segla 'плыть' (о судне), vakna 'просыпаться', likna 'быть похожим', ivrig 'усердный' ([Wessen], стр. 84). В аналогичных исландских словах (sigla, vakna, likna 'плыть, просыпаться, щадить, помогать') гласный всюду краток. При таком несоответствии групп по разным скандинавским языкам вполне вероятно, что и в самом исландском возможны какие-то колебания.

На этом мы можем закончить предварительное описание долготы и ударения в исландском. Это описание предварительно потому, что не учитывает фонологической роли слоговых акцентов. Слоговой акцентуации современного исландского языка посвящен следующий параграф. В нем рассматривается вторая просодическая корреляция современного исландского и уточняются некоторые выводы, сделанные выше.

а. Поиски «тонов» в исландском

Во всех скандинавских языках, не имеющих «музыкального» ударения (т. е. в литературном датском, исландском, фарерском и финляндско-шведском), неоднократно пытались найти какие-нибудь следы такого ударения или доказать, что оно в них есть, но только слабо выражено. На датском материале такие поиски не были особенно интенсивными, поскольку с давних пор известно, что системе двух акцентов шведского и норвежского литературных языков в датском соответствует противопоставление толчок ~ нетолчок. Но об исландском, фарерском и финляндско-шведском принято говорить, что они утратили то ударение, которое до сих пор существует в шведском, норвежском и датском, и поэтому поиски реликтовых «тонов» в этих языках (особенно в исландском) казались многим привлекательной проблемой.

М. Клостер Енсен очень кратко рассказывает историю таких поисков на исландском материале. История эта начинается с Ю. Э. Рюдквиста. «Рюдквист, — пишет М. Клостер Енсен (Kloster Jensen, 1961, стр. 55), — приводит довольно скудные факты в пользу того, что в исландском существует противопоставление по тону (contrastive tone)». Однако, насколько я понимаю Ю. Э. Рюдквиста, в его книге ничего подобного не говорится. Он различает два тона: низкий, или гравис (т. е. то, что сейчас принято называть акцентом I), и высокий, или акут (т. е. акцент II) — и указывает, что исландцы никогда не замечали в своем языке акцентов шведско-норвежского типа, но добавляет, что не может судить об исландском языке, так как давно не имел контакта с исландцами. Однако он ссылается на людей, имевших большие возможности, чем он сам: по мнению этих людей, в исландском можно обнаружить низкий тон, не очень отличающийся от шведского (Rydqvist, 1868, стр. 217). Совершенно ясно, что если в исландском обнаруживается только один тон, то в этом языке нет никаких тональных противопоставлений.

Далее М. Клостер Енсен рассказывает, что М. Хэгста (M. Hægstad) слышал в исландском языке два слабо выраженных тона и описал их в статье «Nokre ord um Nyislandsken» («Заметки о современном исландском языке»).⁷ Поскольку «Заметки» не опубликованы, я приведу подробное изложение того места работы, где говорится об исландских тонах.⁸

⁷ М. Клостер Енсен приводит не совсем точный заголовок, а именно «Nokre ord um moderne islandsk».

⁸ В рукописи М. Хэгста, обобщающей результаты его поездки по Исландии в 1907 г., около семидесяти страниц. Сын Мариуса Хэгста, Лейв Хеггста (Leiv Heggstad) считал, что статья недоработана, и не нашел возможным ее опубликовать. В настоящее время рукопись хранится у внука М. Хэгста,

Правила распределения акцентов в исландском совпадают, по мнению М. Хэгста, с норвежскими: первый акцент в одно-сложных словах, второй — в двусложных. М. Хэгста также сообщает, что в предложении *Brotið og brotið* 'Черенок сломан' (или с эмфатическим ударением — 'сломан черенок') акцент каждого из слов *brotið* зависит от того, какое из них является подлежащим. В некоторых сложных словах М. Хэгста слышал акц. II: ср. *vin'numenn* (мн. ч. от *vinnumaður* 'слуга'), *Háfnafjörður* 'Хабнафьёрдюр' (название города), *áfmælisdagur* 'день рождения', *lan'dnámstími* 'эпоха заселения', *fis'kaflí* 'улов рыбы', *hás'eti* 'матрос', *smá'fiskur* 'рыбонка', *strándferðabátur* 'сторожевая лодка'. Другие сложные слова имеют, по М. Хэгста, акц. I: ср. *lands'höfðingi* 'властитель', *digurleiki* 'величина', *blóð'berg* 'тимьян ползучий', *lag'smaður* 'товарищ'.

Никаких вполне очевидных закономерностей в употреблении того или иного акцента из немногочисленных примеров М. Хэгста вывести нельзя. Отметим, однако, что в шведском и норвежском языках слова с главным ударением на первом компоненте имеют акц. II, а с главным ударением на втором — акц. I (Гадцельсон, 1966, стр. 17). В связи с этим правилом обращает на себя внимание, что из четырех сложных слов, иллюстрирующих у М. Хэгста акц. I, три (*landshöfðingi*, *blóðberg* и *lagsmaður*) имеют в соответствии с его транскрипцией ударение именно на втором компоненте, а четвертое (*digurleiki*), хотя и имеет ударение на начале, с точки зрения современного языка не является сложным. Однако запись ударений в сложных словах М. Хэгста с трудом поддаются интерпретации: несмотря на несомненные различия в его транскрипциях (ср. особенно *lan'dnámstími* и *lands'höfðingi*), во введении к описываемой работе говорится, что исландские сложные слова почти всегда имеют главное ударение на первом компоненте (единственное приведенное им исключение — географическое название *Od'deyri*).

В речевых тактах М. Хэгста также отмечал некоторые различия в употреблении акцентов: ср. записанные им *far þú* 'поезжай!', *frá þér* 'от тебя' с акц. I и *hafið þér* 'вы имеете', *verið þér sælig* 'до свидания' с акц. II. Различия между акцентуацией речевых тактов обратили особое внимание М. Хэгста в районе Эйя-фьёрд (к северу от Акурейри).

М. Хэгста обнаруживал некоторые интересные связи между дистрибуцией акцентов и грамматической формой слов. Так, он заметил, что форма дательного падежа существительных мужского и среднего рода и формы множественного числа слабы

сотрудника Бергенского университета Колбьёрна Хэгста (Kolbjørn Heggstad), от которого мне и стала известна история «Заметок». В моем распоряжении находится фотокопия тех трех страниц рукописи (стр. 3—5), на которых описываются исландские «музыкальные» акценты.

существительных женского рода часто произносятся с акц. I, несмотря на их двусложность, например, skógi (от skógur 'лес'), húsi (от hús 'дом'); götur (от gata 'улица'), skjólur (от skjóla 'ведро'), sögur (от saga 'история, сага'). Особенно распространено такое произношение на востоке страны. Тем обстоятельством, что слова götur, sögur и т. п. имеют акцент односложных слов, М. Хэгста объясняет орфографические ошибки типа götr вместо götur: люди, которые продолжают на старый лад писать в конце слов не -ur, а -г, пишут иногда не только dagr 'день', но и götr 'улицы' (мн. ч. от gata), хотя dagur действительно восходит к древнеисландскому dagr, а gata всегда имело форму множественного числа götur. Интересно, что С. Катлссон, современный исландский лингвист, объясняет отсутствие в стихотворных памятниках XVII в. рифм между словами на -ur < г и -ur < ur тем, что древние слова на -г и на -ur имели различия в акцентуации, которые даже после слияния обоих типов флексий сохранились: ср. современные lötur < lötr 'медленная езда' и götur (Karlsson, 1964, стр. 26—27). В некоторых районах страны (и особенно в Рейкьявике) с акц. I произносится, по М. Хэгста, единственное число слова saga 'сага, история', в то время как в омонимичном глаголе (saga 'пилить') слышится совершенно четкий акц. II.

М. Хэгста, отметивший в начале главы, что два музыкальных акцента различаются в исландском не так ясно и употребляются не в таком масштабе, как в норвежском, заканчивает свое описание следующим вопросом: «Не является ли противопоставление двух музыкальных акцентов общегерманским и ископным, но только получившим несхожее обличье и несхожее применение у разных народов?». К сожалению, статья М. Хэгста осталась неизвестной, а его заметки об исландских акцентах не подверглись проверке и не послужили толчком к дальнейшим поискам.

Единственная работа, в какой-то мере перекликающаяся с работой М. Хэгста и дополняющая его наблюдения, — это описание исландского говора в районе Восточных фьордов (Austfirðir), сделанное С. Эйнарссоном (Einarsson, 1932, стр. 570—571). С. Эйнарссон ссылается на старые описания (XVIII в.) исландского языка и цитирует, в частности, В. Гисласона (V. Þ. Gíslason) и Э. Олафсена (E. Olafsen).⁹ Э. Олафсен писал, что ударение и речевая мелодия в районе Восточных фьордов очень специфичны и напоминают норвежские. Исландцам же из других мест эта интонация кажется скверной манерой речи. «Но, — замечает Э. Олафсен, — эта скверная манера так же стара, как сам язык» (ср.: Olafsen, Povelsen, 1774—1775, стр. 110).¹⁰ Истолковать

⁹ Имеется в виду Эггерт Оулафссон (Eggert Ólafsson).

¹⁰ Мысль о том, что именно на востоке Исландии сохранился чуть ли не законсервированным язык древних переселенцев, высказывалась не раз и впоследствии (ср.: Troil, 1777, стр. 181; Adelung, 1809, стр. 305).

подобные высказывания весьма сложно, так как не известно, что имеется в виду под речевой мелодией.

По свидетельству С. Эйнарссона, речь современных жителей района Восточных фьордов несомненно отличается весьма своеобразной интонацией. Ряд слов в предложении, например слова *kominn* (в *Eg hann kominn* 'он пришел'), *vélarnar* (в *Egu þær dýgar, talsvert vélarnar* 'это дорогие, хорошие машины'), *áður* 'раньше', *búnir* 'готовы', *svoleiðis* 'таким образом' (сами предложения не приводятся), имеют высокий тон на окончании вместо более типичного для исландского языка высокого тона на первом слоге. Однако С. Эйнарссон считает, что эти тоны являются, скорее всего, частью фразовой интонации, и не видит возможности сопоставлять их с норвежскими акцентами, хотя и упоминает противоположное мнение М. Хэгста.

Таким образом, имеющиеся у нас сведения об исландских «музыкальных» акцентах отрывочны и плохо расшифрованы. Можно лишь предположить, что в отдельных частях Исландии сохранились утратившие свою релевантность акценты норвежского типа, но что, потеряв фонологическую нагрузку, они начали исчезать, становясь в одних случаях частью интонации, а в других — избыточным показателем каких-то старых фонетико-грамматических отношений. Но даже такое осторожное заключение не имеет, как мы видели, вполне достоверной поддержки в фактах.

Наиболее обычен взгляд на исландский язык как на язык, не имеющий никаких следов акцентов норвежского типа. В последнее время этот взгляд подвергся экспериментальной проверке в работе М. Клостер Енсена (*Kloster Jensen, 1961, стр. 140—141*). Сопоставлялись следующие пары предложений: ...og djúpt er farið 'и глубокий след' и *Hann hefur farið* 'он уехал', *Hann las um slitið* 'он читал об изнурительном труде' и *það er nú slitið* 'это теперь разорвано', *Hann leit á brotið* 'он посмотрел на осколок' и *það verður brotið* 'это сломается'. Информантом был житель Рейкьявика, по мнению которого никакой разницы между определенной формой существительных *far, slit, brot* (т. е. *farið, slitið, brotið*) и омонимичными причастными формами от *farast, slíta, brjóta* не ощущается (в норвежском произношении существительные имели бы акц. I, а причастия — акц. II). Из ответов информанта М. Клостер Енсен заключает, что в Рейкьявике нет тонемных противопоставлений норвежского типа. Этот вывод, по всей вероятности, правилен и в общем и целом характеризует весь исландский язык на современном этапе его развития.

б. Преаспирация как слоговой акцент

Несмотря на все сказанное выше, современный исландский язык располагает остаточными слоговыми акцентами, но только система этих акцентов оморфна не норвежской системе.

(акц. I vs. II), а датской (толчок vs. отсутствие толчка). Исландским аналогом датского толчка является преаспирация. Однако доказать просодическую природу исландской преаспирации весьма не просто. Нам придется подробно рассмотреть ее фонетическую реализацию, дистрибуцию, фонологическую нагрузку и типологию. Типологии преаспирации будет посвящена специальная глава, а в этой главе мы рассмотрим только исландский материал.

а. Фонетическое описание исландской преаспирации и ее дистрибуция

Преаспирацией принято называть легкое придыхание, которое слышится в ряде слов между гласным и согласным. Терминологически преаспирация противопоставляется постаспирации шумных смычных. В словарях исландская преаспирация обозначается либо строчным, либо надстрочным *h*. Мы будем обозначать ее через апостроф.

Преаспирация регистрируется в словах, в которых пишется *pp*, *tt*, *kk*, *kl*, *pl*, *tl*, *kn*, *pn*, *tn*: ср. *upp* [y'p:] 'вверх', *mapa* [ma'b:a] 'портфель', *att* [a'd:] (прич. II от *etja* 'подстрекать'), *metta* [mɛ'd:a] 'насыщать', *þakk* [þa'g:] 'спасибо', *ekki* [ɛ'g:i] 'не', *ekla* [ɛ'gla] 'нехватка', *epli* [ɛ'bli] 'яблоко', *netla* [nɛ'dla] 'крапива', *sakna* [sa'gna] 'недоставать', *opna* [ɔ'bna] 'открывать', *batna* [ba'dna] 'улучшаться'.¹¹ Кроме того, преаспирация, видимо, возможна и в некоторых других положениях, например перед /*ld*/ и /*s*/ (Einarsson, 1927, стр. 125; Kress, 1937, стр. 58). Б. Кресс слышал преаспирацию перед /*s*/ в *baðstofa* 'жилая комната в старых исландских домах', *það sést* 'видно' и *að mestu leyti* 'главным образом'. На имеющихся в моем распоряжении оцилло-

¹¹ Но преаспирации нет в таких словах, в написании которых за удвоенной буквой стоит *t*, так как в соответствии с одним из правил исландского произношения сочетание двух смычных почти никогда не допускается: ср. *þekkti* [þɛxti], пр. вр. от *þekkja* 'знать' и т. п. формы прошедшего времени слабых глаголов (Vöðvarsson, 1953, стр. 15; Kress, 1963, § 41, прим. 3). Преаспирации иногда нет перед сочетаниями, обозначаемыми в орфографии через *tn*, *kn* и т. п., если за этими группами следует /*s*/ (в родительном падеже существительных): ср. *botns* (род. пад. от *botn* 'дно') [bo'dns] или (гораздо чаще) [bos:], *tákns* (род. пад. от *tákn* 'знак') [tau'gns] или [tauxs], но для этого случая твердых правил нет: Б. Кресс (Kress, 1963, § 73) дает по две транскрипции и к *botns*, и к *tákns*; в словаре же В. П. Беркова к *botns* есть только транскрипция [bos:], а к *tákns* никаких вариантов не указано и, видимо, подразумевается [tau'gns]. По Б. Крессу (Kress, 1963, § 72, прим.), перед группой, отраженной в орфографии через *kn*, нет преаспирации, если дальше идет *t*. Ср. его транскрипции: *sýku dagur* [sihɔn da:gü.r] 'будний день', но *sýknt og heilagt* [sihtɔ.ɸhei:laxt] 'всегда'. Довольно еще, что перед группами, записанными через *kn*, *tn* и т. п., преаспирации нет и в том случае, если им предшествует какой-то согласный (таким согласным может быть /*s*/ или сонант): ср. *kristna* 'крестить', *tálkn* 'жабра'. Об этих словах будет подробно сказано ниже (стр. 45—46).

граммах и спектрограммах ни в *fað sést*, ни в *fað* слышны следов прееаспирации, но, как выясняется из дальнейшего, прееаспирация перед /s/ не такое редкое явление в скандинавских языках.

Рассмотрим теперь, что представляет собой исландская прееаспирация с фонетической точки зрения. Традиционная транскрипция отождествляет ее с фарингальным спирантом [h]. Описания же ее в трудах по исландской фонетике разноречивы. Чаще всего прееаспирацию называли глухим гласным, подразумевая при этом что гласный в слове типа *urr* [y'ʰ] имеет звонкое начало и глухой конец и что указанный глухой конец и является прееаспирацией (ср.: S. Jónsson, 1932, стр. 2—3; Glendening, 1961, стр. XIII). Отмечали акустическое сходство между прееаспирацией (герс. глухим гласным), постаспирацией смычных и фарингальным [h]. Ср. любую из многочисленных транскрипций С. Свейнбьётиссона, например [kʰaʰar] *karr* 'борьба' (Sveinbjörns-son, 1933, стр. 44), смысл которой — отразить точку зрения автора, что прееаспирация есть глухой отступ, а постаспирация — глухой приступ гласного, или транскрипции из словаря В. П. Беркова типа [y'p'rauhaldʰ] (*urráhalð* 'милость'), [y'p'f'outʰ] (*urrbot* 'компенсация'). В некоторых работах подчеркивалось, что прееаспирация — это такой глухой гласный, который прерывает предыдущий звонкий гласный (S. Jónsson, *op. cit.*) В исследованиях шведского лингвиста Б. Гудвина (Goodwin, 1905, стр. 106, 112; 1908, стр. 110) исландская прееаспирация (названная им инфрикатором) описана как спирант, гоморганный следующему смычному.

То, что прееаспирация на слух очень часто напоминает фарингальный выдох, не вызывает сомнения. Уже А. Дж. Эллис (Ellis, 1869, стр. 539) и Г. Свит (Sweet, 1877, стр. 147; ср. Ellis, 1869, стр. 457) транскрибировали исландскую прееаспирацию через [h]. Аналогично поступают и все лексикографы от С. Блэндаля (Blöndal, 1920—1924)¹² до В. П. Беркова (Берков, 1962). Но по очень распространенной в XIX в. теории [h] — это не просто фарингальный выдох, или *spiritus asper*, а именно глухой гласный. Эту теорию подробно обосновывали еще Ю. Хоффори (Hoffory, 1877, стр. 554—557) и О. Бремер (Bremer, 1918, стр. 77—78). Несколько позже Ю. Хоффори о глухом гласном говорил Ю. А. Люнделль (Lundell, 1879, стр. 86), причем понятие глухой гласный понадобилось Ю. А. Люнделлю как раз при описании прееаспирации в шведских диалектах (подробно об этом см. стр. 77 и сл.). В скандинавистике отождествление прееаспирации и глухого гласного восходит к Ю. А. Люнделлю.

Несмотря на популярность теории глухого гласного, от нее все же следует отказаться. Причин тому несколько. Во-первых, прееаспирация ни в каком смысле не гласный (на осциллограм-

¹² Транскрипции к словарю С. Блэндаля составлял С. Эйнарссон.

мах ясно видно, что она не характеризуется наличием основного тона). Во-вторых, если преаспирация названа глухим гласным потому, что она артикулируется в фаринксе, а фарингальный звук — это глухой гласный, то следовало бы ожидать, что, озвончив преаспирацию (или [h]), мы получим обычный звонкий гласный. Однако, как известно, звонкое [h] не гласный; оно существует практически во всех языках, где существует фонема /h/, и чередуется с глухим фарингальным в интервокальном положении, не превращаясь ни в /a/, ни в /o/, ни в /e/ (Meuser, 1900, 1901; Klinghardt, 1901/1902; Passy, 1901/1902). В-третьих, глухие гласные (и напоминающие их по акустическому впечатлению шепотные гласные) известны во многих языках и диалектах и их свойства несколько не похожи на свойства того элемента, который называют преаспирацией (ср.: Зиндер, 1960, стр. 174—176; Holmberg, 1949; Kolsrud, 1950). *Преаспирация, очевидно, оглушает конец гласного, на который приходится, но сама не является его глухим концом.*

Дополнительным доводом против признания преаспирации глухим гласным (даже с точки зрения теории Хоффори — Лунделля) является тот факт, что она далеко не всегда артикулируется в фаринксе и не может безоговорочно отождествляться с [h]. На последнем пункте мы остановимся подробнее.

Как уже говорилось, Б. Гудвин, основывавшийся на слуховых наблюдениях, отрицал фарингальный характер преаспирации и считал, что она гоморганна тому согласному, которому предшествует, и может иметь дентальную артикуляцию перед [t:], задненёбную — перед [k:] и губную — перед [p:]. Впоследствии С. Эйнарссон подверг взгляды Б. Гудвина критике (Einarsson, 1927, стр. 13), но, насколько я могу судить, не опроверг их. Прежде всего С. Эйнарссон признал, что после гласных высокого подъема преаспирация имеет *спирантный* характер. Это существенное признание, так как в своей работе С. Эйнарссон придерживался той фонетической терминологии, которой пользовались немецкие фонетисты. А по немецкой традиции, фарингальное [h], в отличие от [f], [ʃ], [x], [s], не является спирантом,¹³ так что в контексте диссертации С. Эйнарссона *спирантный* именно и значит *нефарингальный*. Кроме того, хотя в 1927 г. С. Эйнарссон и называл преаспирацию Hauch'ом, в своей поздней книге (Einarsson, 1945, стр. 23—24, пункт 3.2b,c, и примечание) он дал такие разъяснения, что фактически ни о каком Hauch'е не приходится говорить. По С. Эйнарссону, звуки, отраженные на письме в виде kk, pp, tt и k, p, t перед l, n, оказывают на предшествующий гласный такое же действие, как и все глухие согласные на предшествующие им звонкие, т. е. оглушают его. В ре-

¹³ Так, Э. Сиверс ни в одном издании «Grundzüge» не поместил фарингального в таблицу спирантов.

зультате этого оглушения гласный распадается на две половинки: сильно сокращенную звонкую и глухую. Этой-то глухой частью и является, по С. Эйнарссону, преаспирация. С. Эйнарссон записывает преаспирацию в виде надстрочного [h], но он везде использует [h] как символ глухости,¹⁴ а когда обсуждает исландский согласный /h/, то не касается преаспирации.

Насколько я могу судить по собственным весьма ограниченными наблюдениям, по крайней мере в одной позиции, а именно в словах типа mætti (пр. вр. от mæta 'встречать'), преаспирация звучит как немецкий Ich-Laut, т. е., очевидно, не как фарингальный (ср.: Клычков, 1966, стр. 309). Кроме того, преаспирация сильно зависит от темпа речи: в быстром произношении она звучит то как очень краткое [h], то как [ç], то вообще почти не слышна и производит впечатление паузы или легкой заминки. Ниже мы увидим, что аналогичным образом произносится преаспирация в шведских и норвежских диалектах.

Исландские фонетисты обычно не говорят о колебаниях силы у преаспирации. Однако такие колебания несомненны и подтверждением этому служит вся история изучения преаспирации. История эта вкратце такова. Р. Раск, описывая фонетику исландского языка (Rask, 1811, см. например, стр. 11—12), не упомянул преаспирации. А. Дж. Эллис (Ellis, 1869, стр. 539) слышал преаспирацию только перед [d:]; слова ætla 'намереваться', pokkur 'какой-то', ekki 'не', upp 'вверх' он транскрибировал без [h] (ср. его запись слов átti, пр. вр. от eiga 'иметь', и dóttir 'дочь' как [aukwht·ti], [dougwht·tir] (Ellis, 1869, стр. 540, 546; транскрипция несколько упрощена). Г. Суит (Sweet, 1877, стр. 147) был первым, кто обратил внимание на преаспирацию перед [g:] и [b:]. Сходные с Г. Суитом сведения сообщил Ю. Сторм (Storm, 1892, стр. 237). Однако следует обратить внимание на то, как именно воспринимали преаспирацию А. Дж. Эллис и Ю. Сторм. А. Дж. Эллис: «В двойном tt первое t обозначает ассимилированный гуттуральный, который, однако, *обычно более или менее слышен*» (Ellis, 1869, стр. 539, 547). Ю. Сторм: «Этот звук (Hauch) *не всегда одинаково слышен*; я заметил его в следующих словах: dóttir, gott, þetta. . .» (курсив в обеих цитатах мой, — А. Л.).

Б. Гудвин отметил наличие «инфrikатора» тоже лишь перед [b: d: g:], но транскрипции Б. Гудвина показывают, что преаспирацию он слышал не во всех словах, в которых ее можно было бы ожидать. Так, инфrikатор отмечен в þakka 'благодарить', ekki 'не', mátt (2-е л., ед. ч., наст. вр. от mega 'мочь'), но его нет в pokkrar (ж. р., мн. ч., им. и вин. пад. от pokkur 'какой-то'), в pokkur 'какой-то', в уккур (мн. ч., дат. и вин. пад. от þú 'ты');

¹⁴ И делает это (по крайней мере, в книге 1927 г.) не вполне последовательно (ср.: Kress, 1937, стр. 58, примечание).

слово *klukkan* (опр. ф. от *klukka* 'часы') попадает в его записях дважды (все примеры см.: Goodwin, 1908, стр. 79, 81, 83): в первом случае оно дано как [klykan], а во втором — как [kly(x)kan] (транскрипции нормализованы); следовательно, первый раз Б. Гудвин не слышал в *klukka* преаспирации, а во второй — не был в ней уверен. В словаре С. Блэндаля (Blöndal, 1920—1924) и во всех работах, написанных после 1924 г., преаспирация регулярно обозначается не только перед долгими смычными, но и перед группами /b d g/ + /l n/. Как уже говорилось, С. Эйнарссон слышал преаспирацию перед /ld/ и /s/; также и Б. Кресс записал несколько слов с преаспирированным /s/.

Приведенный выше обзор сам по себе был бы мало интересен, поскольку почти в таком же виде его можно найти уже у Б. Кресса (Kress, 1937, § 42, прим. 2). Однако если отнестись к этому обзору не только как к «истории вопроса», то из него можно сделать три важных вывода: 1) очевидно, что преаспирацию сравнительно сложно заметить, и поэтому на протяжении многих лет каждый новый исследователь обращал внимание на новые случаи ее употребления, 2) преаспирация не одинаково хорошо слышна в разных словах, и о ряде позиций не всегда можно с полной уверенностью сказать, есть ли в них преаспирация; 3) в каких-то случаях употребление преаспирации факультативно.

Множество сложных вопросов возникает при анализе долготы того слога, в котором встречается преаспирация. Преаспирация возможна только в тяжелых слогах (т. е. в таких слогах, в которых есть количественная вершина) и скорее всего предполагает вершину на непосредственно следующем за ней согласном: ср. *татра* [ma'b:a], *батна* [ba'd:na] и т. п. Ср. еще случаи, когда преаспирация стоит не в первом слоге слова: во вторых компонентах сложных слов (*sjálfglatt*, ср. р. от *sjálfglaður* 'самодовольный'), в корнях приставочных образований (*undantekning* 'исключение'), в тяжелых суффиксах прилагательных и существительных (*hólóttur* 'холмистый', *servietta* 'салфетка'). Однако длительность преаспирированного согласного не вполне очевидна, и разные авторы ставят после этого согласного то знак долготы, то знак полудолготы, то оставляют его длительность необозначенной.

Рассмотрим вначале слова типа *egg* 'яйцо', *leggja* 'класть', *gödd* 'голос', *Edda* 'Эдда', *urr* 'наверх', *urri* 'наверху'. Распределение смычных и щелевых, а также сильных и слабых внутри исландского слова позволяет убедиться в том, что согласный в *egg*, *Edda*, *urr*, *urri* и т. п. полностью принимает на себя вершину длительности. Возьмем для примера фонему /g/. В абсолютном исходе (после гласного) и интервокально исландское /g/ часто реализуется в виде заднеязычного звонкого спиранта [q].

При этом чередование слабого смычного и щелевого непосредственно связано с местом количественного пика: тип [VC:] допускает только слабый смычный вариант, тип [V:C] — только щелевой (ср. lögg [lög:] 'глоток, капля' и lög [lö:q] 'закон', мн. ч. от lag¹⁵). Если бы в lökk [lög:] (мн. ч. от lakk 'лак') конечный слабый согласный был кратким, то в хардмайли он реализовался бы в виде [q], так как оба слова — lögg и lökk — оканчиваются на одну и ту же фонему /g/ (в ней совпали оглушенный звонкий и потерявший придыхание аспирированный), и трактовка этой фонемы в отношении дистрибуции смычных и щелевых аллофонов должна была бы быть одинаковой для обоих слов. Аналогично распределение аллофонов и интервокально: ср. lögum (мн. ч., дат. пад. от lag) с [q], а löggum (мн. ч., дат. пад. от lögg) и lökkum (мн. ч., дат. пад. от lakk) — оба с [g]; если бы в lökkum вершина длительности не падала на поствокальное /g/, то в хардмайли мы бы имели между гласными либо сильный смычный, либо спирант, как в lögum. Сходный случай представляет собой и /d/. Интервокально и на концах наблюдается чередование аллофонов: щелевое [ð] после навокалической количественной вершины, смычное [d] — если вершина приходится на согласный (ср. Edda 'Эдда' ~ eða 'или', rödd 'голос' ~ röð 'ряд'). Поэтому и в слове типа detta 'падать' мы несомненно имеем [de'd:a]: в противном случае в хардмайли интервокально было бы [-ð-] или [t]. В тех же позициях, где [g] чередуется с [q], а [d] — с [ð], [b] чередуется с [v]: ср. gabb 'беседа' ~ gaf 'янтарь', labba 'медленно идти' ~ lafa 'висеть'. Поэтому для хардмайли смычное произношение интервокального согласного в larra 'латать, чинить' есть доказательство его долготы.

Обсуждая слова типа kast, kasta, мы отмечали (стр. 27—29), что наличие потенциальной количественной вершины в них доказывалось скорее фонологическими, чем фонетическими соображениями: реальная длительность первого согласного в сочетании [VC₁C₂] ни в норвежском, ни в исландском не позволяет с уверенностью отнести их к так называемым долгим. Аналогично обстоит дело и с долготой преаспирированных смычных. В рамках слоговых вариаций [V:C] ~ [VC:] исландские слова типа átt или larra несомненно принадлежат структуре [VC:], хотя их конечные согласные короче соответствующих преаспирированных.¹⁶

¹⁵ Так, по крайней мере, в диалекте хардмайли, в котором слово типа lök (мн. ч. от lak 'простыня') оканчивается на краткий смычный, но этот смычный сильный. То же относится к интервокальной позиции.

¹⁶ Совсем недавно исландский фонетист Магнус Пьетурссон провел первое после С. Эйнарссона широкое экспериментальное обследование всех исландских фонем (Pétursson, 1969). Он решительно возражает против термина *преаспирация*, так как считает, что преаспирированные и постаспирированные смычные — это принципиально различные образования. Кроме того, он счита-

На мой взгляд, С. Эйнарссон совершенно прав, обозначая преаспирированные согласные как [p: t: k:] (Einarsson, 1945, словарь) и подчеркивая различия в распределении длительностей в дублетных формах; ср. его транскрипции: *altan* [a^ht:an], [af.tan] 'сади', *rófta*, *rófta* [rouf.ta], [rou^ht:a] 'скамья в лодке'.¹⁷

Аналогичным образом следует анализировать слова типа *batna*. И в этих словах количественная вершина приходится на преаспирированный согласный. В пользу такого анализа говорят, по крайней мере, два соображения.

Во-первых, исландские фонетисты специально отмечают как исторический факт удлинение смычных перед сонантами (ср.: Ólafsson, 1911, стр. 21; Benediktsson, 1962, стр. 191).

Во-вторых, в исландском есть группа слов, в которых вершина длительности не падает на начальный согласный группы смычный + сонант, и в этих словах нет преаспирации. В словах данной группы стоят подряд три интервокальных согласных: сонант (или /s/) + смычный (орфографически p, t, k) + сонант. Таких слов не очень много. Это прежде всего глаголы на -na: *moltna* 'становиться мягким', *mokna* 'гнить', *roskna* 'взрослеть', *kristna* 'крестить', *fastna* (в выражении *fastna sér konu* 'обручиться'), *storkna* 'свертываться' (о крови), *sortna* 'чернеть' и существительные с суффиксом -ni или существительные, в которых данные сочетания фонем возникают в формах склонения: *ertni* 'зациристость', *kyrtlar* (мн. ч. от *kyrtill* 'туника'), *stúlkna* (мн. ч., род. пад. от *stúlka* 'девочка'): ср. очень характерные транскрипции С. Эйнарссона (Einarsson, 1945, стр. 458) [stulk^hna], [stult^hna] (для севера Исландии) и [stu^hkna], [stu^htna] (для юга и запада); но встречаются и другие слова: ср. *tálkn* 'жабра', *hólkn* 'каменное поле' (ныне вышло из употребления), *stimpla* 'штемпелевать', *stimplun* 'штемпелевание', *Gerpla* 'Герпла', *Orkneyjar* 'Оркнейские острова'. Встречаются еще слова типа *kalknáma* 'место добычи известня', но они не представляют такого большого интереса, потому что морфологическая граница в них проходит между смычным и вторым сонантом (*kalk náma*) и картина здесь менее ясна.

Для всех перечисленных слов характерно отсутствие преаспирации. В *roskna*, *tálkn* и т. п. группа kn не преаспирирована, а в *rokna-* (усилительный компонент сложных слов), *tákn* 'знак'

тает преаспирированные смычные краткими. Но такова точка зрения фонетиста, выводящего количественные характеристики фонем из данных инструментальной фонетики. Книга М. Пьетурссона осталась мне пока недоступной, но о его выводах и знаю из двух подробных писем.

¹⁷ Анализируя следующий за преаспирацией смычный как долгий, С. Эйнарссон придерживается традиции Ю. Сторма (Storm, 1892, стр. 236, прим. 2). Ю. Сторм полемизировал по этому вопросу с К. А. Э. Эссенем (Essen, 1861, стр. 128) и О. Есперсеном (Jespersen, 1889, стр. 52, прим. 1). К. А. Э. Эссен считал, что долгие согласные вообще упростились в исландском.

и т. п. — преаспирирована. В словаре В. П. Беркова *tálkn* имеет пять вариантов произношения: [t^hau|kŋ], [t^hau|χŋ], [t^hau|tŋ], [t^hauŋ], [t^hauŋ], но ни одного с преаспирацией. Аналогичные транскрипции приведены в словаре С. Блэндаля и в учебнике С. Эйнарссона (у С. Эйнарссона в словаре есть географическое название *Tálkna-fjögðir*). Каковы бы ни были исторические причины отсутствия преаспирации в *roskna*, *tálkn* и т. п., с точки зрения современного исландского языка разницу между *tákn* и *tálkn* можно объяснить только одним способом: в *tákn* вершина длительности приходится на /k/, а в *tálkn* — на /l/; преаспирация же допускается лишь перед таким согласным, на который падает вершина.

В связи со сказанным интересно сравнить слова *marklaus* 'бессмысленный' и *vitlaus* 'безумный'. Произношение слов типа *vitlaus* часто обсуждается исландцами (ср.: Einarsson, [1949], стр. 9—11; Böðvarsson, Р. 20 VI 1959), поскольку одни придерживаются варианта с долгим корневым гласным и непреаспирированным согласным, т. е. [vi:t|löys], а другие — варианта с кратким корневым гласным и преаспирированным согласным: [vi't:löys].¹⁸ Выбор варианта зависит, как объясняют, от того, насколько сильно осознается связь прилагательного *vitlaus* с существительным *vit* 'сознание, ум'. Можно подумать, что, когда *vitlaus* ясно разлагается говорящим на *vit*+*laus*, мы не имеем преаспирации, потому что преаспирация недопустима на морфологическом шве. В действительности же в описываемом процессе не два, а три звена: 1) слово типа *vitlaus* теряет связь с производящей основой; 2) корневой гласный в опрощенном слове попадает перед группой из двух согласных и сокращается; 3) первый из двух согласных становится долгим, и перед ним возникает преаспирация. Все дело не в морфологическом шве, а в типе слога, в котором находится группа смычный+сонант. Поэтому в сочетании /apl/ из фразы *hvíta plötu* (ед. ч., вин. пад. от *hvít plata* 'белая пластинка') преаспирации никогда не будет. в *táplaus* 'бессильный, вялый' норма колеблется так же, как в *vitlaus*, а в *kaplar* (мн. ч. от *kapall* 'кобыла') преаспирация обязательна. В *marklaus* дело обстоит, как в *hvíta plötu*: преаспирация в нем невозможна, но не потому, что семантическая связь между *mark* и *marklaus* сильнее, чем между *vit* и *vitlaus*, а по той лишь причине, что в *marklaus* вершина длительности приходится на /r/ и никогда не может быть сосредоточена на /k/.

¹⁸ Любопытно, какой разницей царит в произношении даже самых распространенных слов этой группы. Например, в слове *kaupstaður* 'купеч' где на стыке морфем образуется сочетание /bm/, не имеющее перед собой преаспирации, Б. Гудвин не слышал преаспирации (Goodwin, 1908, стр. 100; встречается слово *Kaupmannahöfn* 'Копенгаген'), а С. Блэндаль и в словаре (Blöndal, 1920—1924), и в учебнике (Blöndal og Stemann, 1959, стр. 19) дает это слово с преаспирацией. Аналогичная транскрипция у С. Эйнарссона (Einarsson, 1945, 1932, стр. 572), но в словаре В. П. Беркова преаспирация стоит в скобках (ср.: Einarsson, [1949], стр. 9—11).

Итак, в исландском преаспирации допускаются только в тяжем слог перед такими /b d g/, на которые падает вершина длительности. Обычная формулировка, гласящая, что преаспирация возможна перед рефлексами старых глухих геминат и перед сочетаниями старых /p t k/ с /l n/ для синхронного изучения исландского языка излишне подробна: поскольку рефлексы старых /p t k/ перед /l n/ имеют на себе количественный пик, то позицию смычный + сонант можно рассматривать как частный случай позиции перед глухой геминатой. Такая точка зрения будет несколько затемнять историческую перспективу, но зато она верна для современного языка.

Не совсем ясно, в каких пределах варьирует длительность самой преаспирации. Обычно преаспирация обозначается через краткое [h], однако К. Мэлоун (в работе 1952 г.) предлагал транскрипции типа [sgah:d] skatt (ед. ч., вин. пад. от skattur 'налог') (Malone, 1952, стр. 17).¹⁹ Трудно сказать, чем руководствовался К. Мэлоун в выборе своей транскрипции. Возможно, снабжать преаспирацию знаком долготы его принудила общая схема описания: по К. Мэлоуну, преаспирация — это фонема /h/, а в группе из двух исландских согласных естественно приписать долготу первому из них. Однако возможно, что К. Мэлоун до сих пор продолжает считать, что на преаспирации сосредоточен акцентный пик (ср.: Malone, 1923, стр. 106; подробнее о ранних взглядах К. Мэлоуна см. ниже), и потому записывает ее в виде [h:]. Наконец, не исключено, что именно таким образом К. Мэлоуну удалось лучше всего передать свои слуховые впечатления от исландского слова.

Как бы ни оценивать транскрипции К. Мэлоуна, нельзя не признать, что сама проблема длительности преаспирации существует. С. Эйнарссон писал в своей работе о южноисландском произношении, что не может добиться удовлетворяющей его сегментации слов с преаспирацией и что границу между концом гласного и началом преаспирированного согласного найти не удалось (Einarsson, 1931, стр. 21). На осциллограммах преаспирация выделяется достаточно четко, и измерить ее не составляет большого труда. В. В. Кошкин, занимавшийся такими измерениями, даже нашел, что преаспирация количественно равняется средней длительности фонемы /h/ (Кошкин, 1961*, стр. 136). Но, видимо, самое главное состоит не в том, чтобы измерить преаспирацию в некотором количестве исландских слов. Длительность преаспирации крайне непостоянна, и средние цифры для нее не показательны. Несомненно, что преаспирация колеблется в пределах от очень длительного спираанта до почти неуловимой

¹⁹ В своей последней работе по исландской фонетике К. Мэлоун вообще никак не транскрибирует преаспирацию: ср. /hek:la/ hekla 'вязать крючком', /stak:yr/ stakkur 'куча', /sôkn/ sókn 'атака' (Malone, 1959, стр. 273, 280).

паузы, и именно эти колебания лучше всего слышны в живой исландской речи. Данный вывод подтверждается и экспериментально. Если мы посмотрим, например, на спектрограммы слова *vogveðráttunni* (опр. ф., ед. ч., дат. пад. от *vogveðráttla* 'весенняя погода'), то сразу увидим, что преаспирация в этом слове, произнесенном в медленном темпе, очень слаба, а в нормальном темпе ее не видно совсем. Так же и в слове *fréknóttur* 'веснушчатый' первая преаспирация гораздо длительнее второй.

Мне кажется, что для существования преаспирации определяющими являются два момента. 1) Для нее irrelevantно место образования: щель может быть в фаринксе ([h], наиболее привычный вариант), в задней части ротовой полости (тогда мы слышим [x]), в средней части ротовой полости (Ich-Laut), в районе альвеол (ср. отмеченный Гудвином «инфрикатор» [ʃ] и чрезвычайно характерные дублеты типа *fríkka*, *fríðka* 'становиться красивее', *víkka*, *víðka* 'расширять(ся)'); наконец, щель может образовываться на периферии ротовой полости (ср. «инфрикатор» [f] и цитировавшиеся уже пары типа *þóttla*, *þófta* или *tóttla*, *tóft* 'открытый сеновал'). 2) Для нее irrelevantна длительность. Преаспирация допустима лишь в таком слове, где квантитативный ник приходится на преаспирированный согласный; длительность же самой преаспирации не входит в общую длительность слога, поэтому она и может варьироваться в достаточно широких пределах.

Эти два момента резко отграничивают преаспирацию от всех фонем исландского языка. Появляется реальная возможность считать, что преаспирация в слове и в слоге стоит над фонемами и что именно поэтому место образования и длительность не определяют условий ее функционирования. Другими словами, появляется возможность считать преаспирацию супrasegmentным элементом.

Просодический характер преаспирации обнаруживается и при попытках разделить цепочку типа *lappa* на слоги. Если признавать верной транскрипцию [lahba], то, очевидно, вариант [la-hba] не хорош: в исландском двусложном слове оба слога не могут быть легкими; инициаль [hb] невероятна; кроме того, исследователи настаивают, что преаспирация принадлежит тому же слогу, что и предшествующий гласный (Стеблин-Каменский, 1951 стр. 208). Вариант [lah-ba] не многим лучше: опять остается неясным, где в первом слоге вершина длительности (так как она наверняка не на /a/, то, значит, как и полагал К. Мэлоун, придется ставить на самой преаспирации [lah:-ba]); кроме того мы получаем невероятный исландский слог с исходом на фарингальный. Если принять транскрипцию [lahb:a], то мы, естественно, не сможем предложить слогоделение [lah-b:a] (как прежде, не указана вершина длительности в первом слоге, полагался слог с исходом на фарингальный и совершенно нелепый).

мый слог [b:a]). Но и вариант [lahb-ka] не совсем благополучен: разделив геминату, нам все-таки придется допустить, что преаспирация и преаспириванный смычный находятся в одном слоге. Если же стать на супрасегментную точку зрения и записать larra в виде [la'b:a], то окажется, что преаспирация не входит в первый слог, а накладывается на него (как тон или как толчок), и что слово larra 'латать' будет делиться на слоги точно так же, как слово labba 'медленно идти' и все прочие слова с интервокальными геминатами, т. е. трудности слогоделения, возникшие в larra именно из-за преаспирации, отпадут сами собой.

Еще тридцать пять лет тому назад А. Мартине говорил, что датский толчок лишь для фонетиста существует до или после звука, на самом же деле он находится внутри того или иного звука (Martinet, 1934, стр. 55). То же самое можно сказать и об исландской преаспирации. Наиболее естественной просодической трактовкой преаспирации было бы признание ее особым (придыхательным, или аспиративным) видом толчка, т. е. особым вариантом резкого слогового акцента.

Связь между преаспирацией и динамическим акцентом давно уже обратила на себя внимание фонетистов. Приведу две очень важные выдержки из книг К. Мэлоуна и С. Эйнарссона. Следует только учесть, что К. Мэлоун называл преаспирацию неслоговым придыханием (asyllabic breathing), а С. Эйнарссон — придыхательной выдержкой (Implosionshauch). К. Мэлоун: «Эти придыхания развились перед геминированными глухими смычными; голосовая щель открывалась, а язык и челюсть подымались еще до начала артикуляции глухого смычного. Со временем предвосхищение артикуляции смычного (this anticipatory parasite articulation) получило такой размах, что на *придыхания стала падать вершина удара* и они достигли полудолготы, а сам смычный сократился» (Malone, 1923, стр. 106). С. Эйнарссон: «Если мы возьмем слово с кратким гласным, например gott или Dikki, то обнаружим, что тон достигает своей вершины примерно в середине гласного, а затем быстро падает. Однако слуховое ощущение говорит нам, что динамический акцент падает скорее на последнюю часть гласного или *даже на следующий за ним согласный*, в данном случае на придыхательную выдержку двойных -tt-, -kk- . . . Столь сильный выдох обуславливается большой шириной голосовой щели, и легкое падение тона в предшествующем гласном также вызывается естественным предварительным ослаблением мускулов голосовых связок. Если следующий за кратким гласным согласный глухой, то и в нем мы обнаруживаем необычную для согласных ширину амплитуды» (Einarsson, 1927, стр. 124—125; курсив в обеих цитатах мой, — А. Л.).

Благодаря наблюдениям К. Мэлоуна и особенно С. Эйнарссона впервые появилась возможность трактовать исландскую преаспирацию как динамический акцент. Но сам С. Эйнарссон

ни в ранних работах, ни впоследствии не сделал принципиальных выводов из собственных описаний. В своей диссертации (1927 г.) он говорил о преаспирированных согласных дважды: в главе о смычных и в главе о тоне, но именно факты, изложенные им в первой главе, получили всеобщую известность, а сообщение об акцентной стороне преаспирации оказалось забытым. Общая фонетика, в той мере, в какой она интересуется просодикой, и в частности слоговой акцентуацией, также ничего не говорит об аспирированных акцентах.

Одна из немногих работ по типологии ударения, в которой такой акцент предусмотрен, — это статья Ё. Форххаммера (Forchhammer, 1942, стр. 183). По Ё. Форххаммеру, в зависимости от ширины голосовой щели следует различать три вида динамического акцента: обычный акцент, который получается при сравнительно широкой голосовой щели, придыхательный акцент (hauchiger Akzent) и акцент сжатия (Kompressionsakzent), каковым является толчок в современном датском. В рамках этой теории датский толчок и исландская преаспирация окажутся лишь разными реализациями одного и того же явления, а именно динамического акцента. Не ссылаясь на Ё. Форххаммера, к сходному выводу о взаимоотношениях толчка и преаспирации пришел С. Д. Кацнельсон: «Преаспирация по своему фонетическому выявлению — это резкий акцент, но не гортанного типа, а аспирированный. . .» — пишет он (Кацнельсон, 1966, стр. 325, прим. 422).

В следующей главе мы рассмотрим преаспирацию в шведском и норвежском и некоторые виды толчка в датских диалектах, и тогда станет совершенно ясно, как близки бывают по реализации акц. I шведско-норвежского типа, толчок и преаспирация. А сейчас достаточно заключить обсуждение вопроса об акцентной природе преаспирации выпиской из работы С. Смита, крупнейшего специалиста по физиологии толчка: «Не может быть никакого сомнения, что датский толчок часто произносится со сжатием (mit einem Knarren, букв. «скрипуче») или со смычкой голосовых связок, но столь же очевидно, что толчок часто произносится безо всякого следа сжатия (Knarren) или смычки, а с дополнительным призвуком или придыханием (mit einem Nachschlag oder einem Hauch). Физиологически эти процессы объясняются так. Когда поток выдыхаемого воздуха слишком слаб по отношению к степени сжатия в гортани, возникает „скрипучий голос“ (Knarrstimme) или иногда даже смычка. Когда поток воздуха и степень сжатия мускулатуры голосовых связок уравновешены, возможно нормальное (gute) производство голоса. И наконец, когда сила сжатия мала по отношению к потоку воздуха, возникает голос, сопровождаемый дополнительным выдохом (Stimme mit Überluft)» (Smith, 1937—1938, стр. 35).

Для нас важно не столько то, на чем именно основано физиологическое различие между толчком и преаспирацией, сколько главный вывод, который объединяет описания С. Эйнарссона, С. Смита и Ё. Форхаммера: преаспирация — это ослабленный вариант толчка, требующий широкой голосовой щели и малого надглоточного давления.

В моем распоряжении были спектрограммы слова *Rikki* в нормальном и замедленном темпе. Переход от /i/ к /k/ хорошо виден на обеих спектрограммах. Но в медленном темпе этот переход растянут на большой промежуток времени и мало интенсивен. Именно так обычно выглядят спектры слабых спирантов. В нормальном же темпе переход от /i/ к /k/ краток и, главное, как видно по затемненности в полосе высоких частот, чрезвычайно сконцентрирован. По всей вероятности, на этом месте была смычка. Поэтому не исключено, что даже в исландском преаспирация может чередоваться с толчком в зависимости от стиля речи, темпа и тому подобных причин, но так как и толчок, и преаспирация могут артикулироваться очень сходно (просто как падение интенсивности), то это чередование не осознается говорящими и не замечается слушающими. С аналогичным явлением (а именно с нерегулярным чередованием преаспирации и толчка) мы еще встретимся при описании шведской преаспирации (стр. 82).

История изучения исландской преаспирации показала нам, что преаспирацию сравнительно сложно заметить, что она неодинаково хорошо слышна в разных словах и что в каких-то случаях ее употребление факультативно. Факультативность (хотя она совершенно не типична для исландского) роднит преаспирацию с любым толчком, а неясность и нечеткость артикуляции являются выражением присущей ей фонетической слабости.

Несмотря на то что дистрибутивные характеристики преаспирации хорошо изучены, некоторые вопросы ее дистрибуции нуждаются в дополнительном рассмотрении. Как известно, оглушаться могут в исландском не только концы гласных, но и концы сонантов. Возникает вопрос, насколько сравнимы эти явления и нельзя ли рассматривать слова типа *henda* 'годиться', *lamri* 'лампа', *elta* 'гнаться' (курсивом выделены буквы, обозначающие глухие корреляты сонорных /n m l/) как слова с преаспирацией: /hɛn'da/, /lam'ri/, /ɛl'da/ — и считать, что они противопоставлены словам без преаспирации: /henda/ *henda* 'случаться', /lamb/ *lambi* (ед. ч., дат. пад. от *lamb* 'ягненок'), /elda/ *elda* 'зажигать' — точно так же, как *totti* (ед. ч., дат. пад. от *tott* 'сосание'), *lappa* 'латать', *ekkja* 'вдова' противопоставляются *toddi* 'клок шерсти', *labba* 'медленно идти', *eggja* 'подстрекать'. Чрезвычайно распространены в исландском и сонанты с глухим приступом (на письме *hl*, *hn*, *hr*, *hj*: ср. *hnifur* 'нож', *hlaura* 'бежать', *hreimur* 'акцент', *hjalt* 'эфес'). Интерпретация этих сонантов, их отношение к /h/

и к тем фонемам, которые выделены в *henta*, *elta*, — один из сложнейших вопросов исландской фонетики (ср.: Hoffory, 1877, стр. 533—534, 542, 548—549; Naert, 1946*, стр. 153; Стеблин-Каменский, 1966, стр. 110). Кроме того, в исландском есть различные придыхания: придыхательны согласные, которые обозначаются на письме через *p*, *t*, *k*, и придыхательны все абсолютные концы слов (ср. такие транскрипции из словаря В. П. Беркова, как [k^hind^h] *kind* 'овца', [maun^gh] *maun* 'торговля'). Не ясно, есть ли что-нибудь общее между начальным придыханием конечным придыханием и преаспирацией и между обоими видами консонантного придыхания (начальным и конечным). Рассматривая шведский и норвежский материал, мы увидим, что диалектологи постоянно сопоставляли «глухой гласный» (т. е. преаспирацию) северноскандинавских говоров с глухим отступом фонем /l/ п и п и с различными придыханиями и обозначали их все через [h]. Исландский материал также позволяет поставить и рассмотреть эти проблемы.

С. Эйнарссон транскрибирует в своем учебнике (Einarsson, 1945) слова типа *hlaura* с [hl-], слова типа *elta* — с [-l-], преаспирацию и начальную аспирацию записывает через надстрочное [h], а конечную аспирацию обозначает подстрочным кружком как глухость соответствующего смычного (ср. [k^hind^o] *kind*). В рецензии на книгу С. Эйнарссона Л. М. Холландер возражала против начальных [hl] h^o h^o, считая подобную транскрипцию неуместной, так как, по его мнению, и в английском возможны аналогичные звуки (например, в слове *new* 'новый'), но никто их так в английском не обозначает. Кроме того, он утверждал, что нет никакой разницы между исландским [m] в *hemra* 'ряса' и английским [m] в *limping* 'хромающий' (Hollander, 1946, стр. 222). Впоследствии С. Эйнарссон процитировал это высказывание Л. М. Холландера в довольно прощальном контексте (Einarsson, 1948, стр. 440). Проблема тем не менее осталась. В самом деле, если нет разницы между исландским [m] в *hemra* и английским [m] в *limping*, то перед нами обычный случай регрессивной ассимиляции (оглушение исхода сонанта перед глухим, для исландского — перед исторически глухим), с той лишь (не существующей фонетически!) оговоркой, что глухой отступ сонантов релевантен в исландском, но прелевантен в английском. В таком случае для сравнения глухого отступа исландских /l/ п и п с преаспирацией нет никакого повода. Если же, как думает С. Эйнарссон, исландские /l/ п и п/ несравнимы с английскими сонорными перед /p t k/, то их место в системе и их связи с преаспирацией требуют дальнейшего выяснения. Добавлю еще, что Л. М. Холландер слышал один и тот же звук как перед орфографическим *ll*, так и в словах *allt* и *illt* (ср. р. от *allur* 'весь' и *illur* 'плохой'), т. е. всюду слышал преаспирацию (Hollander, 1946, стр. 223). Последнее наблюдение Л. М. Холландера С. Эй

парсон оставил без комментариев. Кто был прав в этой полемике, будет ясно из дальнейшего.

Чрезвычайно подробно вопрос о различных придыханиях в исландском рассмотрен в недавней работе Г. С. Клычкова (Клычков, 1966). По мнению Г. С. Клычкова, глухой отступ исландских p , t и k и преаспирация — явления одного порядка. Для Г. С. Клычкова преаспирация — это глухой отступ гласного («глухой промежуток») и лишь один из вариантов глухого отступа, которых много в исландском (там же, стр. 309). «Этот глухой промежуток, — пишет он, — свободно „накладывается“ на различные артикуляции: на межзубный спирант [ʃ], делая его глухим, например *blíðka* [blíʃka] ‘смягчать’, *blíður* [blíʃur] ‘мягкий’, на боковой сонорной, например *mjólk* [mjouʃk] ‘молоко’, при этом [l] становится глухим моноплатеральным сонорным, близким к глухому гласному; воздушная струя в отличие от звонкого сонорного проходит не по обе стороны, а только с одной стороны корня языка, где отверстие для воздушной струи оказывается расширенным. Придыхание накладывается на губной носовой сонорный [m], например *skemmta* [sʃem̩ta] ‘веселить’, где [m] представляет собой выдох через носовую полость при билабиальной смычке, на носовой дентальный [n], например *vanta* [vanta] ‘не доставать’, где [n] — выдох через носовую полость при велярной смычке. Возникающие артикуляции сонорных близки носовым гласным» (там же, стр. 310).

«Глухой промежуток» рассматривается Г. С. Клычковым на супrasegmentном уровне как явление стыка. По крайней мере для диалекта хардмайли (север Исландии), в котором краткие интервокальные /p t k/ придыхательны, противопоставление типа *vottur* ‘свидетель’ ~ *votur* ‘мокрый’ основано, как считает Г. С. Клычков, на разных структурах слога: сомкнутый тип (условно $E^hT:A$) противопоставляется разомкнутому (условно E/G^hA); аналогично: *eða* ~ *Edda* (там же, стр. 314).

Придыхание абсолютных концов исландских слов также анализируется Г. С. Клычковым как просодическое явление. По его описанию, конечная аспирация — примерно такой же глухой гласный, как и преаспирация. По этому поводу говорится следующее: «Обычно, с антропофонической точки зрения, придыхание взрывного является результатом освобождения воздуха, накопившегося перед преградой в период смычки. Поэтому собственно придыхательные всегда являются напряженными, при ослаблении и одновременном накоплении воздуха перед преградой происходит размыкание органов речи и звук становится либо фрикативным, либо чистым придыханием [h]. Исландские [tʰ], [dʰ], [kʰ] не могут быть отнесены к придыхательным, „придыхание“ здесь является глухим гласным пазвуком, образующим вторую вершину слога перед абсолютным концом слова» (Клыч-

ков, 1966, стр. 311). Что же касается придыхательных концов у гласных, то в статье сказано: «...аудитивно на конце слов воспринимается придыхание с тембровой окраской предшествующего гласного. Синтаксическое ослабление этого слова в речи выражается не в безударности слога, а в распространении глухой части на весь слог, в шепотном произношении всего слова. При этом слово произносится на вдохе, а не на выдохе, а его значение меняется: já в таком произношении является междометием, выражающим внимание слушающего к чужой речи. Такое же оглушение гораздо реже встречается при артикуляции других односложных слов, например: nei 'нет', sko 'вот'. Аспирация (глухое произношение) конца слова является здесь сигналом конца предложения и, следовательно, фонологическим, хотя и супraseгментным, фактором. В исландском распространении придыхания на целое слово представляет собою синтаксическое использование так называемой аспирации, т. е. падения тона, вызываемого снятием колебания голосовых связок» (там же, стр. 305).

Хотя скандинавские диалектологи неоднократно обсуждали связь различных придыханий (включая и преаспирацию) друг с другом и с глухим отступом сонантов, Г. С. Клычков был, несомненно, первым, кто объединил все эти давно известные факты единой теорией.²⁰ Его теория рассматривает указанные явления как элементы просодической системы исландского языка, и в этом ее оригинальность и в некоторой части преимущество перед многими традиционными толкованиями. Но стройность теории Г. С. Клычкова в каких-то моментах достигается за счет огрубления и унификации не вполне однородных фактов. Как мы сейчас увидим, Г. С. Клычковым не преодолено несколько трудностей.

Во-первых, преаспирация не глухой отступ гласного и придыхательный толчок, оглушающий исход гласного, так что наличие глухого промежутка в gott, átt, tuttugu, ekki и т. д. не релевантно само по себе. В словах же henta, mjólk, skemmti релевантен именно глухой промежуток, так как никакого толчка на них нет.

Отсутствие толчка в словах типа henta частично доказывается тем, что исландские фонетисты никогда не отмечали на границе первого слога этих слов того динамического усиления, которое слышали в gott, Dikki. Но есть и другие, более веские соображения, которые, как мне кажется, свидетельствуют против того, что в словах типа mjólk между сонантом и смычным обнаруживается преаспирация.

Так, обращают на себя внимание транскрипции С. Эйнарссона

²⁰ Ср. лишь: Wagner, 1964, стр. 260, для которого связь между глухим отступом сонантов и преаспирацией настолько очевидна, что почти не подлежит обсуждению.

Транскрибируя слова вроде *panta* 'заказывать', он дает и северный вариант (без оглушения носового), и южный (с глухим отступом): ср. [p^han.t^ha], [p^han.ta]. Если бы во втором варианте была преаспирация, то под резким акцентом сонант, видимо, сокращался бы (как это регулярно происходит с гласными). Тем не менее С. Эйнарссон отмечает полудолготу в обоих транскрипциях. Существенно также произношение слов типа *felmt* (верба *felmt* 'исцугаться'), *varmt* (ср. р. от *varmur* 'теплый'), т. е. слов, в которых перед старым глухим стоят подряд два сонанта. В *felmt*, *varmt* и т. д. словари отмечают оглушение *обоих* сонантов: [fɛl̥m̥t] (В. П. Берков), [vaɹ̥m̥t] (С. Эйнарссон). Если бы глухой отступ сонанта был преаспирацией, то в *felmt*, *varmt* надо было бы допустить наличие двух преаспираций: [fɛl'm'd], [vaɹ'm'd], что уже само по себе совершенно невероятно, и, кроме того, предположить, что в исландском могут быть преаспирированы не только шумные, но и сонорные, что тоже весьма сомнительно. Если же с самого начала различать фонемы /r/ и /r̥/, /m/ и /m̥/, /l/ и /l̥/, то сочетания [l̥m̥], [r̥m̥] не более удивительны, чем русские [зб] и [сп] в словах *сбор* и *спор*. Можно было бы сказать, что слов типа *felmt*, *varmt* мало и что они нестойки (ср. транскрипцию С. Эйнарссона для *gjarnt*, ср. р. от *gjarn* 'склонный к чему-то' [gjaɹ̥nt]; Хельги Харальдссон говорит, что *felmt* часто произносится *flemt*), но слов этих мало по чисто фонотактическим причинам; кроме того, сочетания из трех согласных вообще не типичны для исландского. Так что свидетельством слов типа *felmt*, *varmt* не следует пренебрегать.

Глухой отступ исландских /l̥ m̥ n̥ r̥/ — это физический субстрат того признака, который отличает их от /l m n r/. Так что с фонологической точки зрения «глухие промежутки» в *gott* и *henta* несопоставимы: ни преаспирация не принадлежит тому же уровню анализа, что и отступ фонем /l̥ m̥ n̥ r̥/ (слоговой акцент vs. различительный признак), ни оглушенный ею конец гласного не коррелирует с глухим отступом сонантов, ибо из них лишь отступ сонантов релевантен, отступ же гласных избыточен. Если представить дело так, что глухость *накладывается* на /l̥ m̥ n̥ r̥/, то супrasegmentная природа этой глухости станет очевидной, но для подобной интерпретации нет оснований. Напротив, следует остерегаться того, чтобы фонема произвольно распадалась в руках исследователя на самостоятельно функционирующие элементы. При таком распаде мы получим не истинно супrasegmentные единицы, а только просодемы по Фирту.

Во-вторых, отнюдь не очевидна просодическая функция придыхания исландских /p t k/. М. И. Стеблин-Каменский рассматривает придыхание как различительный признак исландских смычных (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 92). Для того чтобы сравнивать постаспирацию с преаспирацией, необходимо опровергнуть ту фонематическую точку зрения на постаспирацию,

которую отстаивает М. И. Стеблин-Каменский. Однако не ясно, как это можно сделать (и нужно ли).

В - т р е т ь и х, анализ комплексов *vottur*, *Edda* как сомкнутых структур в противоположность разомкнутым *votur*, *eda* есть лишь переформулировка того, что в рамках просодической корреляции длительности *vottur* и *Edda* имеют количественный пик на согласном, а *votur* и *eda* — на гласном. Для выяснения места вершины придыхания не существенны.

И н а к о н е ц, остаются трудности с придыханием в абсолютном исходе. Г. С. Клычков говорит, что исландские [ʰ dʰ ɡʰ] не могут быть отнесены к придыхательным, так как «придыхание» здесь является глухим гласным пазвуком, образующим вторую вершину слога. Однако в его работе не показано, на чем основаны эти выводы и как они были получены. Утверждение же, будто собственно придыхательные всегда являются напряженными, нуждается в оговорках. Германские придыхательные согласные обычно описываются как сильные. Но с физиологической точки зрения интенсивность и придыхательность отнюдь не должны сопутствовать друг другу. Дело в том, что «придыхательность» делает как бы излишней четкий, резкий взрыв, который требует известного напряжения органов, осуществляющих смычку (Зиндер, 1960, стр. 124), поэтому придыхательным согласным свойственна скорее слабость, чем сила.

Супрасегментная природа конечного придыхания состоит, по Г. С. Клычкову, в том, что данное придыхание маркирует конец высказывания и, следовательно, выполняет синтаксическую функцию. С этим рассуждением нельзя не согласиться. Но необходимо иметь в виду, что исландская преаспирация — это релевантная просодема, в то время как конечное придыхание, вопреки тому что говорит Г. С. Клычков, избыточно, поскольку сопровождается концом любой синтагмы. Следовательно, сравнение преаспирации и конечного придыхания не должно производиться чересчур прямолинейно.

Я думаю, что незачем доказывать, будто конечная аспирация это не придыхание, а ослабленная и оглушенная слоговая вершина. Германские диалекты (в том числе и скандинавские) дают множество примеров того, как тот или иной слоговой акцент начинает употребляться в определенном стиле речи или в определенных ритмических условиях. Такой особой ритмической позицией регулярно оказывается конец фразы (ср.: Кацнельсон, 1966, стр. 61). Можно было бы допустить, что конечное придыхание в исландском и датском — это максимально ослабленный толчок, утративший свою смыслодифференциальную функцию. Однако известно, что закрепление акцента за какой-то позицией — это первый шаг к его исчезновению, а датский толчок и особенно исландская преаспирация едва ли переходят на периферию различительных средств этих языков. Кроме того, остается откры-

тым вопросом о конечных придыханиях в таких языках, в кото-
рых нет слоговой акцентуации скандинавского типа, например
в русском, итальянском и особенно французском (ср.: Hall,
1964, стр. 68). Так что статус конечного придыхания в исланд-
ском пока не ясен. Видимо, Г. С. Клычков прав, рассматривая его
на супрасегментном уровне.²¹ Но отнесение данного приды-
хания к просодике — лишь самое начало исследования его
природы.

После всего сказанного можно сделать окончательные выводы
о фонетической природе и дистрибутивных особенностях исланд-
ских придыханий и об их отношении друг к другу. 1. Преаспи-
рация — это слабый толчок, оглушающий исход своего базиса.
Оглушение исхода аспирированного гласного irrelevantно.
2. Глухой отступ ряда исландских носовых и плавных принадле-
жит к фонематическим, а не к просодическим средствам исланд-
ского языка и поэтому не должен отождествляться с преаспира-
цией. Транскрипции типа [h^t] (illt), заставляющие усматривать
после гласного преаспирированный смычный, искажают существо
дела. 3. Постаспирация фонем /p t k/ так же служит различитель-
ным признаком смычных, как глухой исход — различительным
признаком фонем /d n ŋ r/. Сопоставление постаспирации с пре-
аспирацией малоэффективно. Преаспирированные фонемы дейст-
вительно, как общее правило, не имеют постаспирации, но это
обстоятельство ничего не говорит о фонологическом родстве пре-
аспирации и постаспирации. 4. Статус конечного придыхания
не ясен, но не исключено, что перед нами явление, родственное
преаспирации и принадлежащее просодике.

Все перечисленные выводы относятся лишь к современному
исландскому языку. В диахронической главе будет показана
связь глухости сонантов с преаспирацией. В дальней перспективе
и разбиение скандинавских смычных на придыхательные и не-
придыхательные может быть связано со слоговой акцентуацией.
Но строго синхронная точка зрения запрещает нам принимать
следы древних отношений за проекцию этих отношений в совре-
менный язык.

Основной целью данного раздела было фонетически описать
исландскую преаспирацию, отграничить ее от родственных явле-

²¹ Приведу один дополнительный довод в пользу этой точки зрения.
М. И. Стеблин-Каменский показал, что придыхание — различительный
признак исландских /p t k/ и что в привативной оппозиции придыхательный
— непридыхательный маркирован именно придыхательный. Таким образом,
в положении нейтрализации (где следует ожидать немаркированный член)
должен стоять непридыхательный смычный. Тем не менее, в абсолютном ис-
ходе, который несомненно является положением нейтрализации, регулярно
выступает придыхательный. Это неожиданное поведение смычных можно
объяснить тем, что конечное придыхание — это ослабленный толчок, не имею-
щий никакого отношения к постаспирации p t k/ (другое объяснение
см.: Стеблин-Каменский, 1966, стр. 93—94).

ний и доказать, что исландская преаспирация — это слоговой акцент. В заключение я бы хотел обратить внимание на некоторые факты, смысл которых темен, но которые, видимо, подтверждают просодическую природу преаспирации. Я имею в виду поведение отдельных иностранных слов в современном исландском.

В словаре учебника С. Эйнарссона (Einarsson, 1945) встречаются слова *foxtrott* 'фокстрот', *kvintett* 'квинтет', *sígaretta* 'сигарета'. *Foxtrott* и *sígaretta* — наверняка заимствования из английского. Можно предположить, что эти слова заимствовались не через книгу, а пришли в исландский язык из непосредственного общения с американцами. *Kvintett* — скорее всего, книжное заимствование. Обращает на себя внимание, что во всех трех словах в последнем слоге С. Эйнарссоном отмечена преаспирация (необходимость преаспирации подчеркивается написанием с двумя *t*; в английском пишется *foxtrot*, *quintet*; слово *сигарета* в американском варианте обычно пишется *cigaret*). Почему слова типа *foxtrot* заимствуются с преаспирированным концом? К сожалению, нет надежных примеров заимствованных слов с исходом на английское /d/, но надо полагать, что слова типа английских *biped* 'двуногое животное' или *comrade* 'товарищ', если бы они проникли в исландский, имели бы на конце не [d], а либо [dd], либо [ð]: ср. *húdd* < a. *hood* 'верх экипажа' (Kress, 1966, стр. 211), но это — скорее *sletta*.²² Э. Хауген также отмечает, что, когда исландцы произносят английские *meet* и *get* (пр. вр. от *meet* 'встречать' и *get* 'получать'), они неизменно преаспирируют концы (Haugen, 1958, стр. 72, прим. 39). О словах типа *god* 'бог' он ничего не говорит.

Слово *foxtrot* не обязательно должно было звучать по-исландски [fɔx.st^hrɔt.] (воспроизведена транскрипция С. Эйнарссона). Оксфордский словарь (*Concise Oxford Dictionary*, 4th ed.) дает слово *foxtrot* с двумя ударениями (т. е. [fɔks'trɔt]). По такой же акцентной модели, как английское *foxtrot*, идет не только исландское *þjófhætt* (ср. р. от *þjófhæddur* 'боявшийся воров'), но и *skipbrot* 'кораблекрушение', так что *foxtrot* вполне могло быть передано исландцами как [fɔxstrɔt]. Этого, однако, не произошло и никогда в подобных случаях не происходит. Поразительно и другое. Как известно, исландцы не различают фонологически глухих и звонких согласных. Следовательно, разница между английскими *got* и *god* должна была казаться им не особенно значительной (не более значительной, чем кажется разница между французскими *pré* 'луг' и *prêt* 'готовый', английскими *bed* 'кровать' и *bad* 'плохой' — русским или разница между *мель* и *мель* — французам и англичанам). Тем не менее конец слова

²² Ср. аналогичные *slettur* с интервокальным английским /d/: *boddi* < a. *body* 'тело' (Kress, 1966, стр. 211), *reddý* < a. *ready* 'готов' (Groenke, 1966, стр. 225).

foxtrot не совпал в исландском произношении с концами таких слов, как nudd 'трение', mannsrödd 'человеческий голос' и т. п. Преаспирировано под влиянием исландского акцента только got, но не god. Можно было бы предположить, что исландцы слышат разницу между аспирированным концом в [gɔt^h] и неаспирированным — в [gɔd]. Но отдельно взятое исландское слово всегда кончается придыханием, а английские глухие концы аспирированы слабо (Hall, 1964, стр. 68), следовательно, данный признак не мог быть релевантным при опознании исландцами английских слов. Даже если стать на ту точку зрения, что современный английский различает не глухие и звонкие, а сильные и слабые смычные, то останется непонятным, как исландцы различают английские got и god: ведь в исландском и gott [gɔ'd:], и rödd [rö:d:] в равной мере оканчиваются на слабый смычный.

Можно предположить следующее (к сожалению, очень приблизительное) толкование приведенных фактов. Проще остальных понять, почему английское got передается по-исландски с преаспирированным концом. Сравним три исландских слова: brot, rödd и gott. С просодической точки зрения их можно классифицировать двояко:

1) структура {VC:}	структура [V:C]
rödd	
gott	brot
2) с плавным акцентом (отсутствие преаспирации)	с резким акцентом (преаспирация)
rödd	
brot	gott

Теперь сравним три английских слова: brought, god и got. Они допускают только одну просодическую классификацию:

с плавным акцентом (слабое примыкание)	с резким акцентом (сильное примыкание)
brought	god
	got (однако см. ниже)

Что же касается длительностей, то они в современном английском совершенно не совпадают с исландским: в god гласный заметно дольше, чем в got, в brought — немногим дольше (а иногда и не дольше), чем в god, но дольше, чем в got (обзор по вопросу об английских длительностях см.: Либерман, 1966). Если бы исландец интуитивно попытался отнести каждое из английских слов brought, god и got к одной из двух слоговых структур, то лишь got, очевидно, отошло бы к структуре [VC:]. Таким образом, английское got совершенно оморфно исланд-

скому gott: они оба имеют резкий акцент и сближаются по внутрислоговому распределению длительностей. Поэтому-то исландцы и произносят английское got как [gɔ'dl].

Гораздо труднее понять, почему god, тоже имеющее резкий акцент, не производит на исландца впечатления омонима слова got. Скорее всего, дело заключается в следующем. В современном английском слова типа did, god (с историческим кратким гласным перед звонким) в массовом масштабе утрачивают свой резкий акцент и просодически перестают отличаться от deed, gaud (ср.: Ruth, 1943; Воротникова, 1963). По-исландски не может быть слова [gɔ:d] (может быть только [gɔ:ð]). Поэтому английское god передается как [god:]; от такой передачи искажается внутрислоговое распределение длительностей (но это было вынужденно), зато сохраняется плавный акцент. Предложенное объяснение исходит из произношения английского god с плавным акцентом, и в этом его уязвимость. Однако передачу got как [gɔ't] удалось истолковать без натяжек.

Поведение английских слов в исландском не может быть понято при сравнении одних лишь цепочек фонем. Если же исходить из системы слоговых акцентов и в английском, и в исландском, то некоторые закономерности получают хотя бы первоначальную интерпретацию.

β. Фонологические проблемы преаспирации

В предыдущем разделе вопросы, связанные с фонологической трактовкой преаспирации, были затронуты лишь вскользь. Аргументы, доказывающие ее просодическую природу, были лишь частично фонологического характера. Так, мы установили, что для преаспирации иррелевантна длительность, что преаспирация варьирует по силе и иногда факультативна, что для нее в значительной мере иррелевантно место образования, что она не входит ни в один из слогов слова, а накладывается на слог, что она, хотя и реализуется как придыхание, воспринимается некоторыми фонетистами как динамическое усиление и в принципе может чередоваться со смычно-гортанным усилением (толчком), что она как будто параллельна (омоморфна) плотному контакту в английском. Мы установили также, что исландская преаспирация всегда предшествует согласному, несущему на себе вершину длительности, и таким образом дистрибутивно связана с рельефом слога. Теперь нам следует проанализировать ее с точки зрения общей фонологии. Такой анализ раскроет некоторые дополнительные стороны как преаспирации, так и исландской слоговой акцентуации в целом.

До сих пор предполагались следующие интерпретации того элемента, который мы условно обозначали в транскрипции апострофом: 1) говорилось, что этот элемент есть различительный

признак тех смычных, которым он предпослывает (Paugen, 1941, стр. 102; 1958, стр. 72);²³ 2) предполагалось, что преаспирация есть вариант исландского /h/ (Стеблин-Каменский, 1957, стр. 208; Кошкин, 1961); 3) предполагалось, что преаспирация — это разновидность стыка (Клычков, 1966, стр. 308—309, 314); 4) утверждалось, что преаспирация — это либо реликт придыхательного толчка (Кацнельсон, 1966, стр. 325, прим. 422), либо настоящий толчок (Либерман, 1966*, 1969). Следует сразу отметить, что перечисленные точки зрения не охватывают всех возможностей трактовки преаспирации. Можно себе представить еще несколько вариантов, которые мы рассмотрим ниже. Но два из них существенны для нас уже сейчас. Нам необходимо обсудить, не является ли исландская преаспирация различительным признаком предшествующего гласного (т. е. того гласного, на который она падает) или какой-нибудь самостоятельной фонемой исландского языка (а не вариантом /h/).

Вопросы стыка мы обсудили выше. Теперь мы должны посмотреть, насколько допустимо усматривать в преаспирации какую-нибудь фонему (или особый вариант фонемы) или различительный признак ряда гласных или согласных фонем. Более ясна проблема консонантной трактовки преаспирации, с которой мы и начнем.

В принципе вопрос: фонема или просодема? — в применении к преаспирации лучше всего решается фонетически, а не фонологически. Доказательство того, что датский толчок есть вид динамического усиления — наиболее убедительный аргумент в защиту его супрасегментной трактовки. Фактически А. Мартине сказал самое главное в пользу просодической интерпретации толчка, когда заметил, что толчок это не смычный согласный, а некий вид вибрации гортани — *un mode particulier des vibrations de la glotte* (Martinet, 1937, стр. 259). Однако в отличие от исландской преаспирации датский толчок в серьезных фонологических работах почти никогда и не рассматривался как особый согласный. Исключение составляет ранняя книга Х. Ё. Ульдала (Uldall, 1933, стр. V—VI, таблица), но впоследствии и он (Uldall, 1936, стр. 55) признал толчок просодемой.

Что же касается исландской преаспирации, то можно привести не только фонетические, но и некоторые специально фонологические доводы против ее консонантной природы. Как говорилось, преаспирация в исландском может реализоваться и как фарингальное, и как ротовое придыхание. Мы предлагаем следующую теорему: в консонантной системе, располагающей

²³ Подобная интерпретация была предусмотрена еще Н. С. Трубецким (Трубецкой, 1960, стр. 175). Анализируя смычные согласные языка фоке, он обсуждал два варианта решения: 1) преаспирация — это самостоятельная фонема, 2) преаспирация — это различительный признак смычных.

фарингальным спирантом²⁴ и хотя бы еще двумя другими спирантами, никакой спирант не может иметь и фарингальные, и нефарингальные аллофоны. Действительно, звуки могут быть аллофонами одной фонемы только в том случае, если они имеют одинаковые различительные признаки, ибо единство и тождество фонемы определяются постоянством ее различительных признаков. Различительными признаками /h/ в условиях системы с единственным фарингальным могут быть только его фарингальность и спирантность (хотя спирантность /h/ не очевидна с фонетической точки зрения, о чем подробнее см.: Либерман, 1967, стр. 110).

Предположим, что какой-то щелевой имеет и фарингальные, и нефарингальные аллофоны. Что могло бы объединять эти аллофоны? По условию нашей задачи, /h/ — единственный фарингальный, следовательно фарингальность не может быть тем признаком, который объединяет [h]с [x], [f] или [ʃ]. Единственный общий признак, присущий [h] и любому другому щелевому, — это спирантность. Но мы с самого начала оговорили, что в системе кроме фарингального есть, по крайней мере, еще два спиранта (допустим, /f/ и /x/). Поэтому, если предположить, например, что /x/ имеет аллофоны типа [x] и типа [h], то спирантность нельзя будет признать тем различительным признаком, который объединяет [x] и [h] в одну фонему: ведь /f/ — тоже спирант. Таким образом, [h] и [x] не имеют ни одного общего, присущего только им признака (у [x] нет фарингальности, а спирантность есть не только у [x] и [h]), и их нельзя назвать аллофонами одной фонемы. Предположить, что при наличии фонем /f/ и /x/ фонема /x/ имеет и задненёбные, и фарингальные аллофоны, — это то же самое, что признать существование аллофонов одной фонемы, отличающихся друг от друга на целый различительный признак.

Однако положение совершенно изменилось бы, если бы в системе было только два спиранта: фарингальный и еще какой-нибудь. Если в такой системе оба спиранта находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то их можно объединить в одну фонему: щелевость явится их различительным признаком. Случаи с двумя спирантами (как общее правило, фарингальный и /s/) хорошо известны (ср.: Григорьев, 1957; Клычков, 1959; Зиндер, 1960, стр. 52). Итак, заключаем: в системе, имеющей один фарингальный и хотя бы еще два щелевых, ни один щелевой не может располагать одновременно и ротовыми, и фарингальными аллофонами. Даже если фарингальный распределен с каким-нибудь спирантом комплементарно, все равно его следует считать само-

²⁴ Имеется в виду, что фарингальность — это фонологическая характеристика спиранта (о необходимости такого ограничения см. у П. С. Трубецкой, 1960, стр. 144—145).

стоятельной фонемой, находящейся с этим спирантом в отношении косвенно-фонологической оппозиции (ср.: Трубецкой, 1960, стр. 40—41).

В исландском существует целый ряд спирантов, в частности /h/, /s/, /t/, /p/, — следовательно, ни один из них не может иметь фарингальные, и нефарингальные аллофоны. Преаспирация же реализуется и в виде фарингального, и в виде ротового придыхания, так что все эти реализации не могут быть аллофонами одного исландского спиранта. В лучшем случае пришлось бы предположить, что в исландском есть фонемы /h/, /x/, /ç/, /t/, /p/ и что они-то и представлены в *urr*, *gutla*, *mætti* и т. д. Однако фонологов устраивает отождествлять преаспирацию именно с /h/. При таком отождествлении получается стройная и симметричная картина: /h/ оказывается либо перед гласным (ср. *hokur* /høgyr/ 'бедная жизнь'; курсивом выделена фонема, на которую падает вершина длительности), либо после гласного (ср. *okkur* /øhgyr/, дат. и фин. пад. от *við* 'мы').

Положение фарингального в системах германских языков таково, что с ним весьма просто проделывать всякие хитроумные манипуляции: объединять с последующим гласным или с последующим согласным в одну фонему, вписывать туда, где его фактически нет, и т. п. Корень всех этих манипуляций в неразработанности основ синтагматической фонологии. Достаточно вспомнить о многолетней дискуссии, которая ведется о фонологическом статусе английских долгих гласных. Как известно, группа американских дескриптивистов во главе с Дж. Л. Трейгером и Б. Блоком считает, что английские долгие бифонемны и что вторая часть этих гласных именно и есть /h/ (Trager, Bloch, 1941; Bloch, Trager, 1942; Trager, Smith, 1957, стр. 20—28; ср. еще: Castelo, 1964). Взгляды Дж. Л. Трейгера и Б. Блока вызвали поток контраргументов (ср., например: Haugen, Twaddell, 1942; Stetson, 1945, стр. 14—15; Vachek, 1949, 1962, 1963, 1964, стр. 80—81; O'Connor, 1951; Sledd, 1955; Kurath, 1957, 1958; Hall, 1964, стр. 97—98), но ни один из них не поколебал авторов бифонемной теории английских долгих. Если бы исландская преаспирация всегда была фарингальным придыханием, вопрос был бы несколько сложнее, но при том, что преаспирация реализуется в самых разных частях речевого канала (от фаринкса до губ), об отождествлении ее с каким-то одним спирантом из системы исландского консонантизма не может быть и речи.

Заключая обсуждение причин, по которым преаспирация не должна рассматриваться как согласный, остановимся на одном аргументе, который приводится сторонниками консонантной трактовки преаспирации. Говорят, что преаспирация функционально ведет себя подобно фонеме /h/ (ср.: Кошкин, 1961*, стр. 136), имея в виду сопоставимость преаспирации с другими спирантами и с /h/ в речевой цепи: ср. [hou:l] *hól* 'похвала' ~ [fou:l] *fól*

(пр. вр. от *fela* 'прятать') и [sgahd] *skatt* (ед. ч., вин. пад. от *skatt*, ир 'налог') ~ [sgafd] *skaft* 'рукоятка'. Однако подобные пары создают лишь видимую доказательство. Любой дифференциальный признак и любую просодему можно представить в транскрипции как линейную единицу, но такая транскрипция сама по себе есть уже результат определенной интерпретации. Например, можно записать английское *see* 'видеть' как /sii/ и сравнить его с *sit* /sit/ 'сидеть'. Но странно было бы говорить, что поскольку /sii/ противопоставляется /sit/ как сумма /s/ + /i/ + /i/ сумме /s/ + /i/ + /t/, то этим доказываемся бифонемность английских долгих. Мы знаем, что дело обстоит как раз наоборот: если считать [i:] в английском *see* равным /i/ + /i/, то можно сравнивать трехэлементное *see* с трехэлементным *sit*. Аналогично обстоит дело и с парой *skatt* ~ *skaft*. Если признать преаспирацию сегментным согласным, то она окажется противопоставленной /t/ и любому другому спиранту в этой позиции как одна фонема другой, а если рассматривать преаспирацию как различительный признак смычного или как толчок, то в *skatt* окажется четыре фонемы, а в *skaft* — пять и искомой позиции не обнаружится.

В общем неконсонантный характер исландской преаспирации довольно очевиден и с точки зрения фонетики, и с точки зрения фонологии. Гораздо сложнее решить вопрос, не является ли исландская преаспирация различительным признаком какой-нибудь фонемы. Как уже говорилось, Э. Хауген различает в исландской преаспирированные и непреаспирированные смычные. В принципе действительно ничто как будто не мешает рассматривать преаспирацию как различительный признак ряда согласных или ряда гласных фонем. Например, тюркологи считают придыхание в тувинских словах типа [a^ht] различительным признаком фонемы /a/ и соответственно делят гласные тувинского языка на фарингализованные и нефарингализованные. Если не замечать динамической природы исландской преаспирации, то вполне можно признать, что с фонологической точки зрения в исландском [a^hatt] (прич. II от *etja* 'подстрекать') стоит такой же спирантизированный гласный, как и в тувинском [a^ht] аът 'лошадь'.

Трудность заключается в том, что исландскую преаспирацию сопровождает систематизированный фонетический контекст. Если же какой-то звуковой элемент всегда встречается перед каким-то другим элементом или после какого-то другого элемента, то он, естественно, может рассматриваться как признак этого другого элемента. Например, английское густое придыхание может употребляться только перед гласными (ср. *hit* 'ударить', *it* 'это'; *high* 'высокий', I 'я' и т. д.); поэтому логически не исключена возможность говорить об английских придыхательных гласных: /^hi/, /^hai/ и т. п. и о непридыхательных гласных: /i/, /ai/ и т. п. Правда, придыхательные гласные при таком анализе оказались бы дистрибутивно ограниченными началом

слова, но общая фонология располагает десятками примеров подобного ограничения. Для исландского важны случаи факультативной преаспирации перед /s/. Эти случаи как-то разбивают жесткую регламентированность контекста, но их слишком мало, чтобы на них можно было опираться в построении какой бы то ни было теории. В целом надо сказать, что, имея лишь транскрипции типа [a'd], мы не можем ни доказать, ни опровергнуть предположение, будто преаспирация — это различительный признак /a/ или /d/. Можно лишь установить на основании каких-то фактов, что преаспирация — это нечто иное, например толчок, и тогда первоначальное предположение о различительном признаке отпадает само собой. Именно так мы и поступили. Преаспирация не является различительным признаком гласных или согласных исландского языка не потому, что подобная трактовка недопустима (теоретически она вполне допустима), а лишь потому, что по ряду соображений преаспирацию следует признать слоговым акцентом.

В заключение сказанного необходимо сделать некоторые методологические замечания.

1. При анализе того, является ли какой-то элемент фонемой или различительным признаком, весьма полезным может оказаться исследование сандхиальных позиций. Различительный признак такого типа, как аспирация, назализация, глоттализация, т. е. признак, реализованный в виде вторичной фонетической характеристики, не возникает непосредственно в речевой цепи. Возникновение анализируемого элемента в сандхи сводит его роль к выполнению одних лишь пограничных функций и свидетельствует против признания его различительным признаком фонемы. Так, например, то обстоятельство, что назализация у гласного отмечена в равной мере и в цепочке *Jóns* (род. пад. от *Jón* 'Йоун'), и в цепочке *Jón sá* 'Йоун увидел', доказывает невозможность рассматривать назализацию в исландском в качестве различительного признака какой бы то ни было фонемы (гласной или согласной) и заставляет анализировать ее как-то по-иному (в исландском, в частности, как сегментное /n/). Если бы, анализируя сандхи, мы могли убедиться, что исландская преаспирация не есть различительный признак (все равно, гласных или согласных), то, зная, что она не является сегментной фонемой, мы оказались бы почти что вынужденными перенести ее рассмотрение на супraseгментный уровень. Однако нужный нам сандхиальный анализ исландской преаспирации невозможен, поскольку преаспирация, как показано выше, предшествует лишь согласному, на который приходится вершина длительности, а такой согласный не может стоять в начале исландского слова. Ср. сочетание типа *drap niður* (пр. вр. от *drera niður* 'убить'): в нем группе *-pn/bn/-* предшествует гласный с долготной вершиной, отчего /b/ остается кратким и не получает преаспира-

ции; а если бы гласный был краток, то слово само бы имело преаспирацию, как в *gekk þiður* (пр. вр. от *ganga þiður* 'спуститься'). Ср. также сказанное выше (стр. 46) о сочетании типа *hvíta plötu*.

2. При анализе преаспирации следует избегать легких доводов наивно-структурального характера. Например, известно, что исландская преаспирация находится в отношении дополнительной дистрибуции с постаспирацией. Можно было бы сказать, что, поскольку постаспирация — это различительный признак шумных согласных, преаспирация также является их различительным признаком. Такой вывод был бы ошибочен. Если два звуковых элемента находятся на одном уровне и распределены комплементарно, то в большинстве случаев они являются реализациями одной и той же языковой единицы, но из факта дополнительной дистрибуции не следует вывод об их родстве на фонологическом уровне. Преаспирацию можно сравнивать с постаспирацией только в случае, если установлена ее принадлежность к уровню дифференциальных признаков, а это как раз то, что и требуется доказать. Другое рассуждение подобного рода могло бы быть связано с просодическим толкованием преаспирации. Если признать, что преаспирация — это толчок, то получится максимально «экономное» описание исландской звуковой системы. Если считать преаспирацию различительным признаком согласных (и особенно гласных), то описание получится гораздо менее «экономным». Однако соображения удобства и экономии никак не могут повлиять на наши выводы, и если бы по чему-либо оказалось, что исландская преаспирация — это различительный признак гласных (самое громоздкое решение), то в общей схеме исландского вокализма мы удвоили бы количество фонем, пожертвовав чисто прагматической стороной компактного описания.

Таковы фонологические проблемы, возникающие в связи с описанием исландской преаспирации как той или иной лингвистической единицы. Теперь нам остается последнее: зная, что преаспирация — это слоговой акцент, определить ее нагрузку и функции в общей системе фонологических средств исландского языка. С акцентологической точки зрения преаспирация так же противопоставлена отсутствию преаспирации, как датский толчок — отсутствию толчка и как шведский и норвежский акц. I — акценту II. С. Д. Кацнельсон считает, что в оппозиции акц. I — акц. II маркирован акц. II (Кацнельсон, 1966, стр. 38), а в оппозиции толчок ~ отсутствие толчка маркирован толчок (там же, стр. 121). Сами эти оппозиции он считает привативными. Соображения С. Д. Кацнельсона о выборе маркированного члена таковы: акц. I шведы и норвежцы идентифицируют с обычным произношением иностранных слов, не имеющих никакого слогового акцента; что же касается толчка, то он маркирован именно потому, что противопоставлен отсутствию толчка. Очевидно, что

ти соображения основаны больше на здоровом смысле, чем на тщательном фонологическом анализе. Так, известно, что выделение различительного признака и маркированного члена в фонематике предполагает использование ряда процедур: сюда относится анализ позиции парадигматической нейтрализации, использование некоторых статистических данных и т. п. Но опыт свидетельствует о том, что определение типа оппозиции (привативная или эквивалентная?), дифференциального признака фонемы и маркированного члена относится к сложнейшим фонологическим задачам, несмотря на разработанную методику анализа. Что же касается просодических оппозиций и различительных признаков просодем, то обычные способы определения маркированности для них не подходят. Так, например, понятие нейтрализации, туманное и в фонематике, еще менее определено в просодике и совершенно сливается с понятием ограниченной дистрибуции. С. Д. Кацнельсон отмечает, что в шведском и норвежском акцентное противопоставление нейтрализовано как в словах, состоящих из одного слога, так и в сложных словах с прозрачной внутренней структурой (там же, стр. 31). Однако в простых односложных словах оппозиция нейтрализуется в пользу акц. I, а в сложных — в пользу акц. II, т. е. происходит процесс немислимый в фонематике и прямо противоположный самой идее нейтрализации привативной оппозиции: по определению парадигматической нейтрализации мы находим в позиции неразличения только немаркированный член привативной оппозиции и благодаря этому получаем возможность выделить различительный признак. Что же касается оппозиции, одним из членов которой является толчок, то здесь маркированность толчка доказывается, как говорилось, лишь весьма общими соображениями: толчок представляет собой «ничто», а его отсутствие есть, по сути дела, нуль. Буквально то же самое говорил уже сто лет тому назад Г. Суит (Sweet, 1913, стр. 347; впервые: 1873—1874), сравнивая шведско-норвежские «тоны» и датский толчок.

Э. Хауген, исследовавший недавно общую схему норвежских просодических отношений, тоже считал, что акц. II маркирован, а акц. I не маркирован (по его формулировке, акц. I можно приравнять к ударению, а акц. II считать ударением плюс тон). Его доводы совсем иные, чем у С. Д. Кацнельсона, но и они не вполне убеждают, так как тоже основаны главным образом на здоровом смысле. Э. Хауген доказывает маркированность акц. II тем, что акц. II более ограничен дистрибутивно, чем акц. I, так как не встречается в односложных словах; что фонетически акц. II сложнее, чем акц. I, и может быть лучше всего описан как видоизменение тонической кривой акц. I; что акц. II не допускается в ряде немецких и романских по происхождению слов, в которых ударение передано как акц. I (Haugen, 1967, стр. 189). Последний довод Э. Хаугена несколько напоминает рассужде-

ние С. Д. Кацнельсона о том, как воспринимаются иностранные слова шведами и норвежцами. Второй весьма сомнителен, так как оба слоговых акцента могут быть динамически описаны прежде всего через соотношение фокуса их тонической кривой с точкой иктуса, что следует из ряда работ самого Э. Хаугена (см.: Кацнельсон, 1966, стр. 27). Первый же довод есть механическое следствие закона Ципфа—Трубецкого, и его содержательная ценность невелика.

Было бы, видимо, правильнее сказать, что понятия привативности и эквивалентности не распространяются на просодику или во всяком случае значат в ней совсем не то, что в фонематике.

Необходимо также объяснить, почему мы считаем преаспирацию релевантным элементом исландской звуковой системы. Существуют пары типа *ekkja* 'вдова', *eggja* 'точить', *larra* 'латать', *labba* 'медленно идти' и т. д. В соответствии со всеми описаниями исландской фонетики, никакой разницы между согласными, обозначаемыми в орфографии через интервокальные *kk* и *gg*, *pp* и *bb*, *tt* и *dd*, не обнаруживается: и те, и другие являются слабыми непридыхательными шумными, так что единственное, что отличает на слух *ekkja* и *larra* от *eggja* и *labba* — это наличие в них преаспирации. Наше заключение о релевантности преаспирации основывается, следовательно, на фонетическом описании исландских шумных. Без такого описания нельзя пойти дальше того, что *larra* и *labba* отличаются по какому-то признаку, суть которого неустановима.

Характерный пример фонологического анализа скандинавской просодики, построенного не на фонетическом описании, — работа Л. Ельмслева о датском толчке (Hjelmslev, 1948—1950). Л. Ельмслев, проводивший во всех областях глоссематическую точку зрения, фактически считал, что экспериментальное исследование такого типа, как сделал С. Смит (Smith, 1944), совершенно не нужно и что различие между датскими *mand* [man'] 'человек' (апострофом обозначен толчок) и *man* [man] (безл. мест. 3-го л.) надо устанавливать исходя не из фонетических соображений (как бы остроумны они ни были), а из требований системы, экономии описания и т. д. В конечном итоге Л. Ельмслев пришел к выводу, что в фонологическое описание датского языка не надо вводить толчок как особый элемент, так как проще, следуя за орфографией, транскрибировать *mand* в виде /mand/, а *man* — как /man/. Отсюда, конечно, не следует, что Л. Ельмслев произносил [mand] вместо [man'], но отсюда безусловно следует, что главным для него было обозначить различие, а не определить его суть. Интересно, что даже сторонники Л. Ельмслева в анализе датского толчка приходили к совсем иным результатам. Можно не сомневаться, что спор о том, чем именно является исландская преаспирация, показался бы Л. Ельмслеву по меньшей мере беспредметным.

Существенно определить, велика ли функциональная нагрузка преаспирации. Этот вопрос тесно связан с проблемой функциональной нагрузки скандинавских слоговых акцентов в целом. В истории фонологического исследования слоговых акцентов в скандинавских языках можно выделить несколько этапов и направлений. Вначале (в XVIII в.), когда эти акценты были только замечены, исследователи привели ряд минимальных пар и стояли на стихийно-фонологической точке зрения: они видели, что наличие или отсутствие акцентов (просодическая природа которых, естественно, не осознавалась) влияет на смысл (ср.: Кацнельсон, 1966, стр. 13, 116). С возникновением современной фонологии акценты были описаны как элементы системы и как члены определенных оппозиций. Характер оппозиций представлялся разным ученым по-разному. Так, шведско-норвежские акценты принимались (а многими и до сих пор принимаются) за топы; датский толчок был однажды принят за фонему. Однако несмотря на разногласия, все сходилось на важности фонологического подхода к скандинавским акцентам.

Но сознательно-фонологический анализ (в отличие от стихийного) привел в последнее время к несколько неожиданным и в какой-то мере даже парадоксальным выводам: стали утверждать, что скандинавские акценты почти не несут функциональной нагрузки. Так, например, шведско-норвежские акценты противопоставляются в довольно узкой лексико-морфологической сфере, а именно в двусложных и многосложных словах и формах слов, но даже и в этой сфере почти никогда не бывают релевантным средством смысловоразличения. Так, в шведских 'tanken 'бак' (опр. ф. от tank) и 'tanken 'мысль' (опр. ф. от tanke) акценты зависят от места морфологического шва: tank-en vs. tanke-n — и фонологически избыточны, ибо несут лишь делимитативную службу (там же, стр. 33). Но и эта делимитативная функция в значительной мере эпизодична. Наконец, такие формы, как норвежские landet /'lane/ 'земля' и lande /'lane/ 'высаживаться па берег', достаточно разграничены уже тем, что принадлежат к разным частям речи (там же, стр. 33—35).

Сходные высказывания находим мы и о толчке. Здесь нет надобности воспроизводить аргументы датских фонологов, так как они совпадают с доводами, доказывающими почти полное отсутствие функциональной нагрузки акцентов в северноскандинавских языках. С. Д. Кацнельсон, разделяющий указанную точку зрения, цитирует О. Хансена (Hansen, 1943, стр. 12), говорившего, что толчок не может считаться абсолютно необходимым условием для понимания датской речи, и добавляет, что толчок не является самостоятельным средством смысловоразличения, а выполняет лишь подсобную роль в системе звуковых средств языка (Кацнельсон, 1966, стр. 119—120). Исследуя фонологическую нагрузку исландской преаспирации, мы не можем не учитывать соображений,

высказанных в связи с анализом шведско-норвежских и датских слоговых акцентов.

Прежде всего очевидно, что исландская преаспирация располагается несколько большими фонологическими возможностями, чем датский толчок, поскольку ее употребление не зависит от количества слогов в слове. Но, как и толчок, преаспирация зависит от определенного фонологического базиса (преаспирация — это кратковокалический толчок, предшествующий — по крайней мере в исландском — шумному согласному), хотя, конечно, сравнивая *eggja* 'точить' и *ekkjá* 'вдова', мы замечаем, что их противопоставление поддерживается факторами, гораздо более существенными, чем отсутствие или наличие у них преаспирации: данные слова принадлежат к разным частям речи и совершенно различным семантическим сферам. Аналогично и смешение *rudd* (косв. пад. от *ruddi* 'грубиян') с *rutta* (*rutta til* 'наскоро прибрать') исключено по лексико-грамматическим причинам. Даже если члены минимальных пар принадлежат к одной части речи как *lappa* 'латать' ~ *labba* 'медленно идти', *rakna* 'расходиться (о швах)' ~ *ragna* 'ругать', и противопоставление преаспирированных форм непреаспирированным проходит через всю парадигму, различение таких слов основано, конечно, в гораздо большей степени на пересечении семантических контекстов, в которых они употребляются, чем на наличии или отсутствии преаспирации. И все же было бы ошибкой считать все сказанное выше аргументом против признания преаспирации фонологическим средством исландского языка. Об исландском противопоставлении типа *labba* ~ *lappa* и даже *rudda* ~ *rutta*, *eggja* ~ *ekkjá* можно сказать то же, что о русском *дом* ~ *том*, английском *Pete* 'Петя' ~ *pit* 'яма', французском *paie* /pɛ/ 'плата' ~ *rain* /rɛ̃/ 'хлеб', шведском 'axel' 'плечо' ~ 'axel' 'ось': все эти слова не смешались бы в речи и в том случае, если бы исчезли из языка поддерживающие их различение характеристики (участие голоса, тип слогового примыкания, участие носового резонатора, слоговые акценты). Как хорошо известно, любой язык высокоизбыточен, и существование омонимов не представлял никакой угрозы для коммуникации.

Без каких-то фонематических противопоставлений язык может обойтись так же, как и без просодических, что следует из истории всех языков. Под фонологическим средством языка надо понимать любую независимую от других звуковую характеристику, способную ассоциироваться со смыслом. Но кроме релевантности следует еще различать функциональную нагрузку. Исландская преаспирация, несомненно, релевантна. Функциональная нагрузка не высока, как вообще сравнительно не высока нагрузка большинства слоговых акцентов в современных германских языках.

ПРИДЫХАТЕЛЬНЫЕ И КРАТКОВОКАЛИЧЕСКИЕ ТОЛЧКИ
В ДРУГИХ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 3. Преаспирация в фарерском языке

До недавнего времени о фарерской преаспирации было известно чрезвычайно мало. Лишь в 1963 г. появилось первое обстоятельное описание этого явления в статье немецкого фонетиста О. Вернера (Wegner, 1963). О. Вернер дает и краткую историю вопроса, насчитывающую несколько имен, и свое истолкование фарерских фактов.

У. Б. Локвуд и П. Наарт, писавшие о фарерском до О. Вернера, отмечали, что преаспирация в этом языке очень слаба, причем У. Б. Локвуд, упомянув о преаспирации (Lockwood, 1955, стр. 80), в дальнейшем нигде не отмечает ее в своих транскрипциях. Преаспирированный согласный, по У. Б. Локвуду, долг. По П. Наарту (Naert, 1958, стр. 30), преаспирированная гемината утрачивает свою длительность (хотя может сохранять напряженность), а сама преаспирация намного короче, чем в исландском. П. Наарт соглашается с У. Б. Локвудом в том, что иногда преаспирации не слышно вовсе, и добавляет, что в таких случаях вместо преаспирации на слух воспринимается лишь некая вялость в смычном, которую он характеризует как плавное примыкание.

Транскрибируя фарерские слова, О. Вернер обозначает преаспирацию через [h] и говорит, что она реализуется в виде толчкообразного глухого *Nauch*'a; однако он специально замечает, что в районе *Suðuroy* вместо *Nauch*'a слышится довольно ясный палатальный спирант [ç], т. е. [ç] (Wegner, 1963, стр. 83).

Преаспирация встречается в фарерских словах прежде всего перед смычными и аффрикатами, которые обозначаются в орфографии через *pp*, *tt*, *kk*, *kkj*. Она не зависит от количества слогов в слове и допускается как в середине слова, так и в конце: ср. *ketta* [cɛ^ht:a, cɛ^hd:a] 'кошка' (значок [c] обозначает в записях О. Вернера аффрикату), *drekka* [drɛ^hk:a, drɛ^hg:a] 'пить', *slökkja* [slœ^hc:a, slœ^hfa] 'гасить', *kroppur* [k^hrœ^hb:œr, k^hrœ^hboŋ] 'тело' (им. пад.), [k^hrœ^hp^(h), k^hrœ^hb^(h)] 'тело' (вин. пад.). Из приведенных транскрипций как будто следует, что преаспирированные

смычные сохраняют долготу лишь в середине слова, хотя специально О. Вернер нигде не обсуждает этот вопрос. То, что к каждому слову даны две транскрипции, объясняется особенностями распространения фарерских диалектов: формы тина [dre^hk:a] отражают фарерское хардмайли (север), формы тина [dre^hg:a] — фарерское линмайли (юг). Однако в Исландии преаспирированные геминаты везде слабые (dre^hkká 'нить' звучит как [dre^hg:a] во всей Исландии независимо от того, как произносится dreka (ед. ч., косв. над. от dreki 'дракон'): [dre:ka] или [dre:ga]), а в фарерском как геминаты, так и простые смычные одинаково могут отражать разделение согласных на сильные (придыхательные) и слабые (непридыхательные).

Между фарерской и исландской преаспирацией есть еще одно существенное различие. В фарерском преаспирация встречается не только на кратковокалических, но и на долговокалических корнях, а именно между дифтонгом и согласным, обозначаемым в орфографии через p, t, k, kj, s: ср. gópa [gæw^(h)pa, gœw^(h)ha] 'звать', greytur [gre^(h)tør, gre^(h)dor] 'круна', mjúkur [mjūu^hkør, mjūngør] 'мягкий', (eg) reist [rœi^hsdi, ra^(h)sde] '(я) поднял' (знак [s] обозначает ретрофлексное [s], курсив — глухость). Заслуживает внимания и то, что преаспирация встречается перед /s/; нигде, кроме как на Фарерах, преаспирированное /s/ не является нормой (в исландском, как мы видели, факультативная преаспирация перед /s/ отмечена лишь в нескольких словах). Как ни существенно наличие долговокалической преаспирации, все же в фарерском она не обязательна; О. Вернер говорит, что после долгого преаспирация выражена слабо, часто выполняет функцию эмпазы и встречается в особо выразительном произношении (Werner, 1963, стр. 82). Факт эмпатического использования преаспирации показателен: употребление того или иного слогового акцента в эмпазе знаменует уменьшение его фонологической нагрузки (ср.: Кацнельсон, 1966, стр. 113). Кроме того, характерно, что преаспирация ослаблена именно на долговокалических корнях. По всей видимости, в фарерском, равно как и в исландском языке, преаспирация воспринимается как показатель корней вида [VC:]; на слогах же вида [V:C] она ощущается как излишняя и потому теряет фонетическую четкость и перестает употребляться в нейтральном стиле.

Преаспирация в фарерском допускается также перед сочетанием двух шумных согласных, причем не только перед группой смычный + сонант, но даже перед сочетанием /kt/: ср. sokt [sœ^hkt^(h) sœ^hgd^(h)], сунии от sœkja 'искать' (Werner, 1963, стр. 82).

О фонологической нагрузке фарерской преаспирации существует два мнения. Первое было высказано М. Бьеррум (Bjergum, 1949, стр. 238—239), которая писала, что преаспирация (по ее терминологии — просто аспирация) встречается в фарерском языке в трех случаях, а именно: 1) между кратким гласным и геминатом

той, 2) между *l, m, n, ng, r* (глухими) и глухим согласным и 3) между дифтонгами и глухими согласными, и поэтому не может выполнять никакой смысловозначительной функции. Но М. Бьеррум, преаспирация в фарерском является всего лишь нюансом произношения, определяется контекстом и принадлежит исключительно узусу, а не модели языка. Впоследствии в поддержку этой точки зрения выступил П. Скорун (Скорун, 1959, стр. 163).

Следует пояснить, что, говоря о преаспирации смычных после глухих коррелятов сонантов, М. Бьеррум и П. Скорун приравнивают $/l m/$ и т. д. к $/l^h m^h/$ и т. д. При таком анализе группа $/l^h/$, например, записывается в виде $/l^ht/$ (в транскрипции самой М. Бьеррум, которая следует за фарерскими фонетистами, — в виде $/l^ht/$), а конечный смычный оказывается преаспирированным. С аналогичным анализом мы уже встречались и на исландском материале и доказывали, что глухой отступ $/l m n/$ и т. д. — это не преаспирация, а физический субстрат дифференциального признака фонем $/l m n/$ (стр. 54—55). Отметим еще раз, что транскрипции типа тех, которые предложены для исландского Г. Вагнером, а для фарерского М. Бьеррум, это отнюдь не просто остроумный транскрипционный трюк. Возможность подобных транскрипций существует всегда и задана нечеткостью той грани, которая отделяет фонему от ее признаков. Читая фонологические работы, мы бесчисленное количество раз сталкиваемся с попытками исследователей либо расписать определенные различительные признаки фонемы в строчку, либо, наоборот, представить какую-то фонему в виде составной части (т. е. дифференциального элемента) другой фонемы. Спор всегда идет вокруг главного вопроса синтагматической фонологии: одна фонема или две?

Акустическая близость глухого отступа фонем $/l m n/$ и т. д. и какого угодно придыхания едва ли может быть оспорена. В частности, О. Вернер сообщает о фарерских глухих коррелятах сонорных, что они уже не сонанты в прямом смысле этого слова, так как из слабых согласных превратились в сильные; в процессе их артикуляции поток воздуха проходит через нос сильным толчкообразным движением, и этот краткий сильный толчок фонетически родственен лишь $[h]$ (Werner, 1963, стр. 84—85). И все же О. Вернеру представляется ошибочной интерпретация М. Бьеррум. Он совершенно прав, говоря, что для М. Бьеррум и П. Скоруна нет принципиальной разницы между пучком элементов, представленных одновременно и развернутых во времени (Werner, 1964, стр. 513). Вся трудность в том и состоит, что, даже различая в теории одновременное и развернутое во времени, мы почти лишены сколько-нибудь надежных приемов их различения, и если кто-то будет утверждать, что исландское $/f/$ — это фонологически $/hv/$ или $/vh/$, то это мнение почти невозможно опровергнуть, каким бы абсурдным и антифонетичным оно на первый взгляд ни казалось.

Что касается фарерских десоноризованных сонантов, то к ним применимо все сказанное выше об исландских /l̥ m̥ n̥ ŋ/. Кроме того, фарерский материал допускает проверку сандхиальным тестом. Мы говорили, что звуковой элемент, встречающийся и в сандхи, и внутри слова, это не различительный признак фонем, а чаще всего самостоятельная фонема (стр. 65). Например, в исландском фонемы /l/ и /l̥/ закреплены за определенными словами этимологически (/l/ — перед старыми звонкими, /l̥/ — перед старыми глухими): ср. skálda /-l-/ 'ошпаривать', salta /-l̥-/ 'солить'. В сандхи такого распределения, видимо, нет и skal, насколько я могу судить, произносится с одинаковым конечным сонантом и перед tala 'говорить', и перед dala 'уменьшаться'. В группах skal tala и skal dala /l/ реализуется одинаково (ср. salta и skálda), но, поскольку конечные исландские согласные все оглушены, сравнивать произношение skal перед tala и перед dala трудно. Все же поведение исландских сонантов в сандхи как будто свидетельствует о том, что глухой отступ носовых и плавных не возникает на стыке и поэтому теоретически может рассматриваться как различительный признак определенного ряда фонем. Но исландские фонетисты никогда не описывали реализацию исландских сонантов в сандхи, поэтому мы не сочли возможным пользоваться сандхиальным тестом при описании исландских /l̥ m̥ n̥ ŋ/. О фарерском же есть точные сведения: У. Б. Локвуд регулярно снабжает знаком оглушения сонорные перед /p t k/ внутри слова и никогда не отмечает глухости в сандхи: ср. lurta [lur̥ta] 'слушать', но Hann fór til sjós [haŋ̥ fœur tɪ] 'џæс:] 'он поехал на море' (Lockwood, 1955, стр. 20, 25; транскрипции нормализованы).

В фарерском, так же как в исландском, следует, на наш взгляд, усматривать фонемы, являющиеся глухими коррелятами сонантов. Но так же, как об исландском, о современном фарерском надо сказать, что отсутствие прямой фонологической связи между десоноризованными сонантами и аспирированными гласными (т. е. гласными, стоящими перед преаспирированными согласными) не означает, что отсутствует и историческая связь между преаспирацией шумных и оглушением сонорных. Только характер этой связи (если ее удастся обнаружить) должен послужить предметом диахронического исследования; здесь же будет уместно привести лишь одно высказывание О. Вернера по этому поводу. О. Вернер заметил, что поведение гласных перед оглушенными и звонкими сонантами аналогично их поведению перед преаспирированными и неаспирированными шумными: оглушенным сонантам предшествует резко акцентуированный гласный, а звонким сонантам — плавный гласный. По мнению О. Вернера (Wegner, 1963, стр. 94), старые различия между глухими и звонкими шумными смычными трансформировались в различия между видами акцентов («фонетически, если не фонематически»).

чески» — добавляет он). Не будем сейчас вдаваться в механизм диахронических процессов (они не рассмотрены и у О. Вернера), но отметим, что на скандинавском материале связь слоговой акцентуации с глухостью—звонкостью носовых и плавных отмечена О. Вернером впервые.

Теперь мы можем обратиться к основному выводу М. Бьеррум — к ее тезису об иррелевантности преаспирации в фарерском, имея в виду, что из трех перечисленных ею позиций для преаспирации (между кратким гласным и геминатой, между *l*, *m*, *n*, *ng*, *r* и глухим согласным, между дифтонгами и глухими согласными) нас теперь интересуют уже только две: первая и третья. Надо сразу заметить, что тезис М. Бьеррум был встречен фонологами, интересовавшимися данным предметом, неодобрительно.

Вскоре после появления статьи М. Бьеррум с развернутой критикой методологических основ ее работы выступил Ч. Хоккет (Hockett, 1952, стр. 92—93). Ч. Хоккет не знал фарерского языка, и верность того или иного решения применительно именно к фарерскому материалу не интересовала его. Но ему была совершенно ясна слабость аргументации М. Бьеррум. М. Бьеррум считала, что преаспирация в фарерском иррелевантна потому, что задана определенными контекстуальными условиями. Но, как всегда бывает в подобных случаях, исследователь может предположить, что иррелевантны сами условия, а вовсе не элементы, объявленные избыточными. Ч. Хоккет приводит характерный пример. Предположим, что у нас есть слова [paːt], [past] и [paːt] (первое с долготой, третье с преаспирацией). Легко сделать вывод, что преаспирация здесь избыточна, поскольку она встречается только между кратким гласным и одиночным согласным; в таком случае мы получим фонологические транскрипции /pa:t/, /pa:st/, /pa:t/. Но можно объявить избыточной долготу, и тогда преаспирация окажется релевантной: ср. /pat/, /past/, /paht/. Истинное положение вещей в фарерском много сложнее, чем в примере Ч. Хоккета, но пример этот хорошо иллюстрирует суть тех трудностей, которые возникают при анализе преаспирации в любом языке.

Более подробной критике, уже на основании фарерских данных, точка зрения М. Бьеррум подверглась в статье О. Вернера. О. Вернер сообщает, что на юге Фарерских островов слова типа *gættur* 'правильный' и *gæddur* 'испуганный' отличаются тем, что в первом из них гемината преаспирирована, а во втором — нет; сами же геминаты в обоих случаях слабые (т. е. такие же, как в исландском). Правда, О. Вернер не приводит контрастных пар для севера и даже для юга знак долготы после старой глухой геминаты помещает в скобки (*gættur* [ra^ht:ωr, ra^ht(:)ir]), тем не менее он считает мнение М. Бьеррум ошибочным и признает фарерскую преаспирацию релевантной (Werner, 1963, стр. 87—88). В общем, О. Вернер, видимо, прав, хотя он, как мне кажется, и не понял сути возражений Ч. Хоккета; однако, соглашаясь

с О. Вернером, следует все же подчеркнуть, что релевантность фарерской преаспирации весьма ограничена и сильно разрушается за счет большой вариативности в произношении гласных и качественных различий между краткими и долгими гласными. Ср., например, произношение слова *gætur* (из *geva gætur* 'обращать внимание'): на севере [gɛaðɔur, gɛatir, gæ:ətɔr], на юге [gɛatɔr, gɛaðir, gɛdɔr], а также напу *læt* [lɛa:t] 'разрешаю', *lætt* [la^ht(:)] (ср. р. от *lættur* 'легкий').

Хотя О. Вернер признает релевантность фарерской преаспирации, он не считает ее ни слоговым акцентом, ни различительным признаком какой бы то ни было фонемы. По его мнению, преаспирация принадлежит сегментному уровню фарерской звуковой системы и, насколько можно судить по его транскрипциям, полностью отождествляется им с фонемой /h/. Доводы О. Вернера в пользу данного решения таковы: 1) если признать, что преаспирированная гемината представляет собой сумму двух фонем (/h/ и смычного), то получится экономное описание всей системы фарерских согласных (меньше фонем, меньше правил); 2) до тех пор, пока фарерские смычные различались по глухости—звонкости, преаспирация была иррелевантной и основной фонематический контраст заключался именно в наличии и отсутствии голоса у смычных; теперь преаспирированные смычные совпали и фонологическая транскрипция должна изображать их одинаково, выделяя нагрузку преаспирации; 3) если записывать преаспирацию в виде отдельной фонемы, то более четко проясняется разница между простыми согласными и геминатами (Werner, 1963, стр. 104—105).

Легко видеть, что вопрос о роли преаспирации у О. Вернера сильно упрощен. Его замечания об экономности описания неубедительны. М. Бьеррум считала фарерскую преаспирацию иррелевантной и не включила ее в число фонологических средств фарерского языка. Такое описание, несомненно, самое экономное из всех возможных, однако О. Вернер нашел его неприемлемым.

Именно О. Вернер первым подчеркнул различие в акцентной трактовке преаспирированных и непреаспирированных слогов, связав преаспирацию с резким акцентом. Но он не сделал из собственных наблюдений никаких акцентологических выводов. А вместе с тем родство исландской и фарерской преаспирации (родство, о котором не раз говорит и О. Вернер) заставляет усматривать и в фарерской преаспирации одну из реализаций резкого акцента. Фарерская преаспирация так же, как исландская, варьирует по силе и иногда не слышна совсем; она реализуется в виде [h] и [ç]; гласный перед ней резко оборван; на долгих гласных она факультативна и зависит от стиля речи; она возможна лишь в тяжелом слого. Но фарерская преаспирация вы полняет гораздо меньшую фонологическую нагрузку, чем исландская, и потому с большим трудом воспринимается как просодема.

Кроме преаспирации и ее отсутствия, никаких других следов слоговой акцентуации в фарерском, видимо, нет, и все попытки обнаружить в этом языке «тоны» не дали желаемого результата (ср. особенно: Selmer, 1924; Э. В. Сельмер не обнаружил тонов в фарерском, хотя М. Хэгста их как будто слышал: Pægstad, 1917, стр. 68—71; М. Клостер Енсен поддержал выводы Э. В. Сельмера: Kloster Jensen, 1961, стр. 179). Не останавливаясь подробно на истории вопроса (поскольку результаты негативны), я хотел бы лишь обратить внимание на одно рассуждение А. Б. Ларсена. А. Б. Ларсен утверждал (Larsen, 1909, стр. 79—83), что фарерский имеет тоновые контрасты, напоминающие норвежские, и рассказывал, что один молодой человек из Ставангера за полгода пребывания на Фарерах так овладел фарерским, что его произношение невозможно было отличить от произношения местных жителей. С точки зрения А. Б. Ларсена, этот факт говорит о доступности правил фарерской фонетики для норвежца. Но следует, видимо, подчеркивать сходство фарерской фонетики не с фонетикой норвежского языка в целом, а со звуковыми чертами именно ставангерского диалекта. Как мы увидим, А. Б. Ларсен не заметил еренических преаспираций. Мы же сейчас располагаем подробными сведениями о преаспирированных смычных в ставангерском диалекте, и легкость, с которой житель Ставангера овладел фарерским произношением, свидетельствует, скорее всего, не о близости фарерской фонологической системы к системе литературного норвежского, а о том, что речь каких-то жителей Западной Норвегии напоминает фарерскую.

§ 4. Преаспирация в шведском языке

Преаспирация на территории распространения шведского языка изучена довольно подробно. Первым, кто описал шведскую преаспирацию, был Ю. А. Люнделль (Lundell, 1879, стр. 86). Он же придумал для нее транскрипционный значок [ɔ̥] и отождествил преаспирацию с глухим гласным. Термин глухой гласный до сих пор употребляется некоторыми фонетистами при описании преаспирации, о чем мы подробно говорили в разделе, посвященном исландскому языку (стр. 40—41). Что же касается значка [ɔ̥], то в современной скандинавистике он не употребителен, но финно-угроведы всегда обозначают саамские «глухие гласные» (т. е. ту же преаспирацию) именно через [ɔ̥].

Глухой гласный, по Ю. А. Люнделлю, встречается только после соответствующего ударного звонкого гласного и похож, как он говорит, скорее на [h], чем на [x]. Свои примеры Ю. А. Люнделль заимствует из Херьедаленского диалекта северной Швеции, главным образом из Линселльского говора (Härjedalen, Linsäll). Большинство перечисленных им слов имеет преаспирацию между кратким гласным и глухой геминатой, однако в тран-

скрипции Ю. А. Лjunделля отмечает долгою преаспирированную смычных не для всех говоров. Он не делает различия между преаспирацией смычного и глухим отступом сонанта: в его записях глухой гласный имеется и в форме, соответствующей литературному *tänka* 'думать', и в форме, соответствующей литературному *bäck* 'ручей' (у Ю. А. Лjunделля [tæ:ŋkə], [bæ.ɛk]; транскрипция несколько нормализована). Преаспирация зарегистрирована Ю. А. Лjunделлем и перед группой /tn/, например в линсельских соответствиях литературным формам с постположительным артиклем: *hatten* 'шляпа', *bäcken* 'ручей', а также в словах с корневым /n/: *botten* 'дно', *vatten* 'вода'. Один пример фиксирует глухой гласный перед альвеолярными (в слове *kort* 'короткий'). В некоторых говорах Ю. А. Лjunделль отмечал наличие преаспирации еще и перед аффрикатой, обозначенной им через *tj*.

Из явлений, родственных глухим гласным, Ю. А. Лjunделль с некоторым сомнением называет придыхание конечных согласных, отмеченное в говоре о. Мёркё (Mörkö), и замену /k/ перед /t/ на спирант в словах типа *akt* 'внимание', *slakt* 'убой скота', известную в некоторых шведских говорах Эстонии (Rägö, Wichter).

Ниже мы увидим, что описание Ю. А. Лjunделля оказалось необычайно точным. Замечательно и то, что современные диалектологи не обнаружили почти никаких новых зон распространения шведской преаспирации, которые были бы неизвестны Ю. А. Лjunделлю (ср.: Hesselman, 1905, стр. 10—11; Geijer, 1912—1924, стр. 312; Dahlstedt, 1958, стр. 28—29; Posti, 1953—1954, стр. 204).

Впоследствии Ю. А. Лjunделль повторил свои выводы в книге «Основы практической фонетики» (Lundell, 1910, стр. 39, 52), однако его формулировки несколько изменились. Звук, предшествующий смычному в херьедаленском *gått* (супин от *gå* 'идти'), он уже рассматривал как [x] (т. е. звук типа немецкого *Ach-Laut*'a). Он говорил, что только если проход между спинкой языка и нёбом очень широк, этот звук напоминает шведское [h] и может сливаться с глухим гласным. В качестве примера глухого гласного Ю. А. Лjunделль приводит предпоследний звук в херьедаленском *korр* 'чашка' (нормализованная транскрипция Ю. А. Лjunделля [koo:r:l]).

Несколько позже Ю. А. Лjunделля херьедаленскую преаспирацию подробно описал диалектолог Г. Вестин (Westin, 1897, стр. 32). Самое интересное в описании Г. Вестина — это слуховой анализ преаспирации, так как все остальные его данные почти полностью совпадают с данными Ю. А. Лjunделля. Параграф, посвященный преаспирации, называется у Г. Вестина очень характерно: «h и э». «В тех словах, в которых встречается э, — пишет Г. Вестин, — слышно как будто, что гласный звучит только

первую половину отведенного ему времени, а затем голос пропадает, хотя сам выдох продолжается вплоть до наступления согласного». Г. Вестин добавляет, что этот выдох может восприниматься как шум, но может никакого звука собой не представлять и восприниматься просто как перерыв. В произношении некоторых людей «глухой гласный» напоминает, по свидетельству Г. Вестина, немецкое [x].

Г. Вестин дал самое подробное описание физических свойств преаспирации, которое известно в шведской диалектологической литературе; он единственный заметил, что шведская преаспирация делит ударный гласный пополам и что преаспирация — очень часто вообще не звук, а пауза между гласным и смычным. Именно описание Г. Вестина вполне убеждает в том, что преаспирация в Херьедалене и в Исландии имеет не только очень сходную дистрибуцию, но, по всей видимости, аналогичное физическое воплощение.

Одновременно с существованием диалектальной преаспирации была отмечена преаспирация и в литературном шведском. В 1892 г. Руссло, находясь в Грайфсвальде, познакомился со шведом, в произношении которого он заметил преаспирацию, о чем и сообщил впоследствии в своем *Précis* (Rousselot, 1903, стр. 77; приведено в работе П. Верье: *Verrier*, 1912, стр. 78—79). В 1903 г. интересные наблюдения опубликовал А. Нурейн (Noreen, 1903, стр. 400—401). Говоря о разных переходных звуках, он писал, что, например, звук [i] в слове *klipp* 'газетная вырезка' переходит не в [p], а в очень краткое [y], затем в [h] и только тогда в [p], так что получается нечто вроде [kliyh̥p]. А. Нурейн отметил, что обычно люди не задумываются о подобных переходных звуках, но иногда эти звуки выступают на передний план. Это происходит в тех случаях, когда в словах типа *läpp* 'губа', *läck* 'течь' (сущ.), *lätt* 'легко' конечные смычные не слышатся вовсе, а вместо них звучат переходные глайды. Даже и без ясно артикулируемых смычных названные слова не смешиваются в речи. А. Нурейн предполагал, что глайды, предшествующие *r t k/*, достаточно различаются между собой, чтобы воспрепятствовать смешению.

Наблюдения А. Нурейна чрезвычайно интересны. Хотя позиции, в которых он слышал преаспирацию (между кратким гласным и исконной глухой геминатой), уже известны нам по исландскому и фарерскому материалу, а также по примерам Ю. А. Люнделля, мы нигде больше не найдем указания на то, что, окрашенная в тона соседних согласных, преаспирация после одного и того же гласного настолько варьирует по тембру, что может принимать (и порой действительно принимает) на себя всю тяжесть смыслоразличения. Важно и то, что А. Нурейн первым из шведов и вообще одним из самых первых услышал преаспирацию в литературном шведском.

Впоследствии преаспирация в литературном шведском была исследована еще дважды (оба раза инструментально): в 1911 г. (Millardet, 1911) и в 1940 г. (Rositzke, 1940). Г. Мийарде и Г. Розитцке удалось получить важные сведения о реализации и распределении преаспирированных согласных в стокгольмском шведском. Но по несчастливому стечению обстоятельств их работы не привлекли внимания скандинавистов. Пасколько я могу судить, современные диалектологи не подозревают о существовании преаспирации в литературном шведском, поэтому мы уделим особое внимание материалу, собранному в обеих статьях.

Г. Мийарде рассматривал преаспирацию в ряду других энетических согласных шведского языка и сравнивал вставку спиранта между гласным и смычным параллельно с такими изменениями, как $ft > fst$, $lr > ldr$, $sr > str$, $sl > stl$, $mt > mtr$ и т. п.

Информантами Г. Мийарде были две девушки: одна из Стокгольма, другая из Гётеборга (первые десять лет жизни, до переезда в Гётеборг, она жила в Ёнчёпинге: Jönköping, Småland) — и двадцатилетний студент из Норвегии (родился под Уппсалой, шведский усвоил от матери, родившейся в Ёнчёпинге: Enköping). Произношение норвежца сильно отличалось от произношения шведок, и Г. Мийарде пользовался записями его речи, главным образом, для сравнения.

Общие результаты Г. Мийарде, сформулированные в виде отдельных выводов и подкрепленные множеством кимограмм сводятся к следующему. У всех информантов обнаружена преаспирация, хотя никто из них ее не осознавал. Самая слабая преаспирация зарегистрирована в речи норвежца. Шведская преаспирация реализуется, по Г. Мийарде, в виде глухого или звонкого щелевого, гоморганного предшествующему гласному, т. е. бывает заднеязычной, переднеязычной и губной, и слышна после любого гласного, за которым следует согласный (итоговая формула Г. Мийарде: гласный + согласный $>$ гласный + щелевой согласный).

Описание конкретных примеров помогает уточнить обобщающую формулу Г. Мийарде. Так, после /a/ преаспирация была зарегистрирована только перед /p t k/ (единственным исключением оказалось слово kaffe 'кофе' с преаспирированным /a/ после /o/ она встретилась в тех же позициях, но лишь в слоговом виде [V:C] (для преаспирации после /a/ место количественной вершины в слогe было irrelevantным). Аналогичное распределение энетез обнаружилось и после /i/, но добавилась позиция перед звонким; при этом у одного информанта в словах mig 'мне', sig 'себе' (произносившихся [mig], [sig]), krig 'война', lider 'страдаю', lida 'сарай, навес' отмечена [j]-образная вставка, а у другого — только удлинение гласного. Между /ö/ и глухим смычным (в слогe любой структуры) энетезы встречаются так же

как после /a/, но реализация эпентезы не всегда постоянна (то [h], то [ç]). После /y/ спирант слышен до глухих смыхных, но какая-то вставка обнаруживалась перед /r/ и /v/. После /u/ и /ʌ/ случаев преаспирации особенно много: преаспирированными оказались не только /p t k/, но и /f s/, /b d g/, /r l n/.

Ниже следуют слова, в которых Г. Мийарде обнаружил преаспирацию.

После /a/: task 'благодарность', katt 'кошка', kappa 'плащ', bak 'сзади', skata 'сорока'. После /o/: kåk 'лачуга', åka 'ездить', vat 'лодка' (возможно, в tåg 'поезд'). После /i/: vik 'залив', skrik 'крик', flik 'лоскуток', flicka 'девочка', vit 'белый', flit 'прилежание', krita 'мел', klipra '1. резать, 2. скала', mig 'мне' и еще несколько слов на -ig (см. выше). После /ö/: kök 'кухня', hök 'ястреб', lök 'лук', öka 'увеличивать', dött 'мертвый', stöt 'толчок', stött 'обиженный'. После /y/: skryt 'хвастовство', knyta 'связывать', kгура 'ползать', fyra 'четыре', syra 'кислота', Tyra (собственное имя), уг 'вызывающий головокружение', уvas 'чваниться', syrtut 'сюртук'. После /u/: bok 'книга', tok 'глупый', klok 'умный', кока 'готовить еду', klot 'шар', sot 'сажа', gjort 'сделанный', skjorta 'рубашка', hof 'копыто', os 'чад', flod 'поток', god 'хороший', stod 'стоял', drog 'тянул', krog 'трактир', plog 'пflug', glob 'глобус', ifjol 'в прошлом году', tror 'верю', bor 'живу', brog 'брат', mor 'мать', stor 'большой', kor 'коровы', kop 'корова' (опр. ф.), don 'инструмент'. После /ʌ/: bruk 'употребление', handduk 'носовой платок', kruka 'кувшин', sprut 'копье', minut 'минута', djur 'глубокий', slur 'шлюпка', ljus 'светлый', hus 'дом', gud 'бог', hуva 'капюшон', djur 'зверь', ur 'часы'.

Г. Мийарде заканчивает свою работу тем, что обсуждает конечную аспирацию гласных в таких словах, как sko 'башмак', bro 'мост', du 'ты', fru 'госпожа', ragu 'рагу', by 'деревня', hu 'цвет лица'. По его мнению, аспирация гласных в середине и в конце слов — это явления одного характера, с той лишь разницей, что в первом случае дополнительная артикуляция возникает при переходе от гласного к согласному, а во втором — от гласного к состоянию покоя. Г. Мийарде специально подчеркивает свою мысль о двойственной природе вокалической аспирации.

Впоследствии П. Верье поддержал тезис Г. Мийарде, что аспирация гласных перед согласными и в абсолютном исходе — родственные явления, и ссылаясь при этом на известные примеры из современного датского, в котором концы таких слов, как vi 'мы', nu 'теперь' и т. п., сильно спирантизированы (Vergier, 1942, стр. 77).

Выводы Г. Мийарде подверглись тщательной проверке в работе Г. Розитцке. Г. Розитцке записал 112 односложных и двусложных слов в произношении двух шведов, говоривших на литературном

языке. Все эти слова содержали /p t k/ или /b d g/ в начальной середишной или конечной позиции. Результаты Г. Мийарде в значительной мере подтвердились. Однако из материалов Г. Розитцке выясняется много нового.

Прежде всего следует отметить, что, по данным Г. Розитцке преаспирация в литературном шведском может реализовываться не только в виде различных спирантов, но и в виде почти полной смычки, а также аффрикаты с более или менее ярко выраженной смычкой. Кроме того, Г. Розитцке обнаружил, что перед долгими смычными эпентеза не типична. В словах типа *pick* (в идиоме *pick och pack* 'барахло, пожитки'), *picka* 'клевать', *pigg* 'бодрый', *rigga* (приг) 'ободрять', *kurr* 'налет', *kurreg* (мн. ч. от *kurr*), *dugg* 'изморось', *dugga* 'моросить' и т. д. (следуют примеры с /e o a u ö/) преаспирация встречается гораздо реже, чем в долговокалических словах, а мелодическая линия акцента в этих словах круто поднимается перед наступлением артикуляции- глухого смычного, производя при этом на слух впечатление согласного, замыкающего гласный; однако кимограммы ясно показывают, что никакого вполне оформленного спиранта (*full-fledged spirant*, как его называет Г. Розитцке) в данном случае не образуется. С фонетической точки зрения сказанное Г. Розитцке означает, что в литературном шведском долговокалической преаспирации (или спирантизации) обычно соответствует кратковокалический толчок. Г. Розитцке и сам поясняет, что кимографическая запись гласного в словах типа *flicka*, *katt* дает основание говорить о каком-то невокалическом усилении (*non-vocalic strengthening*). Наконец, Г. Розитцке обнаружил эпентезы перед звонкими.

Общие его дистрибутивные выводы таковы. После /u/ эпентеза обязательна как перед глухими, так и перед звонкими смычными, и отсутствует только перед согласным, гомоганным самому гласному, т. е. перед губным смычным (например, эпентезы нет в *kub*, *kubber* 'куб, кубы', но она есть в *gud* 'бог' и т. п.). После /u/ эпентеза регулярна перед глухими и реже встречается перед звонкими. После /i y/ эпентеза может отсутствовать даже перед глухими. После /e o ø a/ эпентеза встречается только перед глухими, но очень нерегулярно. Г. Розитцке называет три фактора, влияющих на употребление преаспирации в шведском: подъем гласного, место слоговой вершины, длительности и глухость—звонкость последующего согласного.

Г. Розитцке, так же как и Г. Мийарде, рассматривает шведскую эпентезу вместе с поствокалической аспирацией в абсолютном исходе и видит в родстве этих явлений довод против того, чтобы признавать эпентезы глайдом, соединяющим артикуляцию гласного и согласного. Он поддерживает Г. Мийарде в том, что шведским гласным присуща тенденция сужаться в исходе и производить таким образом консонантный шум. Г. Розитцке при

писывает эту тенденцию специфически скандинавскому слоговому ударению, считая, что преаспирация в исландском, поствокалическая аспирация различных скандинавских языков и многочисленные оглушения звонких согласных — все восходят к одному и тому же источнику, а именно к подскоку интенсивности в конце слога. Причины возникновения шведских эпентез, а также причины их специфического распределения (чаще после закрытых гласных, чем после открытых, после долгих гласных, чем после кратких, перед глухими согласными, чем перед звонкими) связаны, по Г. Розитцке, с чисто физиологическими особенностями функционирования гласных и согласных. В конце работы Г. Розитцке подчеркивает, что употребление эпентез в шведском не вполне нормализовано, но что не исключена дальнейшая нормализация исландского типа.

Факты, описанные Г. Мийарде и Г. Розитцке, позволяют сделать ряд общих выводов относительно сущности преаспирации. Прежде всего, видно, что некоторые положения, которые казались трудноподлежащими для исландского языка, для шведского радуются сами собой. Так, например, исландские фонетисты склонны отождествлять преаспирацию с фарингальным спирантом, хотя и исландская преаспирация — далеко не всегда фарингальный. Что же касается шведской преаспирации, то она вообще почти не реализуется в виде [h], а ее зависимость от качества предыдущего гласного несомненна. Естественно, что шведские явления не служат аргументом в пользу той или иной трактовки исландских фактов, но они показывают, что ничего специфически фарингального в преаспирации нет. Они показывают также, что эпентеза может иметь широчайшую гамму реализаций: от фарингального спиранта до аффрикаты и даже до смычного; в одном и том же говоре (в данном случае в говоре Стокгольма) оказываются сосуществующими эпентетические спиранты исландского типа и орализованный толчок, встречающийся в датских диалектах, к которому уже неприменим термин *преаспирация*. В шведском материале есть даже намек на закономерности дистрибуции подобных эпентез: как уже говорилось, из некоторых данных Г. Розитцке следует, что эпентетический щелевой тяготеет к долгим гласным, а эпентетическая смычка — к кратким.

Шведские явления, так же как и фарерские, явно свидетельствуют о том, что в самой преаспирации нет ничего, что бы связывало ее именно с кратковокалическими корнями и при этом непременно с последующим глухим смычным. Мы видели, что в стокгольмском произношении чаще преаспирированы как раз краткие (и в ряде случаев звонкие) согласные; долгим же согласным (и глухим, и звонким) чаще предшествует толчок, а не преаспирация. Новой чертой в употреблении шведской преаспирации по сравнению с исландской и фарерской является и ее зависимость от степени открытости предшествующего гласного.

Эта связь чрезвычайно характерна для всех германских слоговых акцентов.

Однако некоторые черты роднят шведскую и исландскую преаспирацию. В обоих языках преаспирация — это чаще всего спирант. И исландская, и шведская преаспирация не сразу обращают на себя внимание исследователя, хотя и регистрируются приборами; что же касается говорящих, то ни информанты Г. Мийарде, ни информанты Г. Розитцке не осознавали существования в своей речи многочисленных эпентез. Однако шведская преаспирация не имеет никакой фонологической нагрузки, поэтому не удивительно, что фонетически она выражена гораздо менее ярко, чем исландская.

Просодический характер эпентез в современном шведском совсем не очевиден, хотя особенности их дистрибуции (а именно связь с долготой гласного и его подъемом, а также с глухостью — звонкостью забазисного согласного), некоторые черты реализации (крутой подъем мелодической линии гласного, чередование преаспирации с толчком и удлинением, а диалектально также и с паузой) и сходство с исландско-фарерской преаспирацией позволяют высказать уверенность, что и шведская преаспирация — это след древнего резкого акцента. Но в современном литературном шведском эпентезы не несут никакой нагрузки ни на просодическом, ни на фонематическом уровне, и их дальнейшее развитие скорее всего пойдет по пути, противоположному тому, который предсказал Г. Розитцке: в дальней перспективе шведские эпентезы ждет не нормализация, а полное исчезновение. Но хорошо известно, что отмирание иррелевантных элементов занимает века, и поэтому вероятнее всего, что шведские эпентезы сохранятся еще на протяжении многих поколений в качестве избыточных показателей стыка.

Дальнейшее изучение шведской преаспирации требует подробного знакомства с системами некоторых диалектов. Преаспирация, как уже говорилось, распространена в ряде говоров Швеции. Описывая диалект Арьеплуг (Arjeplog, северная Швеция) С. Валльстрём (Wallström, 1943, стр. 32—34) упоминает ряд преаспирированных форм. Насколько можно судить по очень скупому материалу, преаспирация в этом диалекте всегда предшествует краткому глухому смычному, следующему за долгим гласным (ср. слова с преаспирацией: гер 'веревка', так 'крыша', вака 'бодствовать'). Даже в слове, соответствующем литературному drunkna 'тонуть', где [nk] перешло в [kk], преаспирация по С. Валльстрёму, предшествует уже упростившейся геминате, т. е. [k], а не [kk]. Характерно, что в Арьеплуге преаспирация встречается именно в долговокалических корнях, т. е. в типично «неисландской» позиции. Ее распределение в этом диалекте вообще напоминает не исландский, а стокгольмский вариант, хотя не сколько неожиданным является пример вака с преаспирацией

после искомого краткого слога. Из немногочисленных и несистематизированных примеров, приведенных в работе, нельзя сделать никаких выводов о фонологической нагрузке преаспирации в диалекте Арьеплуга, но, поскольку во всех случаях знак преаспирации [h] стоит у С. Вальльстрёма в скобках, можно предположить, что преаспирация в этом диалекте факультативна.

Некоторые сведения о преаспирации в говоре Вильхельмины (Wilhelmina, также на севере Швеции) содержатся в диссертации К.-Х. Дальстедта (Dahlstedt, 1950, стр. 151). К.-Х. Дальстедт называет преаспирацию глухим отступом гласного, или фриктивным согласным, и транскрибирует ее через [h], следуя, как он сам отмечает, за Г. Хассельбринком (Hasselbrink, 1944, стр. 102—104). Глухие гласные диалекта Вильхельмины напоминают, по К.-Х. Дальстедту, аналогичные эпентезы в Арьеплуге и встречаются под ударением перед глухим согласным или аффрикатой. Описывая преаспирацию, К.-Х. Дальстедт основывается лишь на грамофонных записях, сделанных в Сушеле (Sorsele) гораздо раньше. Однако звуки, подобные преаспирации, плохо слышны в записи, поэтому К.-Х. Дальстедт может очень мало сообщить по интересующей нас проблеме. Он слышал преаспирацию в словах [floht] 'при высоком уровне воды' (прил.), возможно в [boahnt] 'лодка' (опр. ф.; литерат. båten), [kamrahtal] 'товарищи' (литерат. kamratter) и [gåhtl] (супин от gå 'идти'). (Транскрипция всюду нормализована). Однако в словах slut 'конец', ut 'наружу', nätt 'хорошенький' и даже в названных выше словах, но в произношении других информантов, преаспирации не было слышно. Очевидно, что в Вильхельмине преаспирация так же факультативна, как в Арьеплуге, и, видимо, близка к исчезновению.

К.-Х. Дальстедт не интересовался вопросами истории преаспирации, но любопытно, что параграф, посвященный преаспирации, входит в раздел «Саамский звуковой субстрат в шведском говоре Вильхельмины».

Однако наряду с отрывочными сведениями о преаспирации в шведских диалектах мы располагаем подробной работой по данному вопросу, а именно описанием вемдаленского говора Херьедалена Ё. Рейтаном (Reitan, 1930, стр. 67—72).

Историческая область Херьедален охватывает приходы Стуршё (Storsjö), Теннес (Tännes), Хеде (Hede), Вемдален (Vemdalen), Свег (Sveg), Линселль (Linsäll), Лилльхердаль (Lillhärdal), Альврус (Älvros) и Иттерхугдаль (Ytterhogdal). Преаспирация зарегистрирована почти на всей территории области, так же как и на территории соседних областей: Даларна (Dalarna; ср.: Dahlstedt, 1958, стр. 28—29) и Хельсингланд (Helsingland; ср.: Posti, 1953—1954, стр. 204). Наиболее подробно Ё. Рейтан описал говор прихода Вемдален. (О значении термина Dalmålet см.:

Norgesn, 1881, стр. 4; Сэрна не включена А. Пурейном в области Даларна).

Преаспирацию вемдаленских смычных Ё. Рейтан анализирует как глухой отступ предыдущего гласного. Этот отступ образуется посредством легкого сужения речевого канала и напоминает фарингальный спирант, но меняет свое качество в зависимости от качества предыдущего гласного (например, слово natt 'ночь' напоминает немецкое Nacht).

В закрытых слогах вемдаленского говора господствуют те же количественные отношения, что и в литературном шведском, т. е. либо за долгим гласным следует краткий согласный, либо за кратким гласным — долгий согласный. По мнению Ё. Рейтана, преаспирированные (по его терминологии — просто аспирированные) согласные сохраняют свою долготу. Преаспирация в вемдаленском чаще всего встречается в ударных слогах после исторически краткого гласного в позиции перед геминатой, т. е. в исторически долгосложных слогах, например [vohtt] 'рукавица' (ср. норв. vott), [rohkk] 'прялка' (ср. шв. rock, норв. rokk), [kåhpp] 'чашка' (ср. норв. kopp), [tahkke] 'благодарить' (ср. норв. takke, шв. tacka), [kahtte] 'кошка' (ср. норв. katte, шв. katta). В исторически краткосложных закрытых слогах, удлинивших свой конечный согласный лишь под влиянием закона слогового равновесия, преаспирации нет: ср. skött 'шкот' (шв. литерат. и норв. skot), lokk 'мелкий непроточный пруд' (норв. диал. lok). Равным образом отсутствует преаспирация перед новыми геминатами, которые образовались между исконно кратким открытым слогом и безударным слогом, начинавшимся со смычного. (В херьедаленских говорах краткосложность слов типа viki преодолевается за счет удлинения интервокального согласного).

Кроме старых долгосложных слов с исходом на исконную геминату преаспирация регулярно встречается перед геминированным /l/, возникшим в словоизменительных формах прилагательных и слабых глаголов после исторически долгого (а ныне сократившегося) гласного: ср. [røhtl] 'правильный' (ср. р.-н. [rōhtle] 'встретил', а также перед альвеолярным /t/ < /rt/: [svahtt] 'черный', [fohtt] 'быстро', [bohtt] 'прочь' (шведские литературные формы svart, fort, bort). В положении между кратким гласным и группой согласных преаспирация в Вемдалене отсутствует, даже если вторым согласным является сонант: bökker 'книги', netter 'ночи' (без преаспирации). Исключение составляет только группа /tn/: [bohntn] 'дно', [vahntn] 'вода', [fōrvehntn] 'любопытный' и т. п. Под влиянием слов типа [svahtt] преаспирация пошла и в слово [äh̥tter] 'горох' (ср. шв. ärter, норв. erter), хотя, как сказано, слова с исходом на сонант не преаспирированы.

Ударение является обязательным условием появления преаспирации в слоге. Под побочным ударением, например во второй

части сложного слова, преаспирация выражена очень слабо (ср. [sáhkkstihkka] 'спицы'), а иногда исчезает совершенно. Слова, обычно безударные в потоке речи, лишены преаспирации, даже если этимологически должны были бы иметь ее. Так, не преаспиррованы геминаты в словах [orr] 'вверх' (употребляется как послелог), [ekk] 'вам' (ср. др.-исл. ukkr), [fek] пр. вр. от fá, основное значение 'получать', но очень употребительно во вспомогательной функции и потому часто безударно (ср. [jehk] пр. вр. от gá 'идти' с преаспирацией). В отдельных (редких и не поддающихся систематизации) случаях ожидаемой преаспирации может не быть под влиянием аналогии. И наконец, как общее правило, преаспирации не бывает в заимствованиях: ср. [sloht] 'косьба' (slátt), но [slott] 'замок' (slott). Однако последнее правило допускает исключения. Преаспирация в Вемдалене сохранила фонологическую нагрузку и потому ясно осознается говорящими.

Е. Рейтан кратко описывает преаспирацию и в говорах соседних с вемдаленским. В говоре прихода Хеде (Hede) преаспирация выражена слабее, чем в Вемдалене, и в принципе также допускается лишь в исконно долгосложных кратковокалических корнях. Но это правило распространяется не на весь приход. В речи других жителей Хеде утвердились несколько иные правила. В двусложных словах, имевших краткосложный акцент и до сих пор сохранивших «равновесность» слогов, хотя и удлинивших интервокальный согласный (likevechtsord, по терминологии Е. Рейтана), преаспирации перед новой геминатой нет (ср. [vättä] vita, черточками обозначена «равновесность»). Отсутствует преаспирация и в словах с исходом на сонант (ср. netter 'почи'). Но в исконно краткосложных словах, состоящих из одного слога и удлинивших конечный согласный по закону слогового равновесия, некоторые жители Хеде употребляют преаспирацию и в отличие от других жителей того же прихода и от всех вемдаленцев говорят [lohk] lok, [fehkk] fekk и т. п.

Е. Рейтан объясняет различие в поведении односложных и двусложных слов тем, что в односложных удлиннение поствокального согласного могло произойти раньше, чем в двусложных. На самом же деле причина, видимо, кроется в другом. С точки зрения использования преаспирации говор Хеде находится на более продвинутой ступени, чем вемдаленский. Вемдаленский говор полностью сохранил архаичное правило, согласно которому преаспирацией выделяются только исконные геминаты долгосложных слов. В Хеде некоторые различия, релевантные для Вемдалена, еще сохраняются, а другие уже устранены. Условия, господствующие в говоре Хеде, — любопытный пример того, как архаичный северноскандинавский говор отдалается на один шаг от сосуществующего с ним архетипа.

Примерно на той же стадии развития, что и говор Хеде, находятся говоры Стуршё, Свега и Липселля, только в Стуршё пре-

преаспирация чрезвычайно слабая, а в Лилльхердале, Хугдале и Эльврусе ее нет совсем.

Преаспирация перед глухими геминатами замечена и в соседних с херьедаленскими говорах Даларна: Сэрна (Sägna) и Идре (Idre). Сведения о преаспирации в этих районах весьма скудны, но, по мнению Ё. Рейтана, общая картина в Сэрна и Идре приблизительно та же, что в Свеге (и, следовательно, как в Хеде), хотя некоторые случаи дают основание предполагать, что первоначальные условия распределения преаспирации были повсюду аналогичны вемдаленским.

Некоторые факты, сообщенные Ё. Рейтаном, могут быть хорошо истолкованы, если иметь в виду просодическую природу преаспирации. Так, Ё. Рейтан рассказывает, что слово *turr* 'курица' оканчивается в вемдаленском на исконную геминату и потому имеет преаспирацию. Но во фразе *tur-tur-turra* 'цып-цып-цып' преаспирации перед последним /r/ нет. Такая ситуация хорошо известна из скандинавской акцентологии. Еще А. Б. Ларсен заметил (Larsen, 1894, стр. 34; приведено в кн.: Кацнельсон, 1966, стр. 42), что в одном из сулёрских говоров Норвегии в эмпазе и именно при обращении к животным всякий акцент меняется на противоположный. Аналогично и в датском языке слова, нормально имеющие толчок, теряют его в эмпазе (Кацнельсон, 1966, стр. 131, 154). Точно так же, как не имеют обычно толчка датские междометия (там же, стр. 122, 131—132), независимо от того, присутствует в них толчковый базис или нет, не имеют преаспирации и некоторые вемдаленские междометия и выкрики, даже если они оканчиваются на исконные глухие геминаты.

Заключая наш обзор шведского материала, обратимся к преаспирации, встречающейся в говоре острова Чёкар (Kökar). Небольшой чёкарский приход расположен на юго-востоке Оландской шхеры (Финляндия). В Чёкаре примерно до середины XIX в. сохранялся чрезвычайно архаичный говор, но уже к концу века расширившиеся связи с внешним миром привели к заметной модернизации оландской речи. В 1891 г. чёкарский говор был подробно описан А. Карстеном (Karsten, 1891, о преаспирации см. стр. 23—30), на данных которого мы и основываемся.

В чёкарском говоре преаспирация засвидетельствована во многих словах. У А. Карстена она описана в параграфе, посвященном фарингальному спиранту, и везде обозначена через [h], хотя называется в тексте то глухим ларингальным, то глухим гласным. Преаспирация встречается в чёкарском говоре только под главным и второстепенным ударением перед долгими глухими смычными. В говоре господствует закон слогового равновесия, и по этому наряду со старыми геминатами в нем встречаются и новые. Как и в Херьедалене, краткосложность слов, состоящих из одного закрытого слога (т. е. слов типа *skip* 'корабль'), устранена в Чёкаре путем удлинения конечного согласного. Но в отличие от Вемдалена

все глухие геминаты, образовавшиеся таким путем в чёкарском говоре, приобрели преаспирацию. Лишь интервокальные геминаты аналогичного происхождения (т. е. геминаты в двусложных словах с исконной краткосложностью) не сопровождаются преаспирацией; например, в словах, являющихся рефлексами древнешведских *gata* 'улица', *vika* 'неделя' и т. п., интервокальные согласные удлинены, но не преаспирированы. Преаспирация встречается в подобных словах лишь в редких случаях под влиянием поздней аналогии, чаще в речи людей молодого и среднего поколений (ср. [rɛhr:ɔg] 'трубки', др.-шв. *pipar*). Смычные, за которыми следуют другие согласные (например, группа /tn/), в чёкарском говоре не имеют преаспирации.

По Чёкару можно судить о всех финляндско-шведских говорах, в которых существуют преаспирированные согласные. Этот вывод следует из знакомства с довольно подробным обзором О. Ф. Хультмана (Hultman, 1939, §§ 243, 299, 333). По О. Ф. Хультману, преаспирация («глухой гласный») кроме Чёкара известна еще в диалекте прихода Кумлинге (Kumlinge, также на Оландских островах), в деревнях Утё и Сёдерюрно (Utö, Söderjurno) уезда Корно (Korpo) и на западе континентальной Финляндии (Hitis, Fimby). Из данных О. Ф. Хультмана, дополняющих то, что мы уже знаем из работы А. Карстена, можно отметить лишь один фонетический факт. О. Ф. Хультман пишет, что перед палатальным гласным и перед /j/ группа [hk], т. е. преаспирированное /k/, звучит как [ht's'] (апостроф обозначает палатализацию): ср. [dʁoht's'a] *druckit* (суши от *drikka* 'пить'), [tæht's'o] 'крыша' (ср. др.-исл. *þekja*, др.-шв. *þækkia*). Кроме того, он отмечает преаспирацию и в неударных слогах заимствованных слов, например в [ta'drihk] 'тарелка' (литерат. шв. *tallrik*). Касаясь преаспирации после исторически краткого слога, он замечает, что в эту позицию [h] было перенесено по аналогии, а не в результате какого-то звукового изменения. Во всех же остальных позициях преаспирация развилась, по мнению О. Ф. Хультмана, естественно-фонетическим путем: сначала возник глухой гласный, а затем [h] или [x], как в ряде шведских диалектов). Таким образом, О. Ф. Хультман не полностью отождествляет преаспирацию с глухим гласным: для него глухой гласный — это предыдущая ступень того звука, который возник перед исконной геминатой.

Таковы сведения о шведской преаспирации. Из приведенных описаний видно, что фонетически она реализуется примерно одинаково и в литературном шведском, и в диалектах. Все исследователи слышат на ее месте спирантный шум, напоминающий известные щелевые, а иногда даже аффрикаты или сочетания каких-то звуков. Сама по себе преаспирация не глухой гласный, но она оглушает конец того гласного, на который приходится. В отдельных случаях она чередуется с гортанной смычкой. Иногда ясно слышится динамическое усиление аспирированного слога

(Г. Розитцке), иногда вместо преаспирации регистрируется лишь пауза (Г. Вестин).

Фонологическая нагрузка преаспирации в шведском невелика. Лишь в херьедаленском диалекте, и то главным образом в Вемдалене, она сохранилась как средство смыслоразличения, до сих пор ограничивающее исконную долгосложность от новой и исконные слова от заимствований. В Арьеплуге, Вильхельмине и в литературном шведском преаспирация иррелевантна. Нигде в шведском ареале она, видимо, не является уже настоящим слоговым акцептом. В рамках просодической системы с двумя слоговыми акцептами (акц. I и II) она превратилась в стыковую характеристику: в одних случаях релевантную (в Вемдалене), в других — избыточную (например, в литературном языке). Лишь в Чёкаре, в одной единственной позиции, преаспирация могла бы рассматриваться как релевантный акцент. Как отмечалось выше, новые интервокальные гемипаты, возникшие в чёкарском говоре в исконно краткосложных словах под действием закона слогового равновесия, не имеют преаспирации; старые же гемипаты преаспирированы. В Вемдалене [tapa], превращаясь в [tappa], начинает отличаться от старого [tappa] (ср. исл. tappa 'педить') только отсутствием преаспирации. Аналогичные пары (не обязательно даже минимальные) возникли и в Чёкаре. Так как в филяндско-шведских диалектах отсутствует слоговая акцентуация общешведского типа, то ничто не мешает рассматривать чёкарскую преаспирацию как резкий акцент, противопоставленный отсутствию преаспирации, но обращает на себя внимание, что этот акцент релевантен лишь в одном положении и, следовательно, находится на крайней периферии смыслоразличительных средств говора.

§ 5. Преаспирация в норвежском языке

Преаспирация распространена в ряде норвежских диалектов и, возможно, в очень слабом виде существует и в риксмале: напомним, что третий информант Г. Мийарде был норвежцем. Однако сравнительно подробно норвежская преаспирация изучена только на материале диалектов, в частности юго-западных (особенно в Ставангере и его окрестностях), восточных (в говорах Северного Гюдбрансдалена и Вого) и северо-западных (на островах Гимсёй и Сенья). Чаще всего описывалась и лучше всего известна преаспирация в Ставангере и районе к югу от Ставангера (Jæren).

Первая работа о еренских преаспирированных смычных принадлежит М. Офтедалу (Ofte dal, 1947). В самое недавнее время появилось очень подробное инструментальное исследование еренской преаспирации (Wolter, 1965). Поскольку рассматривать преаспирацию имеет смысл только на фоне общей фонологической системы того или иного говора, то при описании юго-западных диалектов мы будем брать некоторые сведения из работ более

широкого содержания, прежде всего из монографии М. Бернтсена и А. Б. Ларсена (Berntsen og Larsen, 1925). М. Бернтсен и А. Б. Ларсен дали чрезвычайно подробное описание диалекта Ставангера, но преаспирации они, видимо, не слышали; во всяком случае, в работе преаспирации не упоминаются ни разу.

Ставангерский диалект относится к той группе южноскандинавских говоров, в которых /p t k/ после долгого гласного превратились в /b d g/ (Berntsen og Larsen, 1925, стр. 173—174; Omdal, 1967, стр. 83). В современном ставангерском диалекте мы встречаем формы [gā'ba] 'зевать' (риксм. gare), [mād] 'еда' (риксм. mat), [kō'gā] 'кипеть' (риксм. koke) и т. п. (Omdal, 1967, стр. 83). Однако геминаты на юго-западе до сих пор отличаются друг от друга по участию голоса, хотя, насколько можно судить по работе М. Офтедала (Ofte dal, 1947, стр. 235), глухие геминаты в Ерене не имеют постаспирации, т. е. все же ослаблены. М. Офтедал говорит, что во всем Ругаланне он слышал преаспирацию только на территории есталского уезда (Gjestal); в соседнем же уезде Бьеркрейм (Bjerkreim) господствует уже иной тип произношения, и там еренскому [k'a^htt], [k'a^btta] соответствует [k'att^h], [k'att^a]; значком ['] обозначено придыхание).

На слух еренская преаспирация напоминает М. Офтедалу [h]. Кроме того, он постоянно говорит о преаспирации как о глухом перерыве между гласным и смычным. Этот глухой перерыв отождествляется М. Офтедалом с фарингальным спирантом, который может, по его мнению, звучать то сильнее и дольше, то слабее и короче, иногда почти исчезая, и М. Офтедал даже вводит два обозначения: сильную преаспирацию он записывает через строчное [h], а слабую — через надстрочный знак [h^h].²⁵ Г. Вольтер (Volter, 1965, стр. 595) тоже говорит, что еренская преаспирация напоминает [h], но добавляет одну любопытную деталь: рядом с [t] преаспирация может звучать как [f], и ее иногда даже принимают в этой позиции за [f]. Сила преаспирации, по данным Г. Вольтера, различна у различных людей и варьирует от очень ясного [h] до почти неуловимого глухого перехода между гласным и согласным. Ему казалось, что преаспирация сильнее после лабиализованных гласных, чем после нелабиализованных, но приборы не подтвердили этого предположения (Г. Вольтер сравнивал длительность преаспирации в разных словах и определял силу по длительности).

²⁵ М. Офтедал обозначает преаспирацию через [h] не только из-за акустического сходства, но и потому, что относит ее к фонеме [h]. Г. Вольтер сообщил мне, что в своей неопубликованной диссертации («Ordstrukturen i Gjestalmålet») М. Офтедал обозначал через /h/ не только преаспирацию, но и начальное придыхание, записывая слово типа [ka^ht] как /ghah:d/. В дальнейшем изложении М. Офтедал отказывается от такой трактовки начальных /p t k/, но преаспирацию продолжает рассматривать как вариант фонемы /h/.

Г. Вольтер провел измерения длительности преаспирации. Из полученных им данных следует, что преаспирация перед смычными в двусложных и многосложных словах заметно дольше, чем в односложных (в среднем 9.09 — 8.53 мсек.), но так как интервокальные смычные дольше, чем конечные, то в многосложных словах длительность преаспирации составляет 28.61% от длительности смычки, а в односложных — 31.79%. Фонетическая характеристика гласного и согласного как будто не влияет на длительность преаспирации (Wolter, 1965, стр. 595—596). Г. Вольтер приводит еще ряд подобных показателей, однако лингвистический смысл всех этих цифровых данных не ясен. Он сообщает также, что на спектрограммах преаспирация заметна как высокочастотный шум [s]-образного типа, хотя и ослабленный по сравнению с шумом самого [s] (там же, стр. 596).

М. Офтедал принимает еренскую преаспирацию за показатель плавного примыкания, а ее отсутствие — за показатель резкого примыкания (Ofstedal, 1947, стр. 232), т. е. высказывает то же мнение, что и П. Наарт в отношении фарерского (см. выше, стр. 71). Однако истинность этого мнения не очевидна. Преаспирация может быть либо слоговым акцентом, либо показателем стыка, и ни одна из этих функций не допускает простой переформулировки в терминах примыкания. Когда преаспирация сохраняет акцентную природу, то выделенные ею слоги оморфны слогам с резким, а не плавным примыканием. Но даже когда преаспирация — показатель стыка (релевантный, как в Вемдалене, или иррелевантный, как в Стокгольме), она едва ли свидетельствует о плавности контакта, хотя действительно растянута во времени и представляет собой некий буфер между гласным и согласным. Ведь чтобы судить о виде примыкания в том смысле, какой придал этому термину Н. С. Трубецкой, надо знать способ артикуляции гласного с точки зрения интенсивности. Мы не располагаем инструментальными данными об интенсивности постаспирированных гласных в диалекте Ставангера, поэтому лучше вопроса о примыкании пока не касаться.

Правда, в западноютском диалекте датского языка, о котором речь пойдет ниже, в слогах со смычногортанным (так называемым западноютским) толчком согласный также примыкает к подакцентному гласному слабо (Ringgaard, 1960, стр. 72) и определяется как *lenis*, в отличие от согласного, следующего за гласным без толчка. Но в какой мере фарерско-норвежские факты соответствуют в данном вопросе западноютским, не совсем ясно, тем более что под типом примыкания исследователи очень часто понимают противопоставления вроде [VC:] ~ [V:C]. Сам М. Офтедал считает, например, что в долговокалических корнях два типа контакта не различаются, хотя и на них преаспирация может быть, а может не быть (Ofstedal, 1947, стр. 232—233). В целом в работах фонетистов наблюдается постоянная путаница между корреля-

ниями слогового контакта, слоговых акцентов, слоговой длительности и даже глухости—звонкости, поэтому к сообщениям диалектологов о том или ином виде примыкания следует относиться с большой осторожностью, каждый раз уточняя, какие именно факты имеются в виду.

М. Офтедал и Г. Вольтер сообщают подробные данные о распределении преаспирации в Ерене (нижеследующие примеры заимствованы из работы М. Офтедала). Прежде всего преаспирация встречается между кратким гласным и глухой геминатой: ср. [to^hpp] 'верхушка', [to^hppən] (то же в опр. ф.), [ko^hppa] 'станция', [sle^hppa] 'расщелина', [ka^htt] 'кошка', [spø^httə], [spø^htt] (претерит и прич. II от [spø:da] 'вязать на спицах'). Глухой смычный перед сонантом также преаспирирован, причем не только перед /p t k/+/l n/, как в исландском, но и перед /k v/ и т. п. Как и в фарерском, в еренском диалекте могут быть преаспирированы группы типа /kt/: ср. [slē^hpt] (прич. II от -lere 'волочить'), а также [o^hks] 'колос' (форма риксм. aks) и аффрикаты: ср. [se^hkķən] 'мешок' (опр. ф.), [slo^hkķa] 'гасить, тушить' (подстрочной точкой отмечена аффриката; все транскрипции нормализованы).

В Ерене, так же как в шведском и фарерском языках, зарегистрирована долговокалическая преаспирация: ср. [pra:hte], [pra.^ht] (претерит и прич. II от [pra:da] 'болтать', риксм. prate). М. Офтедал даже отмечает, что преаспирация после долгих гласных сильнее, чем после кратких (Ofstedal, 1947, стр. 233). По его мнению, преаспирация особенно сильна в этом положении потому, что после долгих гласных нет различий между плавным и резким примыканием и она выполняет после них большую нагрузку, чем после кратких (еще раз напомним, что по М. Офтедалу еренские поствокальные звонкие, возникшие из общескандинавских глухих, имеют резкое примыкание к кратким гласным, а преаспирированные глухие — плавное; что касается долгих гласных, то после них М. Офтедал обнаруживает только плавное примыкание). М. Офтедал приводит также примеры преаспирации между долгими гласными и некоторыми сочетаниями глухих смычных с сонантом: ср. [ka:^hkla] 'кудахтать', [sra:^hkna] 'присмиреть'.

В работе Г. Вольтера²⁶ исследовалось 36 слов, разбитых на три группы: 1) многосложные слова с акц. II, имеющие в своем составе группы [VC:], 2) односложные слова с группой [VC:] и 3) многосложные слова с акц. II, содержащие сочетания фонем /p t k/ с другими согласными (рассматривались группы /pl pr ps tl tn tr ts kl kn kr ks kt/). Слова с долгими гласными не инте-

²⁶ Статья Г. Вольтера представляет собой резюме его неопубликованной диссертации «Bidrag til studiet av preaspirerte klusiler» (Bergen, 1964).

ресо­вали Г. Воль­те­ра, так как по­сле них в Е­ре­не не может быть глу­хого со­глас­ного, е­сли не считать по­вей­ших за­им­ст­во­ван­ных ти­па јеер 'джип', а пе­ред звон­ки­ми он, ви­ди­мо, пре­ас­пи­ра­ции не ожи­дал. Фак­ти­че­ски Г. Воль­тер ис­сле­до­вал мень­ше по­зи­ций, чем М. Оф­те­дал, по­это­му его дис­три­бу­тив­ные вы­во­ды не да­ют по­чти ни­че­го но­во­го.

Как мож­но ви­деть из при­ве­ден­ных опи­саний, е­рен­ская пре­ас­пи­ра­ция не име­ет ли­бо ни­ка­кой, ли­бо по­чти ни­ка­кой фо­но­ло­гиче­ской на­груз­ки. Так, Г. Воль­тер от­ме­чает, что из его ин­фор­ман­тов (21 че­ло­век) ни­кто не осоз­на­вал на­ли­чия пре­ас­пи­ра­ции (Wolter, 1965, стр. 595). Ско­рее все­го, о е­рен­ской про­со­ди­че­ской си­сте­ме мож­но ска­зать то же, что о вем­дал­е­п­ской. Ос­но­ву сло­го­вой ак­цен­ту­а­ции е­рен­ско­го ди­алек­та со­став­ля­ют акц. I (ре­зкий) и акц. II (плав­ный), рас­пре­де­лен­ные по обы­чно­му пра­ви­лу ко­личес­тва сло­гов (Selmer, 1927; Berntsen og Larsen, 1925, стр. 29—49). Пре­ас­пи­ра­ция же ха­рак­те­ри­зу­ет слог как до­пол­ни­тель­ный эле­мент сты­ка, и ее тол­ч­ко­вая при­ро­да про­яв­ля­ет­ся ли­шь при срав­не­нии с дру­ги­ми скан­ди­нав­ски­ми ди­алек­та­ми и при диа­хро­ни­че­ском ана­ли­зе.

Как уже го­во­ри­лось, пре­ас­пи­ра­ция за­ре­гис­три­ро­ва­на и в во­сточ­но­нор­веж­ских ди­алек­тах. На­и­бо­лее су­щес­вен­ные фак­ты от­но­сят­ся к го­во­ру Се­вер­но­го Гюд­бранс­да­ле­на (Nordre Gudbrandsdalen). Впер­вые гюд­бранс­да­лен­скую пре­ас­пи­ра­цию опи­сал Ю. Сторм (Storm, 1908), и его опи­сание до сих пор оста­ет­ся на­и­луч­шим (ср. е­ще: Ross, 1908).

Ю. Сторм со­об­ща­ет, что пре­ас­пи­ра­ция («глу­хой глас­ный», об­оз­на­ча­е­мый им че­рез над­стро­чное h) по­яв­ля­ет­ся в том слу­чае, ко­гда ор­га­ны ре­чи со­хра­ня­ют свой уклад, а го­лос пер­ста­ет звучать. Об­ра­зу­ю­щи­йся та­ким об­ра­зом глу­хой вы­дох на­по­ми­на­ет сла­бое [h]. Ю. Сторм при­во­дит та­кие при­ме­ры: [gɔ^htt] 'хо­ро­шо', [la^hkkə] 'бла­го­дарить', [la^hpp] 'за­тыч­ка', [do^htter] 'до­чь' (Storm, 1908, стр. 150). Ка­са­ясь чи­сто фо­не­ти­че­ской сто­ро­ны де­ла, Ю. Сторм в­но­сле­д­ствии от­ме­чал, что в од­них го­во­рах Се­вер­но­го Гюд­бранс­да­ле­на пре­ас­пи­ра­ция слы­ши­ма яс­но, в дру­гих — до­воль­но яс­но (хо­тя и ва­ри­и­ру­ет от сло­ва к сло­ву), ино­гда она звучит сла­бо, а ино­гда да­же по­чти не­за­мет­на (Storm, 1920, стр. 59). Та­к­же и М. Оф­те­дал на­хо­дил, что пре­ас­пи­ра­ция в го­во­ре Во­го (Vågå) мно­го силь­нее, чем в Е­ре­не (Oftedal, 1947, стр. 232).

Ю. Сторм ука­зы­ва­ет, что в Се­вер­ном Гюд­бранс­да­ле­не со­хра­ни­лись крат­кие од­но­сло­ж­ные сло­ва и воз­мож­ны про­ти­во­пос­тав­ле­ния в­ро­де [lât] ~ [lâ:t]. Но про­ти­во­пос­тав­ле­ния ти­па [let] 'це­вет' ~ [leht] 'ле­гкий' осу­щес­т­в­ля­ют­ся не толь­ко за счет дол­го­ты ко­неч­ных со­глас­ных: во­пер­вых, в [leht] есть «глу­хой глас­ный», а в [let] он от­сут­ст­вует, во­вто­рых, на­сколь­ко мож­но су­дить по од­но­му вы­ска­зы­ва­нию Ю. Стор­ма, ко­неч­ные со­глас­ные в сло­вах ти­па [let] сла­бые, а в сло­вах ти­па [leht] силь­ные. Во вся­ком

случае, Ю. Сторм пишет (Storm, 1908, стр. 60, прим. 2), что конечные простые [p t k] звучат на нетренированный слух почти как [b d g], хотя они на самом деле глухие. Преаспирация (т. е. «глухой гласный») вытесняет, по мнению Ю. Сторма, первую часть долгого согласного и тем способствует более четкому противопоставлению кратких и долгих слогов (там же, стр. 150).

Как видим, в Северном Гюдбрансдалене преаспирация известна в тех же позициях, что и в исландском: между кратким гласным и исконной глухой геминатой. Но существенны и различия между исландским и восточнонорвежским образцами. Преаспирированные согласные в исландском всегда слабые, в Гюдбрансдалене это, видимо, не так; в восточнонорвежском сохранились краткие ударные слоги и господствует система двух слоговых акцентов (акц. I и II), в исландском краткие ударные слоги не допускаются и акценты норвежского типа не засвидетельствованы; в исландском преаспирация — это релевантный слоговой акцент, в Гюдбрансдалене — избыточный показатель стыка.

В заключение этого параграфа мы обратимся к преаспирации в двух островных говорах, а именно в говорах островов Сенья (Senja, на юге Трёмсё) и Гимсёй (Gimsøy, Лафотены). Эти говоры описаны Р. Иверсенем (Iversen, 1913) и Г. Кристиансен (Christiansen, 1933). Оба исследователя упоминают не только обычные слоговые акценты, но и особый придыхательный циркумфлекс. О придыхательном циркумфлексе по материалам Р. Иверсена и Г. Кристиансен подробно рассказывает в своей книге С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 66—67); тем не менее мы позволим себе еще раз остановиться на этих фактах.

Р. Иверсен сообщает (Iversen, 1913, § 27), что в районе северозападных фьордов о. Сенья существует слоговой акцент, вершина которого сосредоточена скорее всего непосредственно перед глухим взрывным, и приводит в качестве примеров слова [my'kke] 'много' и [bak'ken] 'склон' (опр. ф.) (транскрипции нормализованы). Обращает на себя внимание, что, во-первых, акцент, упомянутый Р. Иверсенем, встречается в тех же позиционных условиях, что и исландская преаспирация (т. е. между кратким гласным и глухой геминатой), и что, во-вторых, этот акцент хотя и не является придыхательным, кое-чем напоминает исландскую преаспирацию. Вспомним, что, по С. Эйнарссону, исландский акцент «падает, скорее, на последнюю часть гласного или даже на следующий за ним согласный» (Einarsson, 1927, стр. 124—125). Фактически, С. Эйнарссон сообщает об исландской преаспирации нечто очень близкое тому, что рассказывает об акценте слов [my'kke], [bak'ken] Р. Иверсен.

Однако еще интересней следующие сведения о говоре о. Сенья. Речь старшего поколения этого острова слова типа [bakken] может иметь двухвершинный акцент, реализующийся таким образом: вначале происходит динамическое усиление, которое длится

примерно до середины гласного, затем слышно ослабление, сопряженное с оглушением отступа гласного, после чего наступает новое усиление воздушной струи, сопровождаемое придыхательным переходом к смычному, причем именно на последней стадии сила выдоха достигает своей кульминации (Iversen, 1913, § 27). Это описание двухвершинного придыхательного акцента напоминает описания исландской преаспирации вплоть до деталей (ср. выдержки из К. Мэлоуна и С. Эйнарссона, приведенные в предыдущей главе, стр. 49). Но двухвершинность исландской преаспирации отнюдь не очевидна. На осциллограммах и спектрограммах исландских слов нельзя увидеть спада, подъема и нового спада интенсивности или резкого подъема, выдержки («торможения») и спада, как это происходит с датским толчком в полной форме (Smith, 1944, стр. 31). Чередования фаз интенсивности не видно даже при сравнении исландских слов, произнесенных в нормальном и замедленном темпе. Тем ценнее наблюдение Р. Иверсена, что преаспиративный акцент может быть двухвершинным. Параллелизм в реализации преаспиративного и обычного толчка разителен: оба могут иметь полный (двухвершинный) вариант и редуцированный (одновершинный). Характерен и тот факт, что в одних и тех же словах, но в речи разных людей встречаются два вида кратковокалических акцентов: непридыхательный и придыхательный. Здесь отсутствует та грань, которая, на первый взгляд, столь четко отделяет датский толчок от преаспиративного толчка исландского типа и сохранению которой способствует строгая географическая закреплённость толчка за одними германскими диалектами, а преаспирации — за другими. В говоре о. Сенья один вид акцента вытесняет другой на глазах у исследователя.

Двухвершинный придыхательный акцент зарегистрирован, как говорилось выше, еще на о. Гимсёй. Г. Кристиансен, описавшая диалект острова Гимсёй, сама указала на близость замеченного ею акцента к тому, о котором рассказал в своей работе Р. Иверсен (Christiansen, 1933, § 138). Придыхательный акцент встречается в самых отдаленных районах о. Гимсёй. Но даже в тех немногочисленных случаях, когда Г. Кристиансен слышала этот акцент, он был зарегистрирован ею только в слогах, непосредственно предшествующих паузе. Г. Кристиансен пишет, что акустически он напоминает датский толчок. При произнесении гласного начального слога голос обрывается из-за внезапной смычки голосовой щели. Затем щель раскрывается снова и при этом так сильно, что связки перестают вибрировать, а воздух, скопившийся во время смычки, выталкивается наружу с [h]-образным придыханием. Если слово оканчивается на слогообразующий носовой сонант, как например [bã'tn] 'лодка' (опр. ф.), голосовая щель также смыкается уже после того, как открылся проход в полость носа, отчего придыхание получает почти вокалический характер.

Описание Г. Кристиансен ценно тем же, чем и описание Р. Иверсена. Интересно здесь и то, что двухвершинность придыхательного акцента на о. Гимсёй выражена не очень четко (ср. фразу Г. Кристиансен: «Этот двухвершинный акцент, если данное явление может быть так названо. . .»), и то, что типично придыхательный акцент акустически напоминает датский толчок.

Можно лишь пожалеть, что сведения о придыхательном акценте норвежских островных говоров так скудны и что мы не имеем возможности составить себе более ясную картину распространения и функций двухвершинной преаспирации.

§ 6. Кратковокалический толчок в датских диалектах

Как мы пытались доказать в предыдущей главе, исландская преаспирация — это вариант кратковокалического толчка. В современном исландском преаспирация закреплена перед старыми глухими геминатами. Однако материал фарерского, шведского и норвежского языков ясно показывает, что, хотя исландская модель встречается и за пределами Исландии, преаспирация в других языках не связана кратковокалическим базисом и глухостью базисного согласного. Тем не менее исландская дистрибуция толчка никак не может считаться случайной или нехарактерной. Доказательство тому — дистрибуция кратковокалических толчков в датских говорах. Наиболее показателен и существен для нас материал западноютского диалекта.

Как известно, в западноютском диалекте различают два вида толчка: общедатский, который употребляется примерно по тем же правилам, что и в литературном языке, и специфический западноютский, встречающийся на кратких гласных перед старыми глухими /p t k/ при условии, что эти /p t k/ не являются исконно конечными. О западноютском толчке существует обширная литература. Датский диалектолог К. Ринггор в недавней монографии (Ringgaard, 1960) обобщил результаты предшествующих исследований, описал западноютский толчок фонетически, фонологически и дистрибутивно и предложил свою гипотезу его происхождения. Данными К. Ринггора широко воспользовался С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 141—147, 188—189), и нам не зачем подробно обсуждать их еще раз. Поэтому остановимся на вопросе о западноютском толчке очень бегло и лишь в той мере, в какой это будет впоследствии необходимо нам для понимания преаспирации.

Западноютский толчок встречается в ударных слогах аноконичных слов почти исключительно перед /p t k/ и падает либо на предшествующий шумному гласный, либо на сонорный: ср. [hɑ'd] 'щляны' (hatte), [sdɔ'g] 'палки' (stokke), [kjæ'b] 'палки' (kærpe), [hwal'b] 'щенки' (hvalpe), [sdɔr'g] 'аисты' (storke), [sgar'b] 'острый' (слабая форма), 'острые' (skarpe) (анострофом обозначен

западноюютский толчок, в скобках даны соответствующие формы литературного языка). Западноюютский толчок выполняет большую смысловую нагрузку; в частности, все приведенные выше слова могут употребляться и без толчка, и тогда это будут формы единственного числа, соответствующие литературным *hat, stok, kæp, hvalp, stork, skarp*.

Минимальных пар на противопоставление самих толчков К. Ринггору почти не удалось найти, и в более поздней специальной статье он приводит лишь два примера: [be't] 'платить штраф' (карточный термин, литерат. *bet*) ~ [be,t] 'малая часть чего-то' (литерат. *bittle*) и [sga't] 'скат' (карточная игра) ~ [sga,t] 'платить налоги' (литерат. *skatte*) (Ringgaard, 1962, стр. 204).

В наиболее общем виде правило дистрибуции западноюютского толчка гласит, что он возможен в ударном слоге апокопированных слов перед исконно сильными согласными. Термин «сильный согласный» требует многосторонних разъяснений, но мы пока ограничимся лишь самыми основными, связанными с историей датского языка. В древнедатском /b d g/, стоявшие в начале и середине слова после согласного, отпадали или ассимилировались, а поствокальные /p t k/ переходили в /b d g/ и впоследствии в гоморганные спиранты. Согласные, подвергшиеся ассимиляции и перебою, принято определять как слабые. В противоположность этим согласным геминаты /pp tt kk/ и постсонорные /p t k/, которые не подверглись изменениям в древнедатском, определяются как сильные. Только перед старыми сильными и возможен западноюютский толчок, но при условии, что слово подверглось апокопе. В исконно односложных словах с исходом на сильный согласный западноюютского толчка нет.

В разных районах западноюютский толчок имеет не совсем одинаковую дистрибуцию. В некоторых говорах он не встречается на гласных, но возможен после сонорного, в других — наоборот, возможен после гласного, но не встречается после сонанта. Иногда ограничивается число сонантических групп, допускающих толчок (например, на /rk/, /rp/ и /jt/ < kt, но не на /rt/) (Ringgaard, 1960, стр. 35, 39, 47). Кроме того, западноюютский толчок может эпизодически встречаться и в исконно односложных словах перед старыми /bb/ и /gg/: [æ'g] 'яйцо' (др.-исл. *egg*), [væ'g] 'стена' (др.-исл. *veggr*), [sgæ'g] 'борода' (др.-исл. *skegg*), [by'g] 'ячмень' (др.-исл. *bygg*), [rø'g] 'рожь' (др.-исл. *rugr*; но: др.-сакс. *roggo*), [ho'g] 'удар' (др.-исл. *hogg*), [pi'g] 'пшеница' (ср. др.-нш. *rigger*), [ne'b] 'клюв' (др.-исл. *nef*; но: др.-англ. *nebb*). В формах склонения все эти слова не имеют западноюютского толчка, а смычным /b g/ соответствуют гоморганные щелевые (там же, стр. 13). Звонкие /b g/ < /bb gg/ подходят под случай исторически сильных согласных; труднее истолковать появление западноюютского толчка в некоторых словах перед /g/ < /k/ (сам К. Ринггор предполагает в них влияние аналогии).

Фонетическая характеристика западноютского толчка такова. Гласные и согласные ведут себя под западноютским толчком совершенно одинаково, а именно очень незначительно удлиняются. Смычные, которым предшествует этот толчок, укорачиваются и не смеют, по К. Ринггору, никакой аспирации, так что сильными они могут быть названы лишь этимологически.²⁷ Под западноютским толчком гласный примыкает к последующему согласному слабо. Исход подакцентного гласного характеризуется полной неподвижностью органов речи. Вялость исхода гласного и слабость смычного приводят к тому, что смычный звучит неопределенно, /p t k/ после толчка нередко оказываются взаимозаменяемыми или исчезают вовсе. Э. Енсен (E. Jensen, 1949, стр. 31—34) считает даже, что после западноютского толчка вообще не слышно никакого смычного: звучит толчок и вслед за тем сразу гласный. При этом говорящие уже не могут определить, что именно выпало. Среди прочих слов Э. Енсен услышала географическое название [ka'pə,fals] (анострофом обозначен западноютский толчок) и спросила, пишется ли оно через *p*. Ее собеседница ответила, что так будто лучше писать это слово через *t* и обратилась за помощью к сестре. Та предложила *k* (!). Уже в XIX в. К. Й. Лjungby (K. J. Lyngby) зафиксировал название [åteəby]. Э. Енсен объясняет, что имелось в виду Orreby, но что К. Й. Лjungby мог слышать, самое большее, [ɔ'əby].

Западноютский толчок реализуется при полной смычке гортани. Смыкаются и голосовые, и ложные связки, причем голосовые связки остаются в сомкнутом состоянии вплоть до самого конца произнесения согласного. Во время произнесения западноютского толчка подсвязочное давление не только не увеличивается, но даже падает. Спад давления вызывается опусканием диафрагмы и расширением грудной клетки. К. Ринггор считает, что именно поэтому полная смычка в гортани не приводит к скоплению воздуха и аспирации поствокальных смычных.

Можно, видимо, предполагать, что не только в западноютском, но и всегда «скрипучий голос» (creaky voice, Knarrstimme) связан с полным смыканием голосовых связок. Такой вывод следует, как мне кажется, из работы И. Фонадя (Fónagy, 1962, стр. 210, 212, 215).

Западноютский толчок, как сказано, сосуществует в западноютском диалекте с общедатским толчком. С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 188—189) со ссылкой на К. Ринггора пишет, что фонетически западноютский толчок отличается от общедатского как двухвершинный смычногортанный от одновершинного сжатогортанного. Однако К. Ринггор нигде не говорит

Впрочем, Б. Ю. Нильсен, исследовавший звуковую систему в говорах Фюльде-Бьерре (полуостров на юго-востоке Ютландии, лингвистически близок Западной Ютландии), не обнаружил дезаспирации смычных, следующих за западноютским толчком (B. J. Nielsen, 1968, стр. 32, прим. 1).

о двухвершинности западноютского толчка; напротив, он замечает, что *общедатский* толчок в западноютском диалекте характеризуется ослаблением, а затем усилением амплитуды, хотя тут же добавляет, что общедатский толчок произносится в западноютском точно так же, как в литературном языке (Ringgaard, 1960, стр. 72).

В своей оценке западноютского толчка как двухвершинного С. Д. Кацнельсон исходил не из прямых высказываний фонетистов, а из косвенных свидетельств. Для него было существенно, что именно под западноютским толчком наблюдается слабое примыкание гласного к согласному и что этот толчок вызывает смычку в гортани: и то, и другое говорит о силе самого толчка. Но нельзя не учитывать, что данные о способе примыкания и о работе голосовых связок никогда не могут быть истолкованы совершенно однозначно. Например, по С. Смигу, исследовавшему слоговую акцентуацию литературного датского языка, в словах с вокалическим толчком имеет место плавное примыкание, а с консонантным — резкое (Smith, 1944, стр. 118). Но это различие не соответствует различию между двухвершинным (трехфазовым) и одновершинным (двух- или однофазовым) толчком (первая фаза толчка — это отрезок с ровным движением амплитуды, вторая фаза — ослабление амплитуды, третья — новое усиление). Просто при плавном примыкании согласный замыкает гласный после второй фазы толчка (или во время этой фазы), а при резком — сразу после первой. Другими словами, разница в видах примыкания осуществляется в рамках одновершинного толчка и состоит не в том, что один толчок короче другого, а в том, что на какой-то стадии толчка начинается артикуляция согласного. Кроме того, в соответствии с результатами С. Смига толчок в литературном датском — это прежде всего акцент сжатия (ср., например: Smith, 1944, стр. 61); тем не менее этот толчок может быть и двухвершинным (трехфазовым) и одновершинным (двух- или однофазовым). Мы видели, что даже преаспирация, самый слабый вариант толчка, может быть двухвершинной (в архаичных норвежских говорах).

Насколько позволяет судить книга К. Ринггора, сам он ограничивал западноютский толчок от общедатского по способу примыкания и по тому, что после общедатского толчка согласный не теряет придыхания и произносится энергичнее, чем после западноютского, т. е. разграничивал их по довольно зыбким критериям. Однако то обстоятельство, что оба толчка без труда различаются на слух, не вызывает сомнения.

Таким образом, единственное доказательство двухвершинности западноютского толчка состоит, видимо, в том, что западноютский толчок — это акцент апокопированных слов, а апокопа генетически связана с двухвершинными акцентами (ср.: Кацнельсон 1966, стр. 103—104, где он следует за Т. Фрингсом).

Для сравнения с испанскими западноюжскими факты необычайно важны. Перед нами толчковый аналог преаспирации, о котором известно, что он, как и преаспирация, связан с исторически сильными согласными, подвергшимися впоследствии ослаблению, что он, хотя и эпизодически, встречается перед старыми звонкими геминатами и что он может падать не только на гласный, но и на сонорный, оказывая на них совершенно одинаковое воздействие.

Интенсивный кратковокалический толчок встречается также на территории Зеландии (Sjælland). Сведения об этом толчке есть у О. Хансена (Hansen, 1943) и у Э. Кромана (Kroman, 1947), и именно их данными пользовался С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 138—139). Недавно вышла монография с подробным описанием зеландской акцентуации (Ejlskjær, 1967). Зеландский толчок тяготеет к двусложным словам с исходом на сонант и имеет очень малую функциональную нагрузку. Для нас существенно, что зеландский толчок падает на краткий гласный, стоящий перед *p t k s f*/, а эти шумные, как смычные, так и щелевые, чаще всего восходят к древнедатским геминатам.

§ 7. «Орализация» толчка и общий взгляд на скандинавские резкие акценты

В 1899 г. М. Кристенсен опубликовал статью о датских акцентах (Kristensen, 1899), в которой доказывал, что толчок имеет динамическую природу. Правда, М. Кристенсен еще не был совершенно последователен: считая толчок усилением слога, он все же называл его ларингальным смычным, т. е. не отказался окончательно от взгляда на толчок как на согласный (ср. по этому поводу: Н. Pedersen, 1942, стр. 112). Одним из аргументов в пользу предложенной М. Кристенсеном динамической теории толчка было то, что толчок может «орализоваться». Суть орализации состоит в дифтонгическом произношении долгих узких гласных *ū, ū, ī* под толчком и в довольно регулярной консонантизации в них глайдов, т. е. в превращении этих гласных соответственно в *uw, uu, ij* и т. п. Под толчком такие дифтонги сокращаются, и смычка (т. е. сам толчок), как полагал М. Кристенсен, перемещается из гортани в ротовую полость. Условием орализации ларингальной смычки является, по М. Кристенсену, максимальное сближение языка с нёбом, при котором образуется консонантный шум. М. Кристенсен приводит ряд форм из говоров Ютландии такого типа, как *muk's* 'мышь' (*mus*), *sij* 'сторона' (*side*), *lyj* 'слушаться' (*lyde*), *kluw* 'тряпки' (*klude*), *bic* 'пчела' (*bi*), *tic* 'время' (*tid*), *vis* 'определенный' (*vis*), *buc* 'город' (*by*), *lys* 'звук' (*lyd*), *lycs* 'свет' (*lys*), *ruk* 'грубый' (*ru*), *kluk* 'тряпка' (*klud*), *hucs* 'дом' (*hus*), *fric* 'свободный' (*fri*), *uc* 'из, вон' (*ud*), *bruc* 'невеста' (*brud*),

gruc 'гравий' (gruc < grūt), hus 'кожа, шкура' (hud) (Kristensen 1899, стр. 65—67).

Со времен М. Кристенсена орализованные толчки обсуждались много раз. Наиболее существенной работой по этому вопросу, в значительной мере определившей ход всех последующих исследований, была статья П. Ёргенсена (Jørgensen, 1927). Статья ввела в обиход общеупотребительный сейчас в датской диалектологии термин klusilspring («перескок смычного»). Klusilspring для П. Ёргенсена — это любой переход типа $g > d$. Толчок, как он полагал, представляет собой такой же смычный, как [k] или [g], но только не в полости рта, а в гортани. Он привел ряд примеров орализованного толчка в исходе слова, перед /l n/, перед /ə/ < /ær/ и перед /s x/. Кое-где толчок орализован в речи всех жителей того или иного местечка, но иногда klusilspring наблюдается лишь в речи стариков. Из своих наблюдений П. Ёргенсен сделал вывод, что формы с орализованным толчком могут быть старше, чем формы с толчком. «Заманчиво предположить, — писал он в заключение своей статьи, — что «klusilspring» это вовсе не перескок толчка в ротовую полость [. . .] а что эти слова [т. е. слова с klusilspring] никогда не имели толчка: когда акцент I превратился в толчок, некоторые слова с вполне определенной фонетической структурой получили не толчок, а ротовую смычку, которая только в наше время вытесняется толчком» (Jørgensen, 1927, стр. 136, курсив автора).²⁸

Мысль о позднем происхождении толчка из акц. I шведско-норвежского типа принадлежит не П. Ёргенсену. Ее в различных вариантах высказывали Г. Суит (Sweet, 1873—1874, стр. 99), К. Вернер (Verner, 1881) и Д. Джоунз (Jones, 1906). Основное в работе П. Ёргенсена (что именно и дало импульс ряду дальнейших исследований) — это его гипотеза о двойной возможности развития акц. I: либо в гортанную смычку, либо в ротовую.

Следующий важный этап в изучении орализации — статья П. Скаутрупа (Skautrup, 1928), в которой впервые показано, что klusilspring возможен не только после закрытых гласных i, ū, ū̄, но и после ē, ǫ, а также после «дифтонгов», состоящих из гласного и шумного (например, vogn 'повозка' может произноситься [ug^w(ə)n]). П. Скаутруп привел ряд форм XVI—XVII вв., в которых он усматривал орализованный толчок, и объяснил рефлексы за-

²⁸ Спустя почти сорок лет П. Ёргенсен вернулся к вопросу об орализации толчка. Сейчас он различает диалекты типа западношлезвигского, в которых есть толчок и в которых, следовательно, толчок и klusilspring суть реализации одного и того же явления, и диалекты, в которых вовсе нет толчка и в которых klusilspring — просто паразитический согласный, а не эпентеза толчкового характера. Впрочем, П. Ёргенсен допускает, что во второй группе диалектов слова с эпентезой могут быть заимствованы из соседних говоров, где klusilspring ограничен. (Работа П. Ёргенсена опубликована в 1965 г., но мне известна лишь в пересказе П. Андерсена: Andersen, 1968, стр. 347.)

кона Хольмдана (скандинавские gggj, ggw, готские ddj, ggw из общегерманских -jj-, -ww-) как древнейшие случаи орализации толчка (Skautrup, 1928, стр. 32—35). П. Скаутруп уже пользуется в своей статье термином klusilspring; правда, впоследствии (Skautrup, 1931—1932, стр. 109) он высказался о гипотезе П. Ёргенсена как о сомнительной. На примере говоров о. Рёмё (Rømø) П. Скаутруп пояснял, что видит три варианта решения того, как произошел klusilspring: 1) в этих говорах когда-то был толчок, и klusilspring — его пережиток, 2) klusilspring не восходит к толчку, а параллелен ему (гипотеза П. Ёргенсена), 3) klusilspring занесен с континента и обязан своим происхождением аналогии и т. п. процессам. Первый вариант решения П. Скаутруп считал вероятным, второй — почти исключенным, третий же — наиболее обоснованным.

Однако в противоположность П. Скаутрупу другие датские диалектологи, интересующиеся акцентуацией в западноютских и восточношлезвигских говорах, цитируют П. Ёргенсена весьма сочувственно и, как правило, находят все новые доводы в пользу его гипотезы. Гипотеза получила безоговорочную поддержку Х. Педерсена (H. Pedersen, 1942, стр. 116—118) и разрабатывалась его учениками, выводы которых заметно перекликаются с его собственными (ср.: Fischer-Jørgensen, 1949, стр. 106).

Так, Г. Ниссен (Nissen, 1943, стр. 113—119) доказывает независимость эпентетической смычки от древнего толчка тем, что в диалекте о. Рёмё эпентеза встречается в словах с акц. II, и тем, что указанная эпентеза не обязательно смычный, а очень часто щелевой согласный или сонант (в исходе всегда смычный, а в середине слова звук, зависящий от своего окружения и колеблющийся от палатализованного спираанта до заднеязычного носового [ŋ]). Но Г. Ниссен не только поддерживает П. Ёргенсена, но и существенно видоизменяет его гипотезу. По ее мнению, эпентезы (klusilspring) это вообще не рефлексы акцентов, а результат дальнейшего сужения закрытых гласных, которым в принципе свойственно дифтонгическое произношение, и поэтому нет ничего удивительного в эпизодическом превращении глайдов в смычные. Надо сказать, что здесь Г. Ниссен отходит не только от П. Ёргенсена, но и от Х. Педерсена, который не признавал «орализаций», т. е. веляризаций ларингального толчка, но тем не менее считал, что klusilspring возник как следствие акцентных отношений.

Весьма энергично поддержал П. Ёргенсена один из крупнейших датских диалектологов П. Андерсен (Andersen, 1955). Он тоже считает, что паразитический согласный это не орализованный толчок, а явление ему параллельное, поскольку эпентезы встречаются в диалектах, вообще не имеющих толчка, или в двухсложных словах (в которых, по мысли П. Андерсена, толчка никогда не было); кроме того, в словах с эпентезой толчок не обязателен даже в тех диалектах, где он существует. Развивая идею Г. Нис-

сен о происхождении эпентез из глайдов узких дифтонгов, он говорит, что там, где в исходе дифтонга рано появилась глухая смычка, толчок не образовался, там же, где этого не произошло, толчок появился.

Особый интерес представляют поздние исследования Г. Ниссен (Nielsen, 1949, 1959).²⁹ Из них мы узнаем, что в диалекте о. Рёмё нет толчка, а существует акц. I (в исконно односложных словах) и акц. II (в исконно двусложных). Однако Г. Ниссен различает две разновидности акц. II: иногда акц. II произносится с падающе-восходящей интонацией, а иногда только с падающей, но это падение не такое резкое, как в акц. I. Следовательно, по Г. Ниссен, разновидности акц. II отличаются друг от друга музыкально, а акц. II в целом от акц. I — динамически. Такое описание трудно интерпретировать с акцентологической точки зрения, но, как хорошо известно, основная сложность в анализе скандинавских акцентов именно в том и состоит, что динамические характеристики тесно переплетены в них с музыкальными. Самое поразительное, что дистрибуция эпентез в диалекте о. Рёмё связана и с противопоставлением акцента I акценту II, и с противопоставлением друг другу обоих видов плавного акцента. Так, слова с конечной смычкой (например, [flug] 'муха', литерат. flue) произносятся с музыкальной кривой второй разновидности акц. II (падение тона без подъема), слова же с серединной эпентезой подчиняются общим закономерностям; но с музыкальной точки зрения все слова с паразитической смычкой часто произносятся по образцу акц. II.

Таковы основные сведения, которыми мы располагаем об орализации толчка (сведения о распространении klusilspring в датских диалектах см.: Andersen, 1954, стр. 30 и сл., а подробную библиографию вопроса — Andersen, 1955).

Датский klusilspring представляет большой интерес для общей теории скандинавских и германских акцентов. Изучение западноюютских и восточношлезвигских эпентез особенно ясно показывает, как нечетка грань между образованием толчкового типа и согласным. На современном этапе резкий акцент германских языков — это не обязательно ларингал. Динамическое усиление может реализоваться в любой части речевого аппарата: от ларинкса до губ. В описании орализованных толчков и преаспирации фонетисты постоянно указывают на наличие самых разных смычных, щелевых и даже аффрикат. Взятое отдельно, западноюютское слово bic 'пчела' (литерат. bi) состоит из трех фонем, а еренское voft 'рукавица' (литерат. vott) — из четырех, хотя на общем фоне просодических отношений этих диалектов паразитические вставки в bi и vott, может быть, следует интерпретировать как толчки. Но просодическая интерпретация подобных эпентез не

²⁹ Нильсен — фамилия Гуцхильд Ниссен по мужу.

очевидна, и связь вставок с акцентами раскрывается в общем только в исторической перспективе.

Сложный вопрос состоит в том, были ли эпентезы, встречающиеся в современных германских диалектах, когда-нибудь ларингальными толчками. М. Кристенсен считал, что паразитические вставки — это этимологические толчки, орализованные в процессе развития языков. Той же точки зрения придерживается С. Д. Кацнельсон, по мнению которого (Кацнельсон, 1966, стр. 146—147, 166) орализации толчка (т. е. перемещению смычки в ротовую полость) способствовало одновершинное его произношение. С. Д. Кацнельсон рассматривает почти исключительно историю долгих гласных *i*, *ū*, *ȳ*, и взгляд на эпентезы как на рефлекс ларингальной смычки связан у него с реконструкцией одновершинного толчка на всех древнескандинавских узких долготях (там же, стр. 192—195, 198—199). Рефлексы закона Хольцмана (т. е. процессы на кратковокалических корнях) не исследуются им, хотя он и рассматривает вслед за П. Скаутрупом (и Х. Педерсеном) лабиальные и палатализованные геминаты, возникшие по закону Хольцмана, как наиболее древние следы орализованного толчка. Можно было бы добавить, что если признать орализованные толчки, то *смычные* эпентезы должны были бы рассматриваться как рефлексы смычногортанного (например, западноютского) толчка, в то время как *фрикативные* вставки восходят, видимо, к сжато-гортанному или аспирированному толчку.

Но, как мы видели, в датской диалектологии со времен П. Ёргенсена утвердилось мнение о независимости эпентез от толчка. При этом более умеренная точка зрения (ее придерживался сам П. Ёргенсен, а впоследствии Х. Педерсен) состоит в том, что эпентеза — это все-таки рефлекс резкого акцента, но не толчкового типа; другая же точка зрения (Г. Ниссен, П. Андерсен) заключается в полном отрицании просодической природы эпентез.

Несмотря на возражения Г. Ниссен и П. Андерсена, связь эпентез с просодикой можно, видимо, считать установленной. Б. Сёнергор, обследовавший орализацию в ютском говоре морнинг, подчеркнул большое дистрибутивное сходство между паразитической смычкой и толчком (оба требуют ударности и долгого гласного, оба тяготеют к звонкостному базису). Кроме того, Б. Сёнергор заметил, что *klusilspring* свойствен скорее эмфатическому произношению, чем нейтральному (Søndergaard, 1970, стр. 66), а, как мы не раз говорили, именно для акцентов характерна функция специальных выразителей эмфазы. Б. Сёнергор считает, что ни одна гипотеза происхождения ютских эпентез не преодолевает всех трудностей, но что к тем говорам, где эпентезы возможны только после закрытых гласных, гипотеза Г. Ниссен вполне применима.

На самом же деле мысль о том, что эпентезы обязаны своим происхождением только особенностям артикуляции закрытых гласных, совершенно неубедительна. Долгие закрытые гласные есть во многих языках, и им везде присуща тенденция к образванию глайдов, но далеко не везде эти глайды порождают орализованную смычку. Очевидно, датским дифтонгоидам понадобился для своего развития какой-то дополнительный приток интенсивности (ср.: Søndergaard, 1970, стр. 68). Не заключался ли этот приток в динамическом слоговом усилении?

Заметим еще, что эпентезы это не только скандинавское, но и общегерманское явление; они регулярно сопровождают толчки. На территории распространения рейнских акцентов хорошо известны формы типа *iks* < *is* (*Eis* 'лед'), *tsik* < *zit* (*Zeit* 'время'), *uks* < *us* (*aus* 'из'), *lük* < *liuti* (*Leute* 'люди') и т. п. (ср.: Кацпельсон, 1966, стр. 283—284). Прямой параллелью к датской орализации толчка является так называемая кельнская гуттурализация, т. е. образование паразитических согласных и веляризации переднеязычного носового: ср. [*wiŋ*'] < *win* (*Wein* 'вино'), [*brʊŋ*'] < *brūn* (*braun* 'коричневый'). Формы с веляризованным /n/ обнаруживают, кроме того, сокращение и расширение подакцентных долгих гласных (*win*, *brūn*, *liuti* дали не только [*wiŋ*', *brʊŋ*', *lyk*], но и [*wɛŋ*', *brɔŋ*', *lɔk*]). Веляризация /n/, сокращение долгих гласных и их расширение — это процессы, которые регулярно наблюдаются в живой диалектной речи под влиянием одновосyllного толчка (там же, стр. 283). Датские диалектологи постоянно сравнивают западноютские и кельнские факты (Nissen, 1943, стр. 118; Andersen, 1955, стр. 178; Kunøe, 1967, стр. 101).

Но даже если безоговорочно признать акцентное происхождение эпентез, остаются два вопроса: как объяснить проникновение ютских, плезвигских и рейнских эпентез в современные двусложные слова с плавным акцентом и откуда появились эпентезы в диалектах, не имеющих толчка (например, в говоре о Рёмё).

Начнем с первого вопроса. Датские диалектологи всегда исходили из гипотезы, что современная дистрибуция слоговых акцентов по говорам отражает их исконную дистрибуцию и что односложность толчка восходит к древности. Поэтому появление паразитических согласных в двусложных словах представлялось им решающим доводом против толчковой природы эпентез. Однако, как показал С. Д. Кацпельсон (Кацпельсон, 1966, стр. 113—209), скандинавское правило количества слогов в своем современном виде, скорее всего, сложилось уже после апокопы, т. е. сравнительно поздно. Характерно, что употребление преаспирации ни в одном скандинавском диалекте не зависит от числа слогов в слове. Поэтому эпентеза в двусложном слове в принципе вполне может быть следом древнего толчка. Диалектологи по-

черквивают, что эпентеза встречается не просто в двусложных словах, а в словах современного плавного акцента, и что именно это наиболее поразительно.

Но этот факт кажется исключительным лишь до тех пор, пока мы ограничены материалом датских диалектов. Как мы видели, в шведских и норвежских говорах преаспирация также может сопровождать и односложные слова (с современным акц. I), и двусложные (с современным акц. II). Надо предположить, что путь развития акцентов в указанных диалектах был таков: преаспирация (или толчок) теряла релевантность и становилась избыточным показателем стыка. Будучи иррелевантным, этот стыковой элемент мог терять присущие ему искони динамические свойства и превращаться в паразитический согласный. Так происходила орализация толчков. Как показывает западноютский диалект, на начальной стадии орализации на гласном слышится и толчок, и эпентеза; на последней стадии остается лишь эпентеза: в еренском *voft* уже нельзя фактически обнаружить преаспирации; она только реконструируется сравнительным методом. Впоследствии на диалект типа еренского распространялась система двух акцентов, всегда распределенных по правилу количества слогов. То, что стокгольмская и еренская преаспирация, точно так же как датские эпентезы, не зависит от количества слогов в слове, а употребление релевантных слоговых акцентов в тех же говорах подчинено именно правилу количества слогов, свидетельствует, во-первых, о сравнительно позднем происхождении современной системы акцентов в этих говорах и, во-вторых, о потере древними акцентами всякой просодической функции. Причины, приведшие к дефонологизации старых толчков, пока не ясны, но сам факт утраты релевантности этими толчками и замены их другими акцентами несомненен. Поэтому подчеркнем еще раз, что наличие эпентез в словах нынешнего плавного акцента еще ничего не говорит против просодического происхождения этих эпентез.

Вопрос о том, как возникли эпентезы в диалектах, вообще не имеющих толчка (например, в говоре о. Рёмё), еще сложнее, чем вопрос об эпентезах и преаспирации в словах современного плавного акцента. Датские диалектологи обычно рассуждают так: если в диалекте нет толчка, то, следовательно, эпентезы в них не могут восходить к толчку. Однако эта проблема гораздо шире, чем она представлена в датской диалектологии. Прежде всего необходимо учитывать, как соотносятся между собой толчок и акц. I. Толчок, как говорилось выше, имеет в полной форме три фазы: ровное движение амплитуды, ослабление (или даже исчезновение) амплитуды и новое ее усиление. В редуцированной форме остаются лишь две начальные фазы, а иногда даже одна (первая) (Smith, 1944, стр. 31). Однофазовый толчок это, собственно, и есть акц. I в чистом виде, т. е. слоговой акцент, в ми-

нимальной степени осложненный мелодическими характеристиками (Andersen, 1958, стр. 66—67).

Характерно, что скапдинавские исследователи постоянно отмечают акустическое сходство между акц. I и толчком. Например, Ю. Сторм считал, что в произношении жителей г. Кристиансанда (Норвегия) акц. I несколько напоминает датский толчок, так как голос в какой-то момент получает внезапное усиление (но без дальнейшего резкого ослабления). По описанию Э. Му (Е. Мо), прерывистый акцент односложных слов тоже может несколько напоминать датский толчок: это происходит в тех случаях, когда акцент расщепляет гласный на две части посредством гортанного взрыва. А. Б. Ларсен характеризует акц. I в норвежских говорах Верхнего Мандала и повсеместно в округе Листера как акцент типа слабого толчка. Акц. I эрёйско-лангеланских говоров (Дания) тоже сопоставим с толчком, ибо оба они ведут к укорочению ударного слога (Е. Кроган; сводка дана по: Кацнельсон, 1966, стр. 25, 58, 105, 116, 148, 165). Рейнский толчок (Schärfung) тоже как будто напоминает скандинавский акц. I — в районе Клеве, по В. Вельтеру (там же, стр. 220). Добавим еще, что и преаспирация напоминает и акц. I, и толчок (о чем подробно см. на стр. 49, 82, 96). При этом в некоторых говорах не только преаспирация, но и толчок может иметь столь слабую реализацию, что жители соседних районов никакого акцента не слышат (таков, в частности, восточнофюнский толчок — Andersen, 1958, стр. 34).

Если считать, что эпентеза — это перенос в полость рта гортанного напряжения, то вполне можно представить себе орализацию как трехфазового (или двухфазового) резкого акцента, так и однофазового (акц. I). В принципе любой резкий акцент — это усиление работы ларинкса и любой может быть орализован. Однако реальная обстановка в скандинавских диалектах много сложнее, чем можно было бы ожидать из схемы взаимоотношений толчка и акц. I. Так, в Вемдалене релевантны и преаспирация (по происхождению — придыхательный толчок), и два акцента: первый и второй, но преаспирация утратила свои толчковые функции. В Стокгольме и Ерене преаспирация выполняет роль избыточной эпентезы, а просодически релевантны только акц. I и II (однофазовые акценты, осложненные музыкальными характеристиками). В говоре Рёмё эпентезами служат различные смычные, а релевантны, как в Стокгольме и Ерене, акц. I и II. В западноюотском эпентезы реализуются в виде смычных и щелевых, а релевантны два вида толчка (западноюотский и общедатский), сложным образом противопоставленные отсутствию толчка.

Проще всего предположить, что в Стокгольме и Ерене старые акцентные оппозиции были дефонологизованы, после чего на эти говоры распространилась норма соседних диалектов с их системой двух акцентов. Подтверждением подобной гипотезы

тезы мог бы послужить прежде всего чёкарский диалект. В этом диалекте преаспирация почти утратила релевантность, но при отсутствии инодиалектального окружения в нем не появилось никаких новых акцентных систем. Аналогично не приобрели однофазовых акцентов шведско-норвежского типа исландский и фарерский, в которых преаспирация не утратила своих акцентных функций (как это, например, случилось в херьедаленских говорах), но которые также не подверглись влиянию соседних диалектов. Однако такая гипотеза предполагает, что диалекты соседние с херьедаленскими или ютскими никогда не имели систем типа херьедаленских и ютских, хотя более вероятно обратное, т. е. что именно в Херьедалене, Западной Ютландии и Восточном Шлезвиге сохранились реликты древних просодических систем, утраченные на территории соседних областей. Кроме того, не ясно, откуда могли заимствовать систему двух акцентов говоры о. Рёмё. Если же акц. I и II в говорах Рёмё восходят к прошлым эпохам, то для истолкования восточношлезвигских эпентез надо предположить, что там все же когда-то был либо толчок, либо какой-нибудь другой резкий акцент, рефлексом которого они являются. И это предположение наиболее правдоподобно. Но был ли тот акцент, следом которого служат современные эпентезы, именно гортанным или он всегда реализовался в полости рта, сказать невозможно. Очевидна лишь связь этих эпентез со слоговой акцентуацией, и очевидно еще, как говорилось в самом начале, что с точки зрения современных германских языков незачем настаивать на ларингальном характере всякого резкого акцента.

В заключение следует сказать, что далеко не всякая эпентеза обязательно акцентного происхождения. Как и во всех случаях, когда некие фонематические явления принимаются за следы древних акцентов, перед нами лишь гипотеза, требующая широкой проверки. Даже в отношении паразитических вставок на закрытых долгих гласных возможны, как мы видели, спорные моменты, несмотря на довольно однозначные показания датских и рейнских диалектов. Например, предметом специальной дискуссии послужили в свое время шведские формы типа *namrp* (литерат. *namr* 'имя'). А. Кокк (Cock, 1900, стр. 258) видел во вставном [r] след толчка. О. Есперсен же (Jespersen, 1913, стр. 31) считал, что акцентуация в данном случае ни при чем. Он также не усматривал никаких акцентологических корней в американском произношении слова *yes* 'да' как [jɛr]. Подобные вопросы всегда остаются дискуссионными, ибо связь фонематики с просодикой может обнаружиться лишь на широком фоне самых разнообразных отношений, а не при анализе тех или иных случайно выбранных форм.

ИСТОРИЯ ИСЛАНДСКОЙ И СКАНДИНАВСКОЙ ПРЕАСПИРАЦИИ

В этой главе в центре нашего внимания вновь будут исландские факты, но попутно мы коснемся преаспирации также в шведском, норвежском и фарерском.

§ 8. История вопроса. Методология исследования

О возникновении скандинавской преаспирации написано очень немного. Первая гипотеза по этому вопросу принадлежит Ю. Сторму (Storgm, 1908, стр. 150). Как уже отмечалось (стр. 94), по его мнению, «глухие гласные» служат более четкому противопоставлению исконно кратких и исконно долгих слогов. Впоследствии эту мысль подробно развил Ё. Рейтан в работе о херьедаленском диалекте. По Ё. Рейтану, преаспирация — сравнительно позднее явление; она возникла лишь тогда, когда удлинились согласные краткосложных слов и появилась потребность каким-то образом отграничить старые геминаты от новых (Reitan, 1930, стр. 72). В соответствии с его гипотезой, преаспирация и явилась тем способом, посредством которого было осуществлено указанное отграничение. Но гипотеза Ё. Рейтана плохо объясняет восточнонорвежские факты. В Северном Гюдбрансдалене краткие слоги сохранялись, а преаспирация зарегистрирована именно в тех же позициях, что и в Вемдалене, однако Ё. Рейтан замечает, что несмотря на столь существенное различие, преаспирация должна была возникнуть в Северном Гюдбрансдалене тем же способом, что и в Вемдалене.

Сложную (и в общем неблагоприятную) задачу объяснить северогюдбрансдаленские факты исходя из гипотезы Ё. Рейтана взял на себя К. Й. С. Марстрандер (Marstrandер, 1932, стр. 294—295). Он предполагал, что простые согласные и геминаты в парах типа *tak ~ takk* различались недостаточно четко и что по этой причине произошел перенос придыхания, сопровождавшего геминаты, в препозицию. Другими словами, постаспирированные долгие смычные превратились в преаспирированные для того, чтобы отдифференцироваться от постаспирированных кратких (очень

скодную гипотезу предложил впоследствии Л. Пости: Posti, 1953—1954). К. Й. С. Марстрандер указывал, что дифференциация могла быть достигнута не только усилением геминат, но и ослаблением кратких смычных (ослабление кратких смычных хорошо известно из истории южношведских, датских и южноисландских диалектов, причем оно не исключает преаспирации долгих смычных).

Данная гипотеза не представляет собой сколько-нибудь серьезной и доказательной разработки вопроса. Малодостоверен фонетический механизм, приведший, по предположению К. Й. С. Марстрандера, к переходу постаспирации в преаспирацию. Но главное, чего не удалось объяснить, — это причина, по которой в какой-то момент постаспирация геминат превратилась в преаспирацию. Справедливость требует отметить, что данный вопрос не интересовал К. Й. С. Марстрандера. Ему не представлялось странным, что краткие и долгие смычные, продолжительное время отличавшиеся по количественному признаку, неожиданно оказались под угрозой слияния и должны были развить какие-то новые дифференцирующие их характеристики. В общем опыт К. Й. С. Марстрандера свидетельствует о том, что если признать гипотезу Ё. Рейтана, то употребление восточнонорвежской преаспирации окажется необъяснимым.

В этой же работе, в специальном постскрипуме (стр. 302—304), К. Й. С. Марстрандер предложил несколько иное объяснение возникновения восточнонорвежской преаспирации. Он высказал мысль, что преаспирированные смычные впервые появились в скандинавских языках в процессе возникновения геминат из групп ht, nt, tr, nk, и допускал при этом, что между ht и tt, а также между nt и tt была промежуточная стадия ^htt; аналогично между tr и rr, nk и kk им восстанавливалась стадия ^hrr, ^hkk. Однако в моменту завершения ассимиляций в скандинавских языках уже были геминаты другого происхождения, отчего, по его мысли, произошло размежевание старых и новых геминат: новые остались преаспирированными и потому не слились со старыми. Впоследствии, когда старые геминаты уже известным нам способом приобрели преаспирацию, слияние все же произошло и преаспирация повсюду превратилась в показатель долготы согласных. Фонетический механизм превращения сонантических групп в геминаты представлен у К. Й. С. Марстрандера так: nt > ðt > þt (с носовым спирантом) > ^htt; nk, nr > ʒk, þr (аналогично) > ^hkk, ^hrr. Как видим, главная мысль второй гипотезы состоит в том, что преаспирация имела двойное происхождение и что она старше тех геминатах, которые восходят к сочетаниям согласных. Интересная попытка восстановить историю исландской преаспирации принадлежит С. Эйнарссону. Вслед за Ё. Рейтаном К. Й. С. Марстрандером он считал, что преаспирация возникла в результате отталкивания кратких и долгих смычных (Einarsson,

[1949], стр. 20). По происхождению преаспирации для С. Эйнарссона — это лишь один из эпизодов в общей истории исландской долготы. По его гипотезе, в исландском языке прошла целая волна изменений, вызванных необходимостью четче отграничить краткие элементы от долгих. Так возникли, по С. Эйнарссону, не только преаспирации, но и /dl dn/ < /l: n:/ и дифтонги на месте старых долгих. Но хотя С. Эйнарссон и рассматривал возникновение преаспирации в более широком контексте, чем К. Й. С. Марстрандер, он также не пытался объяснить наиболее важное с фонологической точки зрения момента: почему все краткие и долгие фонемы оказались в какой-то момент нечетко дифференцированными и как конкретно соотносятся изменения долгих гласных, долгих сонантов и долгих смычных с историей различительной долготы в исландском.

Несколько лет тому назад историю преаспирации исследовал В. В. Кошкин (Кошкин, 1961, 1961*). Его гипотеза состоит в следующем: преаспирация возникла в сверхдолгих слогах, оканчивавшихся на /t:/; в ту эпоху, когда в исландском стали невозможны сверхдолгие слоги, т. е. в XVI—XVII вв., она представляла собой глухой отступ сократившегося гласного, воспринимаемый ныне как /h/. Что касается преаспирации перед /r/ и /k:/, то, по мнению В. В. Кошкина, она проникла туда под влиянием слов на /t:/. К такому выводу его заставило прийти изучение словаря Г. Вигфуссона и Р. Клисби (Vigfusson, Cleasby, 1957): оказалось, что древнеисландский почти не знал сверхдолгих слогов с исходом на /r:/ и /k:/.

Гипотеза В. В. Кошкина так же недоказуема, как и все предыдущие. Не говоря уже о том, что неправомерен взгляд на преаспирацию как на глухой отступ гласного, трудно себе представить, чтобы, появившись перед /t:/ и не имея никакой фонологической нагрузки, преаспирация могла беспрепятственно распространиться на другие слоги. Позиция В. В. Кошкина в значительной мере была осложнена тем, что он принял преаспирацию за вариант фонемы /h/.

Ближе к истине подошел К. Г. Чэпмэн. Следуя за Э. Хаугенем, он указал, что, когда бы и каким бы способом ни возникла исландская преаспирация, она фонологизовалась лишь в связи со слиянием старых звонких и глухих преаспирированных геминат (Charman, 1962, стр. 85), т. е. попытался как-то разделить два вопроса: когда появилась преаспирация и какова была ее фонологическая нагрузка в разные моменты истории. Но в целом К. Г. Чэпмэн считал всю скандинавскую преаспирацию древним явлением, возникшим вместе с геминатами $tt < nt$, $pp < mp$, $kk < nk$ (IX—X вв.). По его мнению, преаспирация уже существовала в эпоху колонизации Исландии. Как видим (и как отмечает сам К. Г. Чэпмэн), перед нами дальнейшая разработка гипотезы К. Й. С. Марстрандера.

Выше мы говорили, что, несмотря на свою популярность, гипотеза К. Й. С. Марстрандера в принципе недоказуема, и недоказуемость эта, а главное недоказанность, лучше всего, пожалуй, подтверждается историей изучения преаспирации. Так, К. Г. Чэпмэн полагает, что за прошедшие десять веков ни в Ерене, ни в Исландии никаких перемен в распределении преаспирации не произошло, а другой современный исследователь западнонорвежских говоров, Х. Омдал, считает, что ставангерская преаспирация — явление сравнительно новое (Omdal, 1967, стр. 83). Х. Омдал ссылается на то, что преаспирация может быть то сильнее, то слабее и что М. Беритсен и А. Б. Ларсен преаспирации еще не слышали. Таким образом, по Х. Омдалу, преаспирация возникла в Ставангере в последние десятилетия.

Ни К. Г. Чэпмэн, ни Х. Омдал не вышли за пределы догадок о возрасте западнонорвежской (еренской) преаспирации, но любопытен сам факт того, что один исследователь датирует это явление IX веком, а другой относит его к нашему времени.

Самая недавняя попытка реконструировать прошлое исландской и фарерской преаспирации принадлежит П. Наарту (Naert, 1969, стр. 430). Он отмечает, что в древнеисландском некоторые краткие и долгие согласные противопоставлялись не только по долготе, но и качественно: звуки, условно обозначаемые через /b d g/, были в долгом варианте смычными, а в кратком — по крайней мере, интерсонорно) — щелевыми; сонанты /l n/ были в долгом варианте дентальными, а в кратком — какумивальными. Такая двойная дифференциация создала, по мнению П. Наарта, языковую модель, которой еще в долитературную эпоху подчинились и шумные смычные. Механизм возникновения преаспирации описан П. Наартом следующим образом: развилась тенденция произносить [pp] более сильно, чем сочетание двух кратких [p]; так как в языке не было специальных эмфатических смычных, то единственным способом подчеркнуть усиление [pp] была энергичная аспирация, более энергичная, чем у [p]; однако по физиологическим причинам комплекс типа [p^hp^h] почти невозможен, а артикуляция [pp^h] противоречила языковым привычкам (копечный глухой смычный не мог иметь придыхание более сильное, чем интервокальный); единственный выход из создавшегося положения заключался в том, чтобы перенести придыхание из постпозиции в препозицию, что и было сделано. Описанный процесс способствовал, по П. Наарту, более четкому противопоставлению [pp tt kk] не только кратким [p t k], но и долгим звонким геминатам.

Как видим, в реконструкции П. Наарта основная пружина всех метаморфоз, происходивших с шумными смычными, — необходимость более последовательно отграничить краткие согласные от долгих. Тот же мотив выдвигался на первый план и большинством предшественников П. Наарта, на работы которых

он, однако, не ссылается. Его построение разделяет все слабости построений Ё. Рейтана, К. Й. С. Марстрайдера и С. Эйнарссона. Так же как и они, П. Наарт пытается истолковать прошлое преаспирации анализируя только одну позицию — перед глухой геминатой, но его гипотеза невыгодно отличается от прочих фактастичностью постулируемых звуковых переходов. Не совсем верно и исходные факты, которыми он оперирует: даже в древнеисландском краткое и долгое /l/ различались как какуминальное и денгальное, то наличие двух разных /n/ в ту эпоху более чем сомнительно (ср. по этому поводу: J. Benediktsson, 1960).

Несколько замечаний о прошлом исландской преаспирации есть у Е. Дита (Dieth, 1950, § 163). Е. Дит отмечает, что преаспирация — он называет ее *Hauchrause* — звучит то как палатальный, то как велярный спирант, и поэтому было бы соблазнительно считать ее в таких словах, как *dóttir* [douhtir] 'дочь', сохранившимся германским [x] (ср. др.-а. *dōhter* [do:xtər]), но что на самом деле развитие группы [o:xt] было иным, а именно: [o:xt] > [o:tt] > [ouht]. Напомним еще, что по К. Мэлоуну (Malone, 1923, стр. 106) преаспирация (*asyllabic breathing*) развилась перед геминированными смычными просто в результате предвосхищения их артикуляции.

История исландской преаспирации перед сочетаниями смычный + сонант почти совсем не изучалась. Хр. Бенедиктссон объяснял удлинение смычных перед /l n/ и приобретение ими преаспирации тем, что было необходимо отграничить старые /dn bl/ и т. п. (в словах типа *vatn* 'вода', *epli* 'яблоко') от сочетаний, образовавшихся из /nn fl/ и т. п. (Benediktsson, 1962, стр. 491). Следовательно, Хр. Бенедиктссон считал, что к моменту возникновения новых групп /dn bl/ и т. п. смычные в старых группах /tn pl/ уже не отличались от /d b/ в новых. В соответствии с этой гипотезой преаспирация в старых группах смычный + /l n/ возникла после того, как создалась опасность их слияния с аналогичными группами позднейшего происхождения, т. е. не раньше XIII—XIV вв. Таков *terminus ante quem*. *Terminus post quem* объяснением Хр. Бенедиктссона не предусмотрен: предполагается лишь, что на удлинившиеся /p t k/ преаспирация распространилась под влиянием преаспирированных геминат в других позициях. Однако совершенно неизвестно, были ли старые геминаты преаспирированы к XIII в. или преаспирация возникла много позже и тогда лишь распространилась на долгие смычные любого происхождения, в том числе и на те, которые стояли перед носовыми и плавными.

По мнению М. И. Стеблин-Каменского (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 98), возникновение /dn < rn/, /dl < ll/ и т. п. было как раз *terminus post quem* для появления преаспирации в старых группах смычный + сонант: «Во всяком случае, — пи-

он, — преаспирация в сочетаниях /hɔn hɔl/ и т. д. должна была возникнуть не позднее переходов /rɔ > dɔ/ и т. д., как эти новые /dɔ dɔ/ не слились с сочетаниями /hɔn hɔl/». В. В. Кошкин в небольшой заметке (Кошкин, 1961*) попытался рассмотреть историю преаспирации в группах смычных отдельно от истории геминат, но пришел к необычайно искусственным построениям, от которых впоследствии отказался. В другой работе (Кошкин, 1966, стр. 11—12) он повторил версию Хр. Бенедиктссона и предположил, что преаспирация возникла перед глухими геминатами тогда, когда старые /p t k/ перед плавными были уже долгими, но еще глухими.

С акцентологической точки зрения история скандинавской преаспирации не изучалась. Даже сопоставление преаспирации с толчком никогда не проводилось, если не считать беглого замечания А. Педерсена (А. Pedersen, 1912, стр. 42), который обратил внимание на сходство дистрибуции западноюютского толчка и исландской преаспирации. По его мнению, преаспирация возникла в сочетании краткий гласный + гемината по чисто физиологическим причинам.

Само по себе это объяснение не представляет интереса, однако существенно, что, по А. Педерсену, всякий толчок имеет своим источником гортанный щелевой, а западноюютский толчок — преаспирацию исландского типа. Гипотеза А. Педерсена была первой попыткой включить современный исландский материал в проблематику скандинавской акцентологии, и можно только пожалеть, что ни О. Есперсен, подвергший его статью суровой критике (Jespersen, 1913, стр. 23), ни Р. Бур (Boeg, 1914), принявший многие его положения, не заметили именно этой стороны его концепции. А. Педерсен умер вскоре после выхода в свет своей статьи, и его идеи были забыты несмотря на то, что много лет спустя их поддержал Х. Педерсен (H. Pedersen, 1942, стр. 119).

В самое недавнее время о генетической связи исландской преаспирации и западноюютского толчка писал С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 325, прим. 422), о чем уже говорилось в первой главе (стр. 50). Привожу полностью его высказывание: «Заметим попутно, что преаспирация глухих смычных в новоисландском также может быть понята как рудимент толчка западноюютского типа. Преаспирация по своему фонетическому явлению — это резкий акцент, но не гортанного типа, а аспирированный, вроде отмеченного Иверсеном для говора о. Сенья. Если, однако, исландский язык выделяет преаспирацией как [т. е. исконно односложные], так и β^c [т. е. двусложные конечным открытым слогом]-слова, то в этом следует видеть инновацию, а переживание древней эпохи, предшествовавшей становлению зависимости акцентуации от количества слогов». Это касается А. Педерсена, то С. Д. Кацнельсон вслед за О. Ес-

персеном называет его гипотезу образцом «бумажной фонетики» (там же, стр. 179).

Такова история вопроса. Суммируем то, что говорилось разными исследователями о происхождении скандинавской преаспирации. Связь исландской преаспирации с преаспирацией в других скандинавских и нескандинавских языках была очевидна многим, но характер этой связи описывался по-разному. К. Й. С. Марстрандер и К. Г. Чэмэн готовы были признать, что преаспирация существовала в языке западных норвежцев еще до их переселения в Исландию (Charman, 1962, стр. 85). С. Эйнарссон (Einarsson, [1949], стр. 20, прим.) и В. В. Кошкин, напротив, считали, что преаспирация появилась в разных говорах в результате параллельного развития. Что же касается связи скандинавской и нескандинавской преаспирации, то и здесь высказывались разные точки зрения: говорилось о заимствовании саамами скандинавской преаспирации (L. Posti, 1953—1954), о параллельном развитии (P. Ravila, 1956; В. В. Кошкин, 1964), о языковом союзе (H. Wagner). Соответственно описывался и возраст преаспирации: К. Й. С. Марстрандер, К. Г. Чэмэн и Л. Пости считали, что преаспираты существовали уже в древнеисландском, С. Эйнарссон и особенно В. В. Кошкин предлагали позднюю дату их возникновения; Хр. Бенедиктссон и М. И. Стеблин-Каменский отталкивались от истории новых групп типа /dl dn/, но сделали противоположные выводы относительно древности исландской преаспирации. Любопытно отметить, что Г. Суит (Sweet, 1877, стр. 152) допускал наличие преаспирации в древнеисландском: транскрибируя древнеисландский отрывок, он в скобках помещал значок (h) в тех позициях, в которых преаспирация встречается в современном языке.

Немногочисленные объяснения причин, по которым появилась преаспирация, касались как фонетического, так и структурного механизма этого процесса. В фонетических исследованиях попеременно предполагалось, что преаспирация — это лишь изменившая свое место в речевой цепи постаспирация старых глухих геминат (С. J. S. Marstrander, L. Posti) либо продукт неполной ассимиляции согласных /h m n/ перед /p t k/ (С. J. S. Marstrander), что преаспирация — это паразитическое предвосхищение сильной артикуляции глухих геминат (К. Malone), что преаспирация — это рефлекс старой долготы гласных (В. В. Кошкин). А. Педерсен, а вслед за ним Х. Педерсен думали, что исландская преаспирация — это явление, родственное западноютскому толчку. Сходную точку зрения высказал и С. Д. Кацнельсон. Однако ни у А. Педерсена, ни у Х. Педерсена, ни у С. Д. Кацнельсона нет развернутого обсуждения вопроса: для них исландский материал сам по себе не представлял интереса.

В фонологических работах предлагалась гипотеза о появлении преаспирации в связи с необходимостью усилить контраст между

р / k/ и /p: t: k:/. Замечание Э. Хаугена и К. Г. Чэпмэна о связи фонологических функций преаспирации с ослаблением звонких относится к уже более поздней истории преаспирации.

Как видим, история скандинавской и исландской преаспирации фактически не написана. Существует лишь серия более или менее остроумных, но подчас исключаящих друг друга догадок. Очевидно, что всякий фонолог, который ставит перед собой цель вновь попытаться реконструировать прошлое преаспирации, должен сделать все возможное, чтобы не только сочинить очередную гипотезу: суть задачи состоит в том, чтобы найти действительно научный подход к проблеме в целом. На мой взгляд, ключом к решению этой задачи служит взгляд на преаспирацию как на рефлекс слогового акцента в одних языках (шведском, норвежском) и как на релевантный слоговой акцент — в других (исландском, фарерском).

Подобный взгляд сразу рассеивает ряд недоразумений. Прежде всего становится ясным, что вопрос о том, как, когда и почему возникла исландская или херьедаленская преаспирация, задать неверно и потому не может иметь никакого достоверного ответа. После исследований С. Д. Кацнельсона можно считать доказанным, что скандинавские слоговые акценты уходят корнями в общегерманскую древность. Исландская, фарерская, шведская и норвежская преаспирация, так же как «циркумфлекс» норвежских диалектов или западнонорвежский толчок, — это обломки когда-то разветвленной системы слоговых акцентов. Поэтому наиболее вероятно, что на протяжении своей тысячелетней истории исландский язык всегда имел слоговые акценты, а значит и преаспирацию.

Однако за десять веков менялась фонологическая нагрузка, дистрибуция и номенклатура этих акцентов. Если для прагерманского состояния С. Д. Кацнельсон восстанавливает четыре слоговых акцента (резкий одновершинный, резкий двухвершинный, плавный одновершинный, плавный двухвершинный), то во всех литературных скандинавских языках сохранилось лишь по два резкий и плавный без подразделения на вершинные). Поэтому истории исландской преаспирации, отдельной от истории всей исландской слоговой акцентуации, не существует, как не существует отдельно взятой истории датского толчка, истории фонемы /j/ или фонемы /s/, хотя иногда и приходится сосредоточиваться на подобных проблемах. Перед историком исландского языка исландский взят как наиболее ясный случай) стоит задача реконструировать историю слоговой акцентуации, т. е. выяснить, как и почему разрушилась старая система акцентов, как менялись их функции и дистрибуция и в чем отличие исландского пути от путей других скандинавских языков. Ответы на перечисленные вопросы и должны заменить бесплодные поиски условий и причин появления исландской преаспирации.

Исследователь исторической просодики скандинавских языков располагает рядом методов, главные из которых — метод внутренней реконструкции и сравнительный метод в его современном виде (ср.: Кацнельсон, 1966, стр. 7—12). При этом сравнивать можно лишь живые диалекты, поскольку скандинавские слоговые акценты никогда не отражались на письме. Но надо с самого начала иметь в виду, что возможности искомой реконструкции ограничены. Условно говоря, историк показывает шахматную партию, записанную после каких-то ходов, и ему приходится самому решать, какие позиции более ранние, а какие — более поздние. Застав игру, скажем, на седьмом, двенадцатом, двадцать пятом, тридцать шестом и сороковом ходу, историк пытается восстановить всю партию ход за ходом. При этом исходное положение ему не известно (и скорее всего никогда не будет известно), правила игры определены нечетко (нет даже уверенности в том, что партнеры каждый раз делали лучший ход, и не ясно, что такое лучший ход; кроме того, одинаково хороших ходов всегда могло оказаться несколько), а последний ход требует истолкования. Совершенно точно установлено лишь одно: на сороковом ходу партия отложена. Не удивительно, что восстановить такую партию не только невероятно трудно, но подчас и невозможно. В лучшем случае удастся расшифровать общий план игры и какие-то отдельные ходы, чаще всего такие, после которых наступали катастрофы.

В какой-то мере задача историка просодических систем напоминает задачу сыщика. Диахроническая просодика опирается на следы, и в этом она сближается не только с криминалистикой, но и с геологией, и с палеонтологией. Супрасегментные средства языка тесно связаны с фонематическими, поскольку акценты опираются на гласные и согласные. Никакой просодики, отделенной от фонематики, не существует. В истории языка обнаруживаются многочисленные следы взаимодействия акцентов и фонем. Но мы никогда не знаем наверняка, являются ли те или иные процессы (например, удлинение, сокращение, дифтонгизация и т. п.) результатами действия просодических сил. Вспомним то, что говорилось выше об орализации толчка. Невозможно доказать, что [namrɪ] восходит к [nam'n], хотя подобная реконструкция вероятна (ср. стр. 109). Трудно даже доказать, что эпентезы на узких долготях восходят к толчкам. Мы можем лишь собрать факты, которые по тем или иным соображениям квалифицируются нами как следы акцентов, посмотреть, насколько просодическая интерпретация этих фактов позволяет воссоздать картину в целом, и восстановить максимальное количество ходов в утраченной шахматной партии. Если партия не восстанавливается, если историко-фонологический пасьянс не сходится, значит следы были ложными. Следами признается лишь то, что помогает раскрыть преступление.

С. Д. Кацнельсон прав, когда говорит о системной реконструкции: «При восстановлении древней системы исследователю нередко приходится восполнять недостающие звенья догадками, не имеющими обязательной силы. Судить о достигнутых результатах нужно не по степени обоснованности того или иного частного допущения, не по строительным лесам, с помощью которых крепятся отдельные детали, а по системе в целом. Если она «работает», раскрывая историческую последовательность развития акцентуации в ее закономерной связи с фонематическими изменениями, если она охватывает значительную часть известных науке фактов и не противоречит остальным, то она вправе претендовать на роль теоретической модели, — по меньшей мере до тех пор, пока дальнейшие исследования не вскроют существенные фактические и логические изъяны в ее построении» (Кацнельсон, 1966, стр. 11—12).

Восстанавливая историю языка, всегда приходится опираться на некоторые общие принципы. Эти принципы не являются постулатами, они просто суммируют опыт многочисленных диахронических исследований. Уже Р. Раск сформулировал ряд правил, которые он применил впоследствии к своему материалу (например, чем сложнее грамматический строй языка, тем более древен этап, на котором мы застали этот язык; сравнивать надо только близкие слова и т. п.). «Доказать» эти правила невозможно, и тем не менее истинность их несомненна.

Аналогично и при просодической реконструкции мы располагаем некоторыми ориентирами.

Практика реконструкции акцентологических систем позволяет сформулировать следующие положения:

- 1) непродуктивность акцентуационного типа чаще всего свидетельствует о его древности;
- 2) пестрота картины наводит на мысль о сохранении реликтовых пластов; узость распространения какого-нибудь акцента может свидетельствовать о его пережиточном характере, а широта распространения — о поздних обобщениях;
- 3) исследуя факультативные акценты, приходится считаться с тем, что они могут быть результатом разрушения старой нормы и поэтому не представлять интереса для реконструкции. Однако, повторяем, перед нами не постулаты, и всегда возможны прямо противоположные заключения: непродуктивные типы могут свидетельствовать о неразвитости явления, которое еще не успело закрепиться в системе; факультативные акценты могут быть пережитками архаичных отношений, и т. д. Выбор решения в каждом случае диктуется требованиями реконструкции: верно то, что лучше позволяет восстановить систему. И все же предложенные выше правила почти всегда позволяют делать достоверные заключения об относительной древности того или иного типа; только к этим правилам не надо относиться так, будто перед

нами аксиомы или раз и навсегда доказанные теоремы (ср.: Либерман, 1968, стр. 124—127).

Имея в виду все сказанное, мы приступим к восстановлению исландской и скандинавской преаспирации.

§ 9. Преаспирация перед геминатами

Исландский язык четко показывает связь преаспирации со старыми глухими геминатами. Связь эта совершенно однозначна: на кратком гласном перед старыми глухими смычными геминатами преаспирация обязательна, на долговокалических корнях ее никогда не бывает. Необычайная регламентированность в употреблении исландских слоговых акцентов, полное (или почти полное) отсутствие исключений и широта охвата акцентами всего словаря свидетельствуют в соответствии с одним из приводившихся выше правил скорее всего о неисконности тех отношений, которые господствуют в современном языке, т. е. о том, что перед нами результаты сравнительно поздних обобщений. Но дальше этого мы пока что пойти не можем. Мы предполагаем, что современное распределение слоговых акцентов в исландском уже не отражает первоначальной картины. Кроме того, довольно очевидно, что релевантность преаспирации перед геминатами основана на слабости преаспирированных согласных в современном исландском; как говорилось, в *ekkja* и *eggja*, *lappa* и *labba*, *oddi* и *ótti* и т. п. интервокальные смычные звучат совершенно одинаково и различаются лишь по наличию и отсутствию перед ними преаспирации. Для того же чтобы установить, как функционировали исландские слоговые акценты до слияния старых /p: b:/, /k: g:/, /d: t:/ в одном ряду, исландский язык не дает опоры, и мы вынуждены обратиться к данным других языков, т. е. к материалам сравнительной германской акцентологии.

Одним из важнейших моментов сравнительной акцентологии германских языков является разграничение спонтанной и комбинаторной акцентуационных сфер. Это разграничение было разработано рейнскими диалектологами, но, как показал С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, стр. 185), оно применимо и к скандинавскому материалу. Суть противопоставления спонтанной и комбинаторной акцентуации можно показать на материале восточноютецкого диалекта датского языка. Употребление толчка в этом диалекте (как и в литературном языке) зависит от количества слогов в слове. Но если мы возьмем односложные слова, которые имеют толчок, то увидим, что это в основном бывшие долгосложные слова. При этом слова с исконными долгими гласными имеют толчок почти всегда, независимо от качества постсонорного (или так называемого забазисного) согласного, а этимологически долгосложные слова с краткими гласными, за которыми следуют сонант + шумный, получают толчок только в том

случае, если конечный шумный звонок; поэтому в тælk 'молоко', hons 'куры', geist 'дух' и т. п. толчка нет (там же, стр. 139). Те слова, которые имеют толчок независимо от качества забазисного согласного, образуют, по определению, спонтанную сферу; слова, в которых употребление толчка так или иначе связано со свойствами забазисного согласного, составляют комбинаторную сферу акцентуации. В датском языке слова с долгими гласными и дифтонгами входят в спонтанную сферу (т. е. в этих словах господствует толчок), а слова с дифтонгическим сочетанием (т. е. с сочетанием краткий гласный + сонант) — в комбинаторную сферу.

Вопросы о том, как образовались две акцентуационные сферы, как распределились между ними все слова языка, какие факторы определяли употребление резких и плавных акцентов в комбинаторной сфере и как менялись и эти факторы, и состав обеих сфер, относятся к наиболее трудным в германской акцентологии. Однако эти вопросы в целом не составляют предмета нашего исследования; нас интересует лишь скандинавская акцентуация, а об истории спонтанной и комбинаторной сфер в скандинавских языках известно довольно многое. Прежде всего мы видим, что в исландском языке спонтанная и комбинаторная акцентуация не противопоставлены. В исландском преаспирация на этимологически долгих гласных невозможна, а на кратких — зависит от исторической глухости — звонкости геминат. Фактически перед нами реликты одной лишь комбинаторной акцентуации; спонтанная же акцентуация не оставила в исландском никаких следов. Поэтому первый вопрос, на который надо ответить исследователю исландской просодики, состоит в следующем: при каких обстоятельствах стерлась в исландском языке грань между двумя сферами и почему были утрачены нормы спонтанной акцентуации?

Само наличие спонтанной преаспирации в прошлом не вызывает сомнения. Не только толчок всех датских диалектов, а также западногерманский толчок (в фокни, в литературном английском, в рейнских говорах), но и преаспирация в фарерском и особенно в шведском (Стокгольм) и норвежском (Ерне) превосходно сохранились именно на старых долготях. Позиция перед геминатой (исконной или фактически данной) известна и в других акцентуационных районах (в Стокгольме, в Ерне, в западноютском диалекте, в фарерском), но нигде, кроме вемдаленского, чёкарского и исландского, толчок не привязан только к этой позиции, даже в западноютском (напомним, что для современного исландского нет принципиальной разницы между употреблением преаспирации в larra и в erli, так как в обоих случаях вершина длительности падает на поствокальный шумный). По своей дистрибуции вемдаленская, чёкарская и исландская преаспирация занимают особое место среди всех кратковокалических толчков. Ближе всего к исландской преаспирации западноютский толчок, но в западно-

ютском диалекте есть еще общедатский толчок, так что его просодическая система отнюдь не идентична исландской.

Причины исчезновения спонтанной акцентуации в исландском почти очевидны. Однако основная трудность состоит не в том, чтобы объяснить отсутствие долговокалической преаспирации в этом языке, а в том, чтобы понять, почему она сохранилась в Стокгольме, Ерене и на Фарерах.

Как сказано, долговокалические слова имели в датском спонтанный толчок. Насколько можно судить по истории долгих гласных, такое положение вещей было издавна характерно для всех акцентуационных районов, в которых имелось противопоставление толчок ~ не-толчок (ср.: Кацнельсон, 1966, стр. 192—200). Поскольку преаспирация — это разновидность толчка, то скорее всего она употреблялась примерно по тем же правилам, что и прочие древнескандинавские толчки. Наиболее вероятно, что исконные долготы все когда-то имели в исландском преаспирацию и что долговокалическая преаспирация, широко распространенная в литературном шведском произношении, — это след той эпохи, когда в стокгольмском говоре и во всей Скандинавии существовали спонтанные акценты. В Ерене и в фарерском долговокалическая преаспирация встречается реже, что говорит о позднейших преобразованиях; чёкарская и исландская системы дальше всего отошли от архетипа.

Причины падения спонтанной акцентуации в исландском могут быть объяснены следующим образом. Основным признаком, по которому все слова относились либо к спонтанной, либо к комбинаторной сфере, служила длительность гласного. Долгосложные слова с долгим гласным имели спонтанную преаспирацию. В долгосложных словах с кратким гласным преаспирация употреблялась по правилам, о которых речь пойдет ниже. В XVI в. произошло падение исландской долготы как различительного признака фонем: все слоги стали долгими и возникла просодическая корреляция длительности, при которой релевантным стало место квазититивной вершины; долгота же и краткость гласных и согласных сами по себе, вне зависимости от того как они распределены внутри слога, перестали нести какую бы то ни было функциональную нагрузку. С падением фонематической долготы гласных был последовательно устранен как раз тот признак, по которому происходило исконное размежевание спонтанной и комбинаторной сфер, и релевантное членение акцентуации на две сферы перестало существовать. На все слова распространилась норма комбинаторной акцентуации, поэтому современный исландский и позволяет судить лишь о том, как распространялись древние акценты в комбинаторной сфере. Аналогичный путь прошла, видимо, вемдаленская и чёкарская преаспирация.

Таким образом, привязанность исландской преаспирации исключительно к кратковокалическим корням есть следствие закона

слогового равновесия, а фонологически — следствие падения различной длительности долгих гласных. Но фарерский, норвежский и особенно шведский (стокгольмский) материал наглядно свидетельствует, что утверждение просодической корреляции длительности не ведет неизбежно к ликвидации долговокалического аспиративного толчка (преаспирации). О том, почему в ряде диалектов сохранялась преаспирация на долгих гласных, можно строить различные догадки. Например, можно было бы отметить, что спонтанные акценты по определению иррелевантны (поскольку всякий долгий гласный имеет толчок, то этот толчок, естественно, не может использоваться для смысловозначения). История избыточных элементов просодики, надо полагать, не во всем схожа с историей релевантных просодем, и не исключено, что стирание граней между спонтанной и комбинаторной сферами могло идти по двум путям. Первый из них был выбран исландским языком, а также вемдаленским и чёкарским диалектами: в них долговокалическая преаспирация вообще стала невозможной; по второму пути пошел фарерский язык, а также еренский и стокгольмский говоры: в них преаспирация на долгих в той или иной мере сохранилась, но стала избыточным показателем стыка между гласным и согласным.

Не исключены и другие, более сложные гипотезы, которые объясняют не только сохранение в ряде диалектов долговокалической преаспирации, но и распространение на них системы двух акцентов (а именно так произошло и в Стокгольме, и в Ерепе). Об одной такой гипотезе (иподиалектное влияние) мы говорили в разделе об орализации толчка (стр. 108—109). Соблазнительно предположить, что скандинавская преаспирация в том виде, как она засвидетельствована в разных языках и диалектах, — это след не просто резкого, а хотя бы в каких-то случаях двухвершинного резкого акцента. В пользу такого предположения говорили бы два факта: во-первых, в скандинавских говорах (а именно на норвежских островах Гимсёй и Сенья) реально засвидетельствована двухвершинная преаспирация (ср. стр. 95—96), во-вторых, западноютский толчок — образование, родственное преаспирации — это генетически, видимо, двухвершинный акцент (ср. стр. 100). Если преаспирация может быть рефлексом двухвершинного акцента, как «циркумфлекс» в говорах норвежских островов, то для всех диалектов, в которых мы застаем и преаспирацию, и два акцента шведско-норвежского типа (т. е. акц. I vs. II), возникает реальная возможность реконструировать просодическую систему из четырех акцентов (о двух резких акцентах — акц. I и преаспирации — и одном плавном мы бы имели достоверные сведения). Деграция преаспиративного акцента могла бы в таком случае быть понятой как часть общего для многих германских диалектов процесса дефонологизации вершинных различий.

Гипотеза об исконной двухвершинности преаспирации хорошо согласуется с тем обстоятельством, что вемдаленская, стокгольмская и еренская преаспирация утратила слоговые функции (хотя вемдаленская преаспирация впоследствии превратилась в релевантный показатель стыка), а западноютский толчок сохранился как слоговой акцент. Из всех перечисленных выше говором только западноютский является апокопирующим, а как хорошо известно, именно в апокопирующих говорах вершинные различия несут большую смысловозначительную нагрузку, ибо только в них приходится акцентологически разграничивать старые односложные слова (они обычно имеют одновершинный акцент) и новые образования, которые стали односложными лишь в результате апокопы (эти слова имеют двухвершинный акцент). Естественно, что вершинные акценты сохранялись как таковые именно там, где они релевантны.

В исландском нет как будто оснований выделять две вершины в преаспирации: преаспирация в этом языке — просто резкий акцент, противопоставленный отсутствию преаспирации, но исландский в отличие от западноютского — неапокопирующий говор и поэтому подходит под предложенное объяснение.

Тем не менее гипотеза о преаспирации как о возможном рефлексе двухвершинного резкого акцента построена на слишком зыбких основаниях, чтобы считаться на данной стадии исследования вполне достоверной, так что если отсутствие долговокалической преаспирации в исландском, вемдаленском и чёкарском можно приписать действию закона слогового равновесия, то ее сохранение и проникновение в слова с плавным акцентом в ряде других диалектов остается проблемой весьма сложной, такой же, а может быть и более сложной, чем проблема орализации ютских и плезвигских толчков. К вопросу о двухвершинной и одновершинной преаспирации мы вернемся еще раз, когда проявятся дополнительные детали в истории исландских акцентов (стр. 135).

Даже если считать, что нам понятно, как исландская преаспирация стала только кратковокалическим толчком, остается еще объяснить, как она оказалась привязанной к старым глухим геминатам. Здесь следует выделить несколько моментов. По реконструкции С. Д. Кацнельсона (Кацнельсон, 1966, стр. 105, 204), в древних германских языках и резкие, и плавные акценты были возможны только в долгосложных словах; в краткосложных встречались лишь плавные, в сверхдолгосложных — лишь резкие. Наиболее убедительной частью этой реконструкции является противопоставление краткосложных слов долгосложным. Действительно, почти каждый раз, когда в исконно краткосложном слове встречается резкий акцент, можно доказать, что этот акцент позднего происхождения. Но о проникновении резких акцентов в краткосложные слова мы скажем подробно в разделе о словах типа исландского *vatn*, а сейчас отметим лишь один момент:

Если принять реконструкцию С. Д. Кацнельсона, то неизбежен вывод, что в древнем языке преаспирация (резкий акцент) не допускалась в краткосложные слова. Необычайно убедительным подтверждением этого аргумента полученного вывода служат формы херьедаленских говоров Швеции.

Как подробно рассказано выше (стр. 86), в вемдаленском диалекте шведского языка четко различаются слова с исконными глухими геминатами и с такими геминатами, которые возникли в исходе старых односложных слов по закону слогового равновесия. Первые слова имеют преаспирацию: ср. [go'kk] 'прялка' (швед. gock, норв. gokk); в словах второй группы преаспирации нет: ср. [lokk] < lok 'мелкий непроточный пруд'. Именно такое положение вещей делает вемдаленскую преаспирацию релевантной, очевидно, что ее релевантность не старше закона слогового равновесия. Изучение вемдаленских форм показывает, что преаспирация была присуща искони лишь долгосложным словам и что она не просто фонетический (чуть ли не обязательный) филологически, как иногда думают) глухой приступ геминат, а признак определенной слоговой структуры. Вемдаленская преаспирация до сих пор отграничивает старую долгосложность от старой краткосложности. Аналогично и заимствования не получают в вемдаленском диалекте преаспирации: ср. [slo'tt] (slått 'рокос'), но [slott] (slott 'замок', позднее слово).

Но те же херьедаленские говоры свидетельствуют, что постепенно преаспирация становится спутником геминат любого происхождения и грань между исконной и новой долгосложностью стирается. В Хеде уже не все произносят [go'kk] ~ [lokk]: многие говорят [lo'kk] как [go'kk]. Характерно, что, по данным Ё. Рейтана, в Стуршё, где новая и старая долгосложность не различаются и где преаспирация, следовательно, не несет никакой филологической нагрузки, она выражена чрезвычайно слабо и иногда не слышна вовсе (Reitan, 1930, стр. 71). Если считать, что Вемдален, Хеде и Стуршё отражают последовательные стадии развития слоговой акцентуации, то смена описанных событий представляется классической с точки зрения общей теории диалектической просодики: преаспирация — релевантный элемент языка (а по происхождению — резкий акцент) — хорошо слышна и осознается говорящими (Вемдален); преаспирация начинает утрачивать релевантность и сохраняет различительную силу речи лишь части говорящих (Хеде); преаспирация совершенно фонологизуется и начинает исчезать и как фонетическое явление (Стуршё).

На стадии, в значительной степени более продвинутой, чем вемдаленский говор, находится и чёкарский диалект. В Чёкаре уже краткосложные слова, состоявшие из одного слога, тоже стали долгими с исходом на новую геминату. Односложные слова с глухими геминатами имеют в Чёкаре преаспирацию независимо

от происхождения, но когда [gata] и т. п. превратились в [gatta], то эти слова (с интервокальными новыми геминатами) не получили преаспирации. Как видим, проникновение преаспирации в бывшие краткосложные слова — это весьма длительный процесс, охватывающий слой за слоем. В Вемдалене данным процессом не затронуты никакие слова, в Стуршё — все односложные. О словах типа gata в этих говорах мы судить не можем, поскольку в них господствует специфически краткосложный («равновесный») акцент. Но в Чёкаре такого акцента нет и двусложные слова имеют непреаспирированные интервокальные геминаты. В диалекте же Арьешлуга и эти слова, видимо, могут иметь преаспирацию (Wallström, 1943, стр. 34; ср. выше, стр. 84—85).

Проникновение преаспирации перед новыми геминатами — этот важнейший для шведских диалектов процесс — не имеет никакого значения для исландского языка. В исландском краткосложные слова типа skip 'корабль' и gata 'улица' никогда не превращались в [skip:] и [gat:a] (а только в [ski:p] и [ga:ta]) и в нем нет новых геминат. Поэтому там, где преаспирация предшествует геминате в современном исландском, она должна была находиться в этом положении уже и в древнеисландском. Однако наиболее вероятно, что в древнеисландском преаспирация встречалась не только перед глухими геминатами.

Напомним еще раз, что речь идет об употреблении слоговых акцентов в комбинаторной сфере. В спонтанную сферу входили все слова с долгим корневым гласным. Те долгосложные слова, в которых гласный был краток и замыкался либо геминатой, либо консонантной группой, составляли комбинаторную сферу. В словах со спонтанным базисом всегда был толчок (или условно — резкий акцент). В словах с комбинаторным базисом встречались и плавные, и резкие акценты. Существеннейшая для нас задача состоит в том, чтобы определить, в каких случаях в образованиях с комбинаторным базисом стоял резкий акцент (в нашем материале — преаспирация), а в каких — плавный.

Ключевым понятием для акцентуации комбинаторной сферы является сильный согласный. Частично мы уже говорили о сильных согласных, когда выяснили, что именно они составляли позицию для западноютского толчка (стр. 98). С фонетической точки зрения сильные согласные отграничиваются от слабых либо общей напряженностью речевого аппарата, либо силой внутриротового давления. Исторически же сильные согласные — это те, на которые когда-то падала вершина слогового акцента. Сильными были все геминаты (в том числе и сонорные), а в определенных случаях и простые шумные. Точно так же, как в западноютском, и в других скандинавских диалектах позицию для резкого акцента образовывали именно сильные согласные, из которых в данный момент нас интересуют только геминаты (подробное обоснование тезиса о резкой акцентуации перед силь-

шными см.: Кацнельсон, 1966, стр. 188). Видимо, в древнеисландском преаспирация встречалась перед любой геминатой: и шумной (глухой и звонкой), и сонорной. Об истории /l: n:/ будет сказано ниже, а сейчас остановимся только на шумных геминатах /p: t: k: b: d: g:/.

Как сказано, резкий акцент (аспиративный в исландском, смычно- и сжатогортанный в датском, и т. д.) предшествовал всем шумным геминатам по реконструкции. Эта реконструкция подтверждается фактами целого ряда датских и рейнских диалектов (ср. особенно западноютский толчок перед звонкими: [væ'g] 'стена', [sgæ'g] 'борода' и т. д., о чем подробнее говорилось в соответствующем разделе, стр. 98). Есть и в самом исландском материале одно любопытное подтверждение тому, что преаспирация встречалась перед звонкими геминатами. Статью С. Эйнарссона о диалекте Восточных фьордов включает раздел «Индивидуальные типы речи». С. Эйнарссон обратил внимание на особенности произношения старого крестьянина в Эскифьёрдюре (Eskilfjörður), которые, как рассказывают, он унаследовал от отца, происходившего родом из Хельгустадира, Рейдар-фьорд (Helgustaðir, Reyðarfjörður). В его произношении, как говорит С. Эйнарссон, гласный обрывается глухим концом или [h] перед долгими или полудолгими [b d g]: ср. [snöhg:ast] snöggast 'скоро' [lehg:a] leggja 'класть', [brhg:уна] bryggjuna 'причал' (опр. ф., вш. пад.). Аналогичное произношение можно услышать и в других местах района Восточных фьордов: ср. [si^hk:] sigg 'мозоль' (Einarsson, 1932, стр. 572). Наиболее вероятно, что преаспирация в snöggast, leggja, bryggjuna, sigg — это пережиток очень древнего состояния, равно как западноютский толчок в [væ'g], [sgæ'g] и т. п. Характерно, что в западноютском, и в исландском толчок на звонкостном базисе сохранился почти исключительно перед рефлексами древнего /g:/ (примеры на стр. 98).

Если верно, что в древнеисландском преаспирация сопровождала все шумные геминаты — глухие и звонкие, — то дальнейший путь ее развития можно реконструировать следующим образом. В истории исландского языка произошло явление, обычно называемое ослаблением смычных и названное М. И. Стеблин-Мещским исландским передвижением согласных. Суть передвижения состояла в том, что в позиции максимального различия (главным образом, до ударного гласного) смычные перестали различаться по участию голоса, т. е. перестали противопоставляться как звонкие глухим и превратились соответственно в слабые (непридыхательные) и сильные (придыхательные). При этом произошла не только перефонологизация, но и перемаркировка знака: если раньше маркированными членами оппозиции были /k/ ~ /b d g/ были /b d g/ (звонкие), то теперь ими стали /k/ (сильные придыхательные).

В положении нейтрализации, где следует ожидать немаркированный член, в древнеисландском действительно стояли глухие. После передвижения в позиции нейтрализации по-прежнему остались немаркированные шумные, но теперь это были уже звонкие (непридыхательные слабые). Так случилось, что *eggja*, *labba*, *oddi* и т. п. сохранили свои интервокальные смычные фонетически неизменными (они как были, так и остались звонкими, хотя фонологическое содержание этой звонкости изменилось), а смычные в *ekkja*, *lappa*, *ótti* «ослабились», т. е. утратили придыхание и фонетическую глухость, в результате чего два ряда — /p: t: k:/ и /b: d: g:/ — слились (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 96—97, 102—103). Но слияние смычных не привело к превращению *ekkja*, *eggja* и т. п. в омонимы. Надо полагать, что именно в этот момент на первый план выступила иррелевантная до того преаспирация. Раньше преаспирированы были все геминаты, и поэтому преаспирация служила избыточным показателем удвоения согласного. Но когда интервокальные и конечные /p: t: k:/ и /b: d: g:/ слились в один ряд, произошло закрепление преаспирации только перед бывшими фонологическими глухими, и она стала показателем утраченной фонологической глухости; соответственно перед бывшими фонологическими звонкими закрепился плавный акцент. Так дефонологизация различий между геминатами привела к фонологизации акцентных различий.

Сравнительная акцентология германских языков дает множество примеров того, как акцентные противопоставления оживали именно в результате фонематических слияний. Наиболее типичный случай такого рода — возникновение апокопического акцента. Когда в каком-нибудь диалекте проходила апокопа, то образовывалось множество новых односложных слов (из бывших двусложных) и регулярно происходило размежевание новой и исконной односложности: апокопированные слова обобщали двухвершинный акцент, а старые односложные — одновершинный. Даже исландскому «ослаблению» согласных и последовавшему за ним закреплению преаспирации лишь за этимологически глухими можно найти очень близкую параллель: аналогичный процесс имел место в западнонорвежском диалекте, в котором западнонорвежский толчок встречается почти только на глухостном базисе перед исконно сильными (долгими), а впоследствии ослабленными шумными (Кацнельсон, 1966, стр. 210).

Подводя итог, можно было бы сказать, что в поздней истории исландской преаспирации два события сыграли решающую роль: установление слогового равновесия и передвижение шумных согласных. Первый процесс разрушил спонтанную акцентуацию и устранил преаспирацию на старых долгих гласных, превратив ее в кратковокалический акцент, второй — привел к закреплению преаспирации только перед старыми глухими сильными. На данном этапе нашего исследования мы еще не можем сказать, какой

из двух процессов произошел раньше. Вполне вероятно, что сначала имело место «ослабление» шумных, вызвавшее сдвиги внутри комбинаторной сферы, и что лишь потом произошло устранение спонтанной сферы; но столь же вероятен и обратный порядок событий.

Исландский язык, как всегда, довел все изменения до конца наиболее последовательно, поэтому понять и реконструировать эти изменения на исландской почве сравнительно просто. Гораздо более сложна история западноютского толчка и преаспирации в шведском. Так, например, неясно, как сохранился западноютский толчок в некоторых исконно односложных словах перед рефлексамися звонких геминат. Правда, толчок этот, как подчеркивает К. Ринггор, эпизодичен и факультативен, и можно было бы предположить, что перед нами обычный случай отмирающего явления. Но не исключено, что сохранение толчка в недопустимой уже ныне позиции отражает колебания в развитии забазисных смычных. Мне кажется очень важным замечание С. Эйнарсона, что крестьянин, который произносил с преаспирацией *spöggast*, *leggja*, *bryggjuna*, проявлял колебания и в выборе поствокального смычного (то [p t k], то [b d g]), т. е. не говорил ни на чистом линмайли, ни на чистом хардмайли (Einarsson, 1932, стр. 572). С другой стороны, непонятно, почему не сохранилась преаспирация перед звонкими там, где не произошло передвижения исландского типа. Парадоксально, что реликты древней дистрибуции резкого акцента перед сильными звонкими уцелели там, где на них нельзя было рассчитывать — в западноютском и исландском, и не сохранились, например, в Вемдалене.

Приходится признать, что история акцентов — это равнодействующая многих сил и никакая одна модель не в состоянии истолковать всю массу известных диалектологических фактов. Тем не менее путь развития резкого и плавного акцента перед исландскими геминатами был, по всей видимости, примерно таким, как он реконструирован нами в этом разделе.

§ 10. Акцентуация в словах с дифтонгическим сочетанием

Дифтонгическое сочетание — это гласный + сонант. История слов, имеющих в своем составе дифтонгическое сочетание и особенно дифтонгическое сочетание + шумный (*and*, *amb*, *ert*, *alk* и т. п.), в высшей степени связана с историей слоговой акцентуации. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить так называемые изменения перед гоморганными (а правильное — перед группами дифтонгическое сочетание + шумный). Нам будут, однако, интересны не количественные изменения, а «глухие сонанты», т. е. десоноризованные /l m n r/ (в фонологической транскрипции

мы их будем обозначать /l̥ m̥ n̥ r̥/. Фонемы /l̥ m̥ n̥ r̥/, как мы пытались показать выше (стр. 51—55), не могут быть разложены на /l m n r/+ /h/ или на сочетание /l m n r/ с преаспирацией; по нашему мнению, глухой отступ /l̥ m̥ n̥ r̥/ перед старыми глухими смычными — это не элемент стыка, не слоговой акцент и не сегментная фонема /h/, а различительный признак самих этих фонем. В данном разделе мы попробуем связать историю глухих коррелятов носовых и плавных с историей преаспирации.

Общая картина распределения фонем /l̥ m̥ n̥ r̥/ в исландском такова. На юге и на западе Исландии различаются *kambur* /kambur/ 'борода' и *kambur* /kambur/ 'гребенка', *henta* /henda/ 'годиться' и *henda* /henda/ 'схватить', *banka* /baunga/ 'бить' и *banga* /baunga/ 'мастерить', *milti* /mildi/ 'селезенка' и *mildi* /mildi/ 'милость', *orka* /orga/ 'мочь' и *orka* /orga/ 'выть'. По мнению фонетистов, смычный после /l̥ m̥ n̥ r̥/ непридыхательный и, что особенно для нас важно, скорее сильный, в то время как после /l m n r/ он непридыхательный и скорее слабый. Однако различия между шумными, следующими за /l m n r/ и /l̥ m̥ n̥ r̥/, не воспринимаются исландцами; различия же между самими /l m n r/ и /l̥ m̥ n̥ r̥/ очевидны всем говорящим по-исландски и, несомненно, релеванты. На севере Исландии, напротив, /m n/ не имеют глухих коррелятов и там в соответствующих парах противопоставлены смычные; однако /r/ коррелирует с /r̥/ на севере так же, как на юге; что же касается /l̥/, то хотя оно и существует, его распределение регулируется не только этимологическими соображениями, но и морфологической аналогией (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 108—109, там же подробная библиография).

Попытка объяснить происхождение фонем /l̥ m̥ n̥ r̥/ с чисто фонетической точки зрения принадлежит А. Бёдварссону (Bödvarsson, 1951, 1953, стр. 122). А. Бёдварссон полагал, что поскольку в сочетании двух поствокальных согласных первый всегда дольше второго, звонкие /l m n r/ перед глухими оглушились, ибо глухие носовые и плавные по своей природе всегда дольше звонких. Слабость этого объяснения очевидна, и М. И. Стеблин-Каменский совершенно прав, говоря, что подобное объяснение в лучшем случае могло бы пролить свет на возникновение глухих аллофонов, но не фонем. Надо только добавить, что и возникновение аллофонов никак не может быть истолковано в рамках гипотезы А. Бёдварссона; ср. у самого М. И. Стеблин-Каменского: «Но возникновение более или менее глухих аллофонов фонем в данном положении едва ли нуждается в объяснении. Такие аллофоны обычно возникают в соседстве с глухими согласными, и в исландском они, вероятно, существовали еще в древности. Что нуждается в объяснении — так это возникновение фонем /m̥ n̥ l̥ r̥/ в данном положении» (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 111).

Теория самого М. П. Стеблин-Каменского заключается в следующем (там же, стр. 111—114): 1) глухие аллофоны [l̥ m̥ n̥ ŋ̥] существовали в исландском перед /p t k/ уже в древности (см. выше); 2) до тех пор пока /p t k/ были фонологически глухими, т. е. до исландского передвижения согласных, направление ассимиляции от шумного к сонанту сохранялось; когда же произошла дефонологизация голоса у смычных, ассимиляция по глузости прекратилась и аллофоны [l̥ m̥ n̥ ŋ̥] превратились в фонемы /l̥ m̥ n̥ ŋ̥/ (М. П. Стеблин-Каменский исходит из предположения, что ассимиляция возможна только по различительному признаку); 3) парадигматической причиной фонологизации была тенденция к тесной структурной связи между сонорными и шумными целевыми и к изоляции шумных смычных; 4) не исключено, что возникновению фонем /l̥ m̥ n̥ ŋ̥/ в исландском и фарерском способствовало наличие северного языкового союза, так как эти фонемы не встречаются в других германских языках, но существуют и у кельтов, и у гренландских эскимосов.

Мне кажется, что можно предложить более стройное объяснение того, как возникли южноисландские /l̥ m̥ n̥ ŋ̥/. Преимущества излагаемой ниже гипотезы состоят в следующем: появляется возможность объяснить возникновение не только фонем /l̥ m̥ n̥ ŋ̥/, но и аллофонов [l̥ m̥ n̥ ŋ̥] перед старыми глухими /p t k/ не ссылаясь на то, что сонантам естественно терять сонорность перед глухими; проясняется процесс фонологизации /l̥ m̥ n̥ ŋ̥/; удается связать оглушение сонантов в исландском и фарерском с аналогичными процессами в шведских и норвежских диалектах.

Ключом к истории исландских /l̥ m̥ n̥ ŋ̥/ является то, что они предшествовали не просто глухим, но сильным /p t k/. Сила этих шумных не вызывает сомнения. Во-первых, постсонорные шумные *kampur, henta, banka, milti, orka* до сих пор фонетически сильнее, чем соответствующие шумные в *kambur, henda, banga, mildi, orka*. Во-вторых, в северноисландском произношении, там, где нет /m/ и /n/, шумные смычные до сих пор придыхательны (что для исландского является синонимом силы); ср. транскрипции Эйнарссона, например *mennta* 'обучать': [mɛn'tʰa] — для севера, [mɛn'ta] — для запада и юга (Einarsson, 1945, стр. 406).

В соответствии с предложенной выше реконструкцией акцент в комбинаторной сфере сильные шумные в *kampur, henta, banka, milti, orka* и т. п. должны были иметь перед собой преаспирацию, т. е. древнеисландские формы должны были звучать [kʰam'pur], [hɛn'ta], [ba(u)n'ka], [mil'ti], [or'ka]. Преаспирация, как хорошо известно из современного исландского, оглушает исходный гласный, на который падает (ср. сказанное на стр. 40—41 о глухом гласном и об ошибочном отождествлении самой преаспирации с глухим отступом аспирированного гласного). Можно не сомневаться, что, когда преаспирация надела на сонант, она точно

так же оглушала его исход и протранскрибированные выше слова произносились в древнеисландском [kamr'ruŋ], [hennu'ta] и т. д. Глухой отступ современных /l̥ m̥ n̥ r̥/ оказывается, таким образом, следом исчезнувшей преаспирации, а не результатом ассимилятивного воздействия глухих /p t k/.

Восстанавливая преаспирацию в словах с исходом на дифтонгическое сочетание + шумный, мы можем основываться не только на общих соображениях о том, что формы с сильным согласным имели резкий акцент. Есть и более конкретные факты, подтверждающие такую реконструкцию.

Прежде всего чрезвычайно важно, что западнонорвежский толчок, имеющий в принципе ту же дистрибуцию, что и исландская преаспирация (а именно перед рефлексами старых глухих геминат), регулярно встречается на сонанте, предшествующем старому глухому шумному (см. стр. 98), т. е. как раз в том положении, в котором, по нашей гипотезе, встречалась когда-то и исландская преаспирация. В фарерском гласные, предшествующие «глухим сонантам», имеют резкий динамический акцент, а перед обычными сонорными — плавный (Werner, 1963, стр. 94).

Кроме того, обращают на себя внимание некоторые материалы, содержащиеся во много раз уже цитированной нами статье С. Эйнарссона о диалекте Восточных фьордов. С. Эйнарссон обсуждает случаи смешанного произношения, когда в речи одной и той же семьи или даже одного и того же человека встречаются как южные, так и северные черты. Среди прочего он касается распределения /l m n/ и /l̥ m̥ n̥/. В произношении некоторых людей нет определенной системы в дистрибуции звонких и оглушенных сонантов, но время от времени С. Эйнарссон замечал связь глухости—звонкости сонанта (т. е. выбор между /l̥ m̥ n̥/ и /l m n/) с общим уровнем тона: глухость сочеталась с падением голоса (low pitch), а звонкость — с подъемом (high pitch), например, fólkinu /-l̥-/ 'люди' (опр. ф., ед. ч., дат. над.) на низком тоне, но ekki fleira fólki /-l-/ 'немного людей' — на высоком; аналогично: baðstofu-lampann /-m̥-/ 'комнатная лампа' (опр. ф., ед. ч., вики. над.), но það var stór lampi /-m-/ 'это была большая лампа'; það er einso(g) vant et 'как обычно' с подъемом голоса и в vant, но hefð(i) ekki kúrnar vantað 'коров хватило бы' с падением тона и /n̥/ в vantað, и т. д. (Einarsson, 1932, стр. 565).

Факт, замеченный С. Эйнарссоном, симптоматичен. Все скандинавские слоговые акценты так или иначе осложнены музыкальными характеристиками. Это относится не только к шведско-норвежским акц. I и II, но и к датскому толчку. Как именно выражается эта связь, не всегда ясно, но то, что она существует, несомненно. Поэтому зависимость звонкости—глухости в планных и носовых от уровня тона может считаться косвенным подтверждением гипотезы о присутствии на /l m n r/ в далеком прошлом слоговых акцентов.

Нельзя не поражаться тому, как исследователи разных языков, почти наверняка не знающие работ друг друга, делают совершенно аналогичные наблюдения каждый на своем материале. С. Эйнарссон слышал глухие носовые и плавные на низком тоне. Следовательно, исландская преаспирация была, видимо, связана с падением голоса. П. Кристоферсен также слышал английскую гортанную смычку лишь на низком и ровном тоне (Christophersen, 1952, стр. 156). Наконец, Г. Суит определял норвежский акц. I как нисходящий по тону и именно из него выводил датский толчок (Sweet, 1873—1874, стр. 99—100).

Итак, мы предполагаем, что древнеисландские дифтонгические сочетания, заканчивавшиеся глухим шумным, имели преаспирацию на сонанте, которая оглушала его исход. Но глухость конечной фазы фонем /l m n g/ была в то время лишь избыточным показателем резкого акцента и не несла никакой функциональной нагрузки.

Дальнейшую историю дифтонгических сочетаний можно себе представить так. Исландское передвижение согласных привело к совпадению фонематического состава не только таких слов, как *larra*, *labba*, но и таких, как *kamrug*, *kambur*. Преаспирация, став показателем утраченной фонологической глухости в *larra*, *ekkja* и т. п., закрепилась на тех же ролях в *kamrug*, *benta* и т. п. Разница заключалась лишь в том, что геминаты были по происхождению сильными и в *larra*, и в *labba*, так что «ослабление» смычных привело к перетасовке акцентов и утрате преаспирации перед бывшими /b: d: g:/; простые же постсонорные смычные были сильными лишь в своем глухом варианте, поэтому «ослабление» /p t k/ после дифтонгического сочетания к каким перераспределениям преаспирации не привело: в *kambur*, *henda* и т. п. ее никогда и не было. Но, не претерпев никаких дистрибутивных изменений, преаспирация на дифтонгическом сочетании полностью изменила свою функцию и превратилась в избыточного показателя силы постсонорных /p t k/ в сигнал утраченной фонологической глухости, т. е. фонологизовалась. Фонемы *kamrug* и *kambur* приобрели одинаковый фонематический состав /kambyr/ и могли отличаться лишь наличием или отсутствием преаспирации: *kamrug* /kam'byr/ ~ *kambur* /kambyr/. Это собой разумеется, что сдвиги в фонологической нагрузке акцентов никак не повлияли на реализацию сонантов; только глухой отступ /l m n g/ из избыточного показателя избыточной преаспирации превратился в избыточный показатель релевантной преаспирации.

Последним шагом в истории подакцентных /l m n g/ было ослабление в силу закона слогового равновесия. Этот закон разрушил спонтанную акцентуацию и привел к возникновению фонематической корреляции длительности. Во всех исландских словах возникла количественная вершина: подвижная в слогах струк-

туры [VC] и терминальная в структурах [(C) V] и [VC₁C₂] (ср. стр. 29—30). Слова *kamprug*, *henta* и т. п. получили вершину на сонанте: /kaṁ'byr/, /heñ'da/. Но, как говорилось выше, падение спонтанной сферы и распространение комбинаторной акцентуации на весь язык превратило преаспирацию в кратковокалический толчок и она стала возможна не просто перед старым *сильным* глухим, но непременно перед старым *долгим* глухим. Возникновение количественной вершины на сонантах слов типа *kamprug* сделало невозможной в них преаспирацию перед шумными, и преаспирация как слоговой акцент была в них устранена. Но так как преаспирация была к этому времени релевантной, то ее исчезновение из слов с дифтонгическим сочетанием привело к фонологизации того глухого отступа сонантов, который многие века служил избыточным сигналом резкого акцента.

Так возникли новые фонемы /l̥ ɱ ɲ ʀ/. В их истории, как и в истории геминат, определяющую роль сыграли два изменения: исландский перебой согласных и выравнивание всех ударных слогов по долготе. В тех случаях, когда эти процессы не имели места, фонологическое оглушение носовых и плавных не происходило. Так, в хардмайли, где до сих пор различаются глухие и звонкие постсонорные смычные, нет и фонем /l̥ ɱ ɲ/ южноисландского типа. Правда, /l̥/ там возможно, а /ʀ/ встречается так же регулярно, как на юге и западе Исландии, но из этих фактов следует только то, что мы восстановили не всю картину, а лишь ее наиболее общие контуры. За кадром оказались какие-то менее броские процессы, исследование которых — дело будущего. Тем не менее уже сейчас можно позволить себе самый общий вывод: глухой отступ исландских фонем /l̥ ɱ ɲ ʀ/ — это фонологизовавшийся след древнего аспиративного толчка.

На первый взгляд кажется странным, что слоговой акцент падал в дифтонгических сочетаниях на сонант, а не на гласный. Разгадка такого положения вещей возможна, если принять гипотезу трехморной акцентуации. Для прагерманского С. Д. Кацнельсон восстанавливает трехморные базисы, на которых чередовались одно- и двухвершинные акценты по образцу — ˘ — vs. ˘˘ — ˘˘. Подвершинные моры усиливались, т. е. удлинялись, приобретали придыхание, аффрицировались и т. д. Моры, на которые не падали вершины слогового акцента, напротив, ослаблялись, т. е. сокращались, теряли глухость, вокализовались, выпадали и т. д. Воспроизводим образец реконструкции С. Д. Кацнельсона: др.-исл. *brekka* < *brēn'kon, датск. *brink* < *brēnkon. Аналогичные процессы происходили в древневерхненемецком, где слова типа *helfan* 'помогать' (т. е. слова с дифтонгическим сочетанием) развивались по образцу *brēnkon (Кацнельсон, 1966, стр. 298—302). Таким образом, восстанавливаемая нами преаспирация на сонантах — след одновершинного акцента вида — ˘ —.

Существенный вопрос состоит в том, как отразился в исландском двухвершинный акцент вида \curvearrowright — \curvearrowleft . Как известно, группы /*tr nt nk*/ переходили в /*p: t: k:*/ на всей скандинавской территории, но в западноскандинавских языках — норвежском, исландском, фарерском — несравненно чаще и регулярней, чем в восточных — шведском и датском (наиболее подробное обсуждение вопроса см.: Moberg, 1944). С точки зрения гипотезы С. Д. Кацнельсона формы с геминатой восходят к периферийному (двухвершинному) акценту (ср. *brekka* < **brén'kon*), а формы с \curvearrowright — с уцелевшим сонантом — к центральному (одновершинному). В исландском сохранились формы типа *kaþrug* с неассимилированным /*m*/, но есть и формы типа *kaþri* 'борец, боец', в которых \curvearrowleft < -*amr*- (ср. др.-а. *seþre* 'воин', др.-в.-н. *kaþro* и т. д.). Почему *kaþr(u)g* не перешло в **kaþr(u)g*, а в *kaþri* утвердилась гемината? Очень важно, что в *kaþrug*, в котором сонант сохранился (хотя и оглушенный), удастся восстановить сонантический резкий акцент. Очевидно, что *kaþrug* потому и не превратилось в **kaþrrg*, что сонант стоял под вершиной акцента. Глухой отступ исландских /*l m n ŋ r*/ квалифицируется нами как след исчезнувшей одновершинной преаспирации. В формах же типа *kaþri* следует восстанавливать двухвершинную преаспирацию.

Выше мы говорили (стр. 123), что некоторые нити ведут нас к двухвершинной преаспирации в исландском. В словах с дифтонгическим сочетанием можно даже показать различия в распределении одновершинной и двухвершинной преаспирации. Но для более широких обобщений исландский материал не дает опоры.

В заключение этого раздела отметим, что просодическая гипотеза возникновения исландских (и шире — скандинавских) фонем /*m n ŋ r*/ позволяет связать воедино ряд процессов, которые уже не раз признавались существенными для истории этих фонем преаспирации. Сюда относятся ассимиляция сонантов (К. Й. С. Марстрандер, К. Г. Чэпмэн), перенос квантитативной вершины на первый поствокальный согласный (А. Бёдварссон), ослабление смычных (М. И. Стеблин-Каменский). История глухих коррелятов носовых и плавных становится звеном в длинной цепи взаимосвязанных событий.

§ 11. Акцентуация в словах с сонантическим исходом

Словами с сонантическим исходом принято называть слова, оканчивающиеся на сочетание шумный + сонант. Сонантические исходы для германских языков — это группы шумный смычный или целевой + /*l m n ŋ r*/. В исландском многие слова оканчивались на /*ŋ r*/; в других германских языках слова с исходом на /*rg kr tr*/ т. п. не встречались. Акцентуация слов с сонантическим исхо-

дом — одна из труднейших глав в сравнительной акцентологии германских языков.

Напомним, что по гипотезе С. Д. Кацнельсона слоговая акцентуация в германском зависела от долготы корня: в долгосложных словах встречались и плавные, и резкие акценты, в краткосложных — только плавные, в сверхдолгосложных — только резкие. Мы видели, как хорошо подтверждается эта гипотеза вемдаленским материалом: в Вемдалене преаспирация (рефлекс резкого акцента) допускается только в некраткосложных словах (ср. стр. 86).

Слова с сонантическим исходом типа др.-исл. *pagl* 'погодь', *vatn* 'вода' и т. п. формально принадлежат к долгосложной группе (гласный + два согласных), но фактически они всегда ведут себя так, как если бы сонант был в них суффиксом, а не элементом корня. Во всех германских языках мы постоянно наблюдаем, что акцентуация долгосложных слов распространяется на слова типа *vatn* лишь после того, как какой-то элемент в них удлиняется. Создается впечатление, что само по себе сочетание шумный + сонант еще не достаточно для долготы, что *pagl*, *vatn* и т. п. — это скорее краткосложные, чем долгосложные слова.

В свое время Э. Сиверс обнаружил, что в словах типа древнеанглийского *setl* 'трон' (с сонантической группой после краткого гласного) сонант не является слогаобразующим (см.: СГГЯ, II, стр. 60). Можно добавить, что сонант в подобных словах не только не образовывал слога, но даже не превращал корень в долгосложный. Вывод о краткосложности слов с сонантическим исходом был вполне определенно сделан С. Д. Кацнельсоном (Кацнельсон, 1966, стр. 50, 75, 90, 106) и подтверждается огромным материалом. Отметим, что немногочисленные слова типа др.-исл. *vápn* 'оружие' с долгим гласным перед группой шумный + сонант были, следовательно, не сверхдолгими, а долгими. Краткосложность слов *vatn* и др. означает, что искоными были в них только плавные акценты и если в современном исландском слова с группой /p t k/ + /l n/ неизменно имеют преаспирацию, то эту преаспирацию следует приписать относительно поздним процессам. Сравнительно-историческое исследование должно ответить, почему и когда закрепились резкие акценты в словах с сонантическим исходом.

Прежде всего мы рассмотрим, как вообще происходит удлинение корней типа *vatn*. Основным материалом нам послужат прибрежные говоры Западной Норвегии (*den bløte kyststripe*), подробно описанные Д. А. Сейпом (Seip, 1924; ср. также Hoff, 1946, § 223). Д. А. Сейп рассматривает историю слов *vatn* 'вода', *botn* 'дно', *vakna* 'просыпаться', *sakna* 'не хватать', *sókn* 'езд' и т. п. Если между смычными и сонантом не образуется эпентетического гласного, то происходит развитие типа [sókn] > [sókn]. Перед эпентетическим гласным развитие идет по-иному: ср. формы

[voken], [våkən]. Каков бы ни был механизм, приведенный к существованию указанных форм, Д. А. Сейп отрицал датское влияние на норвежские говоры и склонен был видеть в истории этих форм проявление собственно норвежских тенденций. Общим законом для прибрежной полосы является переход [tn] > [nn] (ср. и форму диалекта vann при шведской литературной форме vatten). Группа [kn] переходит в [ɲn] или в [gn]. Характерно, однако, что слово sókn (как и ряд слов этого типа) представлено конкурирующими формами: ср. [soɲn], soktn (с эпентетическим [t]), sokken и даже просто sokk. Наряду с sokk сохраняется и форма sokn с глухим неслоговым /n/ на конце. Слова с группами /kn tn/ могли, видимо, иметь неодинаковое развитие в абсолютном исходе перед гласным. Ср. формы bonn 'дно' и Botne (топоним), а также формы, приводимые Х. Линдротом: в хераде Богуслен (Bohuslän) /k/ перед /n/ удлинилось во всех позициях, в которых встречается группа /kn/, но перед гласным раньше, чем перед паузой (см.: Seip, 1924, стр. 174, прим.).

Процессы, аналогичные только что описанным, происходили в шведском. Э. Лиден (см.: Seip, 1924, стр. 173) указывает шведский переход /tn/ > /dn/ (ср. vatn и существующие параллельно с этой формой vadn и van). А. Пурейн (там же, стр. 174) отметил особую судьбу группы /kn/ в древнешведском, она могла обозначаться через gn и ghen.

Спектр форм: soktn, sokkn, sokk, sokʉ (с неслоговым сонантом), sokn и особенно vaktn, vatten, vattn, vatʉ, vatt, vatn, vadn, van — недвусмысленно свидетельствует о том, что слова типа vaktn могли идти по двум направлениям: в них либо усиливался шумный и ослаблялся сонант, и тогда образовывались формы vatten, vattn, vatʉ и даже просто vatt, либо усиливался сонант за счет шумного, и тогда получались формы vadn и vann. Формы vatt и vann показывают нам те два полюса, к которым могла прийти в своем развитии группа шумный+сонант. Причины, по которым группа /tn/ давала то /tt/, то /nn/, не ясны. Известно, например, что в литературном датском поведение конечных сонантов может зависеть от вида толчка: при двухвершинном (двухфазном, трехфазном) толчке сонант сохраняет свою сонорность и образует новый слог (ср. /man'l/ mandel 'миндаль'), при одновершинном же — сонант десоноризуется и слово остается односложным, например vogn 'телега', hævn 'мечь' (замечено О. Еспер-ном; приведено в кн.: Кацнельсон, 1966, стр. 118).

Однако датской аналогии, разумеется, недостаточно, чтобы устанавливать двухвершинные акценты в sokn и vatn и одновершинные — в sokk и vatt. В норвежских формах есть, мне кажется, более очевидные указания на их акцентуацию. Прежде всего заслуживают внимания формы vakten и soktn с эпентетическим смычным. Никаких причин, чтобы слово vatn, удлинив первой согласный, превратилось в vaktn, как будто, нет.

Как ни трудно истолковать *vatt* и *vann*, они все же показывают разные пути преодоления словом *vatn* своей краткосложности, т. е. разные варианты достаточно ясного процесса. Хорошо известно, что в большинстве скандинавских диалектов краткосложные слова не сохранились и как акцентуационно, так и количественно присоединились к долгосложным. В этом смысле формы *vatten*, *vatt*, *vann* и т. д. несмотря на разнонаправленность прошедших в них изменений закономерны. Форму же *vaktn* можно объяснить лишь в том случае, если учесть не только удлинение корня, но и подключение слов с сонантическим исходом к пласту с резкой акцентуацией. Последний процесс происходил не одинаково бурно в разных скандинавских языках и диалектах. Мы видели, что группы типа /tn/ иногда совсем не преаспирированы (например, в Чёкаре), а между этими полюсами располагается ряд переходных случаев с нерегулярно преаспирированными сочетаниями шумных с сонантами. Формы *soktn*, *vaktn* и т. п., видимо, приобрели эпентезу под влиянием резкого акцента на гласном. Эпентетическое /k/ — это скорее всего «орализованный» резкий акцент.

Процессы, близкие к тем, которые описаны в норвежском, происходили и в шведском. Древнешведское /tl/ могло развиваться в /tsl/ и в /ll/ (ср. *kitzla* < *kitla* 'щекотать' и *lille* < **litle* 'маленький'). А. Кокк, обсуждавший эти случаи (Kock, 1890, стр. 45—46), связывал переход /tl/ > ll/ со словесным ударением и условиями синтаксической фонетики. Он полагал, что /tl/ давало /ll/ в слабоударной позиции (*min lille vän* 'мой дружок', *far lille* 'папочка' и т. п.). Он считал также, что современное шведское *kittla* (исторический дублет к *kitzla* < *kitla*) возникло под влиянием нижнегерманского произношения. Но формы *kittla* и *lille* в точности соответствуют формам *vatten* и *vann* и едва ли нуждаются для своего истолкования в реконструкции сложных ритмико-синтаксических условий. Переход же /tl/ в /tsl/, а затем просто в /sl/ также параллелен переходу *vatn* > *vatten*, ибо аффриката /ts/ — это в конечном итоге еще один вариант усиления шумного (ср. стр. 148). Упрощению же аффрикаты /ts/ в /s/ способствовали общие условия функционирования поствокальных групп шумный + сонант, которые можно определить как постоянное смещение различных сонантических групп.³⁰

Хорошо известно, что в ряде германских языков группы типа /tl kl gn dn/ постоянно смешивались. Эти процессы изучались уже Э. Цупитцей (Zupitza, 1896, стр. 18 и сл.), но только с артикуляторной точки зрения. Э. Цупитца поставил перед собой цель найти те механические причины, которые приводили к взаимопереходу этих групп и особенно к переходу /kn/ > /pn/.

³⁰ Кроме того, противопоставление /tl/ ~ /sl/ не имело, видимо, никакой нагрузки (о чем подробнее на норвежском материале см.: Haugen, 1942).

но он не ответил на вопрос, почему в какой-то момент истории эти группы, всегда имевшие вполне определенный характер взрыва, вдруг пришли в движение. После Э. Цупитцы сочетания смычных с медиальными сонантами описывались еще несколько раз и дважды изучались экспериментально (Ringenson, 1924; Meriggi, 1926 и 1926*). Не так давно результаты всех исследований были кратко обобщены П. Наартом (Naert, 1946, стр. 132—139; из известной мне литературы в обзоре П. Наарта пропущено только: Meriggi, 1926, 1926*; заслуживало внимания также: Modéer, 1943). Однако П. Наарт, работавший более чем через полвека после Э. Цупитцы, не пошел дальше своего предшественника и также искал причины переходов /kn/ > /pn/, /kl/ > /tl/ и т. п. в артикуляционных свойствах самих этих групп. Вместе с тем почти очевидно, что смешения групп /kn pn kl tl/ и др. имеют простые и давно известные диалектологам акцентологические причины.

Описывая западноютский толчок (стр. 99), мы отмечали, что смычный, следующий за подакцентным гласным, ослабляется, смешивается с другими смычными и даже выпадает совсем. Точно же самое должно было происходить в словах типа vatn или varn. Подобно тому, как в западноютском сосуществуют [sma'kə], [sma'rə], [sma'tə] как варианты одного слова (Skautrup, 1928, стр. 35, 42) и как ['ka'pə,fals] неотлично от ['ka'tə,fals] и ['ka'kə,fals] (Jensen, 1949, стр. 31—34), слово vatn могло иметь варианты типа *[va'tn], [va'kn], [va'pn]. Смешению такого рода должны были еще способствовать формы вроде soktn, vaktn, которые вносили дополнительную путаницу в противопоставления сонантических групп друг другу. Наиболее вероятно, что смешение разных сонантических групп (включая и те, первым элементом которых был шумный щелевой) происходило под резким акцентом и как исторический процесс оно не старше той эпохи, когда резкая акцентуация начала проникать в слова сонантическим исходом.

Мы видим, что слова типа vatn развивались в довольно разнообразных направлениях. Общим в поздней истории этих слов было их присоединение к долгосложным словам и распространение на них акцентных и количественных норм долгосложности. По пути потери краткосложности были довольно своеобразны, и сейчас даже противоречивы: слово vatn могло удлинить и тем сделать шумный (крайний случай vatt), могло удлинить сонант, сделав при этом шумный (здесь крайний случай vann), но могло сделать резкий акцент (толчок), превратиться в [va'tn] и тем так-таки ослабить шумный. Система взаимоотношений между [vatt], [vann] и [va'tn] требует специального анализа. Мы же делаем лишь тот вывод, что мена поствокальных групп шумный + сонант может рассматриваться как след проникшего в эти слова резкого акцента.

Мне кажется, что существуют некоторые факты, непосредственно подтверждающие правильность сформулированного выше вывода. Факты эти давно замечены, но недостаточно убедительно интерпретированы. Анализируя случаи перехода /pn tn/ в /kn/ в отдельных районах Эстерботтена (Østerbotten, Финляндия), О. Ф. Хультман и вслед за ним М. Кристенсен (Kristensen, 1933, § 51) считали, что этот переход предполагает промежуточную стадию [hn] и [xn]. В речи некоторых представителей старшего поколения жителей Эстерботтена произношение [hn] фактически засвидетельствовано диалектологами. М. Кристенсен одобрительно цитирует реконструкцию О. Ф. Хультмана: [pn tn] > [hn] > [xn] > [kn] (там же).

Даже если оставить в стороне общезонологические соображения, делающие предложенную схему маловероятной, в ней есть и другие очевидные слабости. Во-первых, непонятно общее направление всего сдвига: почему между /pn tn/ и /kn/ должна лежать стадия [hn]? почему и /pn/, и /tn/ имели совершенно одинаковое развитие и, превратившись в /hn/, снова стали двигаться в направлении группы шумный+сонорный? Во-вторых, сомнителен порядок восстанавливаемых звеньев всего процесса. Как можно судить по огромному количеству зарегистрированных звуковых изменений, /h/ — это всегда последняя стадия, которую проходит фонема на пути своего превращения в нуль (Либерман, 1967, стр. 110). Обратное движение от /h/ к /x/ или от /h/ к /k/ никогда не наблюдается. Поэтому схема [pn tn] > [hn] > [xn] > [kn] весьма сомнительна и с типологической точки зрения.

Нам следует вернуться к исходным фактам. Эти факты двоякого рода: 1) в определенном диалекте /pn/ и /tn/ смешиваются с /kn/, 2) в речи старшего поколения на месте /pn/ и /tn/ может встречаться /hn/. Формы с /hn/ — это как бы универсальный заменитель и /kn/, и /pn/, и /tn/; в /hn/ «нейтрализуются» противопоставления /kn/ ~ /pn/ ~ /tn/. Не исключено, что в Эстерботтене /kn pn tn/ могли превращаться в /n/ под влиянием резкого акцента, уничтожающего смычный. Что же касается эстерботтенского [h] перед /n/, то скорее всего речь идет не о фонеме /h/, а либо о преаспирации, либо просто о десоноризации сонанта под резким акцентом (ср. сказанное на стр. 137 о воздействии двухвершинного толчка на датские *vogn*, *havn*). Нет даже уверенности, что О. Ф. Хультман слышал /n/ с глухим приступом. Как известно, в скандинавской диалектологии через начальное [h] регулярно обозначают не только глухой приступ, но и *глухой отступ* сонантов: ср., например, транскрипции Ю. Сорма [ahlt], [sahlt], [vählt] для сонантов типа /!/ (Storm, 1920, стр. 37, 42). Ясно лишь, что /n/ десоноризовано. Я предполагаю, что эта десоноризация обязана своим происхождением

голчку. Эстерботтенские формы ценны тем, что сохраняют следы старого акцента и позволяют по-новому истолковать аналогичные явления в других диалектах, например /t/ < /sl/ в Норвегии и Швеции.

Итак, суть предлагаемой гипотезы состоит в следующем. Меню типа /kl/ ~ /tl/, /kn/ ~ /pn/ и т. п. не есть результат звукового изменения в общепринятом смысле. Перед нами скорее всего не переходы /kl/ > /tl/, /kn/ > /pn/ и т. д., а смешение групп шумный + сонант; это смешение вызвано крайним ослаблением шумных под резким акцентом и должно рассматриваться как след именно резкой акцентуации; западноютский и эстерботтенский иллюстрируют разные стадии того процесса, который приводит к смешению: в западноютском согласный обычно сохраняется, но теряет свои различительные признаки и смешивается с другими, столь же обезличенными согласными; в эстерботтенском смешения аналогичны западноютским, но мы еще наблюдаем след акцента на подвергнувшемся десоноризации сонанте. Меню /t/ ~ /pl/ ~ /tl/ и т. д. никогда не носили в германских языках сессового характера, потому что формам *[va'n], *[va'kn], *[va'pn] место [vatn]) противостояли формы типа [vatt] и [vann] (возможно, под исконным плавным акцентом), которые способствовали удержанию этимологически верного образа слова.

Против предложенной гипотезы можно было бы сказать, что смешения сонантических групп известны не только в поствокальном положении, но и в начале слова. Так, в современных английских диалектах /kl gl/ постоянно чередуются с /tl dl/. Эти чередования были замечены уже в XVII в., и следы их сохранились в наших днях: англ. gloire (совр. glory) 'слава' в XVII в. проносили как фр. d'loire, т. е. [dlwar]; в claim, clergy, clod 'предсказать', 'духовенство', 'прах' начальный согласный звучал почти как [t]; clear, clay, clout 'ясный', 'глина', 'лоскут' проносились как tlear, tlay, tlout; произношение [tlouz] вместо [lou(ð)z] clothes 'одежда' и сейчас повсеместно распространено в английских диалектах и в американской разговорной речи, тогда даже у образованных людей (Погн, 1902, стр. 372—373; Jeth, 1950, § 337). Основной для нас вопрос состоит в том, связаны ли описанные выше поствокальные и превокальные смешения сонантических групп. Такая связь вполне вероятна. Во-первых, изменения в начальной позиции могли происходить во фразе, когда /kl tl/ и т. д. оказывались после ударного подакцентного слогового (ср. очень характерное указание, что /k/ в claim, clergy, clod звучали почти как [t]). Во-вторых, в период, когда /tl/ и /kl/ чередуются в речи на правах факультативных групп и роль шумных тем самым заметно ослаблена, нет ничего удивительного, если чередования распространяются даже на те позиции, где для этого не было фонетических оснований. Тем не менее история начальных групп, особенно групп /kn gn/ в английском и в исланд-

ском (исландское /kn/ до сих пор может чередоваться с /hn/, а /gn/ — с /n/: ср. gneisti и neisti 'искра', gnúpur и núpur 'гора с высокой и крутой скалистой вершиной', kné и hné 'колени', knífur и hnífur 'поз'), а также история исландских /stl stn/ < /sl sn/ требуют дальнейшего выяснения. Возможно, что ключом к пониманию их развития послужит исследование аналогичных поствокальных групп.

Практические выводы из всего сказанного выше состоят в том, что мы будем рассматривать как следы резкой акцентуации два вида форм: формы с эпентетическими смычными типа /soktn/ и формы, в которых наблюдалась взаимная мена группы шумный+сонант. Имея в виду эти два вывода, мы можем перейти к рассмотрению исландского материала.

Релевантность преаспирации в современных исландских словах с сонантическим исходом хорошо видна из сравнения таких слов, как alla /adla/ (ж. р., ед. ч., вин. пад.; м. р., мн. ч., вин. пад. от allur 'весь') и atla /a'dla/ 'намереваться', vörn /vödn/ 'защита' и vötn /vö'dn/ (мн. ч. от vatn 'вода'; однако чаще встречается не /vödn/, а /vördn/), efla /ebla/ 'укреплять' и epla /e'bla/ (мн. ч., род. пад. от epli 'яблоко'). Легко видеть, что преаспирация не была бы единственным различительным средством слов alla, vörn, efla и atla, vötn, epli, если бы группы /ll n fl/ не совпали с группами /tl tn pl/ в единых /dl dn bl/, т. е. если бы не произошли два процесса: западноскандинавское изменение группы /ll nn fl rl/ и т. д. и исландское передвижение шумных смычных. Кроме того, проникновение преаспирации в слова с сонантическим исходом означало удлинение шумного, преодоление этими словами краткосложности и, следовательно, связано с количественными сдвигами в исландском. Нам предстоит выяснить, когда закрепилась преаспирация перед группой шумный+сонант и почему она возможна только перед сочетанием старого глухого с /l n/.

Хр. Бенедиктссон объяснял удлинение исландских смычных перед /l n/ и приобретение ими преаспирации тем, что возникла необходимость отграничить старые /dn bl/ и т. п. (в таких словах, как vatn, epli) от сочетаний /dn bl/ < /nn fl/ (Benediktsson, 1962, стр. 491). По Хр. Бенедиктссону, следовательно, исландское передвижение согласных (в данном случае та его фаза, которая охватывает процессы /tn pl/ > /dn bl/ и т. д.) произошло до переходов типа /nn fl/ > /dn bl/, а преаспирация перед /dn bl/ < /tn pl/ появилась как реакция на эти переходы, т. е. не раньше XIII—XIV вв. Таков в гипотезе Хр. Бенедиктссона terminus ante quem для проникновения преаспирации в слова с группой смычный+сонант.

По гипотезе М. И. Стеблин-Каменского, переходы /gn/ > /dn/, /ll/ > /dl/ и т. п. были terminus post quem для появления преаспирации перед этими группами. Он замечает, что преаспира-

для в сочетаниях /hdn hdl/ и т. д. должна была возникнуть не позднее переходов /gn/ > /dn/, ll/ > /dl/ и т. д., так как эти новые /dn dl/ не слились с сочетаниями /hdn hdl/ (Стеблин-Каменский, 1966, стр. 98).

Суть вопроса состоит в том, произносились ли к моменту образования новых /dn bl/ слова *vatn*, *epli* как [vatn], [epli] или уже как [vadn], [ebli], т. е. какой процесс моложе: изменения /ll nn/ т. п. или исландский перебой. Если они произносились еще глухим смычным, то преаспирация могла быть в них как угодно рано, но могла закрепиться и после возникновения новых /dn bl/, т. е. между XIII—XIV вв. и тем не известным нам временем, когда произошла перемаркировка исландских шумных в положении нейтрализации (допустим, в XV в.). Если же к моменту образования новых /dn bl/ слова *vatn*, *epli* уже успели приобрести вид [vadn], [ebli], то преаспирация перед группами глухой смычной + сонант наверняка древнее XIII в., так как иначе невозможно объяснить ее отсутствие перед новыми группами.

В исландском есть очень немногочисленные случаи типа *soktn* столь же немногочисленные случаи мены групп /kn/ и /pn/. Если рассматривать их как следы резкого акцента, то XV—XVI вв. называются *terminus post quem* для проникновения преаспирации слова типа *vatn*, поскольку все нижеследующие примеры относятся либо к XV, либо к XVI в.

I. Наерт обратил внимание, что в официальной формуле *þessu mínu ornu bréfi* 'с этим письмом. . .' часто писалось *orþnu* (иногда даже *orþtþnu*). Самый ранний пример относится к 1449 г. *efellsnessýsla*, запад). В современном исландском, как сообщают

II. Наерту С. Бергсвейнссон, какое-то подобие переднеязычного шумного между /p/ и /n/ тоже можно услышать, но звук краток (0.01—0.02 мсек.) и напоминает лишь паразитическую окантовку (*sníkjuhljóð*) (Naert, 1958*). Действительно ли краткий звук [t]-образного характера — это след какого-то резкого акцента и конечный этап развития того звука, который пытались записать исландцы XV—XVI вв. в написании *orþnu*, сказать невозможно, но для XV—XVI вв. данное написание может толковаться как форма с орализованным резким акцентом.

В XVI же веке (ближе к концу) зарегистрировано географическое название *Voknafjörður* < *Vornafjörður*. В рукописи *Grágás* (исландский свод законов), относящейся примерно к 1600 г., встречаются и *vápn*, и *vokn* 'оружие' (Mauger, 1888). Если принять такое толкование подобных замен, то появляется возможность проследить преаспирацию в *orþnu*, *vápn*, т. е. в словах с сонантичным исходом, самое позднее XV—XVI вв. (последний пример Наерта датирован 1567 г.). Нельзя, конечно, не признать, что исландские данные о смещении сонантических групп чрезвычайно скудны. Однако и современный язык знает переходы типа > /tn/: ср. приводившиеся уже /taułkn ~ taułtn/ *tálkn*,

/stulka ~ stultna/ stulka (стр. 45—46). Эти переходы очень типичны: в словах класса *tálkn, stulka* мы реконструировали сонантическую преаспирацию, так что в них мены /kn/ > /tn/ происходят после резкого акцента (обстоятельство, которое увеличивает достоверность реконструкции аналогичного акцента в *vápn, vokn*).

Можно было бы сказать, что один пример типа *soktn* (в нашем случае *ortnu*) и один пример типа *vápn ~ vokn* не дают основания для каких бы то ни было обобщений. И это было бы верно. Наша гипотеза состоит в том, что исландский материал, донельзя скудный сам по себе, показателен лишь на фоне тех германских и скандинавских фактов, о которых шла речь выше.

Что касается удлинения шумных перед сонантами (ср.: Ólafsson, 1911, стр. 21; Benediktsson, 1962, стр. 91), то оно зарегистрировано уже около 1200 г. (Noreen, 1923, § 279, п. 3) и хорошо отражено в памятниках XV—XVI вв. (Bandle, 1956, стр. 108—109).

Итак, к XV в. резкий акцент должен был уже проникнуть в исландские слова типа *vatn*, но насколько широко были охвачены эти слова преаспирацией именно в XV в., мы не знаем. Теперь нам следует определить *terminus ante quem* для интересующего нас процесса. Ключ к искомой хронологии — история исландских /dl/ < /ll/ и /dn/ < /nn/, как хорошо видели уже Хр. Бенедиктссон и М. И. Стеблин-Каменский, хотя их выводы в принципе противоположны. Когда в исландском образовались /dl/ < /ll, rl/, /dn/ < /nn, rn/ и /bn/ < /fn/ (XIV—XV вв., см. Стеблин-Каменский, 1966, стр. 115), в языке возникло много новых слов с исходом на шумный смычный + сонант. В современном языке ни одно из слов с новыми сонантическими группами не имеет преаспирации, зато преаспирация обязательна перед сочетаниями старых глухих с сонантом. Отношения перед группами шумный смычный + сонант совершенно такие же, как перед рефлексами /tt kk pp/ и /bb dd gg/, и, следовательно, они также являются результатом исландского передвижения согласных. И в данном случае исландское передвижение привело к тому, что преаспирация стала сигналом утраченной фонологической глухости, а отсутствие преаспирации — сигналом утраченной фонологической звонкости шумного. Но история распределения преаспирации перед сонантическими группами была не совсем такой, как перед геминатами или постсонорными шумными.

Как показано выше, в древнеисландском все геминаты (и глухие и звонкие) должны были быть преаспирированы по правилу: резкий акцент перед сильным. Ослабление шумных привело к тому, что слоговые акценты стали употребляться в зависимости от бывшей звонкости—глухости геминат, так что дефонологизация звонкости привела к фонологизации в этом положении динамических акцентов. Дистрибутивно же произошел лишь один сдвиг: преаспирация сделалась невозможной перед старыми звон-

кими геминатами. В словах с дифтонгическим сочетанием преаспирация встречалась только перед постсонорными шумными, т. е. лишь на таких /l m n r/, за которыми следовали /p t k/. Ослабление шумных привело к фонологизации акцентов и в этом положении, но никаких дистрибутивных перераспределений не произошло. Впоследствии преаспирация была устранена перед постсонорными смычными, но от нее остался релевантный след в виде глухого отступа фонем /l m n r/.

В словах же с сонантическим исходом события развивались по-иному. Именно в те слова (vatn, epli и т. д.), где она сейчас обязательна, преаспирация проникла довольно поздно (хотя, видимо, не позже XV—XVI вв.). Но перед /fl nn/ в древнеисландском должен был быть резкий акцент, как и перед всеми геминатами. Следовательно, alla уже в древности произносилось [a'lla]. Как раз перед /dl dn/ < /ll nn/ преаспирация в современном языке невозможна. Случилось так, что она закрепилась в этимологически неисконной позиции (в старых краткосложных словах типа vatn) и была утрачена перед рефлексами старых сонорных геминат, т. е. там, где она издревле употреблялась по законам комбинаторной акцентуации. Это парадоксальное положение вещей можно объяснить лишь тем, что слова с сонантическим исходом присоединились к словам, имевшим шумные геминаты, и перед смычными в epla, efla, ætla, alla произошло то же самое, что перед смычными в lappa, labba, ótti, oddi:³¹ преаспирация отошла к старым глухим, хотя переход вызвал сильнейшее перераспределение акцентов в этих словах.

Таким образом, чтобы установить хронологию всех описанных процессов, надо знать либо когда закончилось исландское передвижение согласных, либо какой их двух процессов старше: передвижение или расщепление старых /ll nn/. О важности относительно хронологии в данном вопросе уже говорилось (стр. 143).

Удлинение шумных перед сонорными, известное в исландском еще в XII в., уже тогда делало возможными формы типа [attla] 'tla', и вопрос состоит в следующем: можно ли предположить, что на какие-то слова с древним сонантическим исходом резкая акцентуация распространилась еще до перебоя согласных, что в эпоху перебоя в исландском существовали и слова типа [a'ttla] 'tla' (данное слово выбрано просто в качестве случайного примера), слова типа [a'ddla] < [a'lla] 'alla' и что лишь перебой привел к совпадению их фонематического состава в /adla/ и соответственно к закреплению преаспирации лишь в одном типе (перед старым глухим)? Насколько мне известно, исландский язык не дает материала для однозначного ответа на этот вопрос. Я полагаю,

³¹ Характерно, что те исландцы из района Восточных фьордов, в речи которых сохранилась преаспирация перед [g:], преаспирируют и сочетания типа (Einarsson, 1932, стр. 572).

что преаспирация проникла в слова типа *atla*, *vatn* и т. д. поздно и что XV век, определенный нами как *terminus post quem*, и есть приблизительно то время, когда происходило распространение резкой акцентуации на указанные слова. Однако доводы в пользу этой гипотезы зыбки.

Первое соображение, на котором я основываюсь, связано с историей норвежских диалектов. Норвежские смешения групп /sl t/ (Haugen, 1942, и см. выше) скорее всего имеют ту же природу, что и смешения /kn/ с /pn/, /kl/ с /tl/ и т. п., и, видимо, обусловлены наличием на кратких гласных резкого акцента. Переходы типа /sl/ > /tl/ в норвежском датируются XIV—XV вв. Как предполагает Э. Хауген (там же, стр. 902), /sl/ переходило в /tl/ через долгое глухое палатализованное /l/ и, когда /ll/ дало в западно-норвежских диалектах /tl/, аналогичное изменение захватило и /ll/ < /sl/. Если в норвежском слова на /sl/ получили резкий акцент уже в XIV—XV вв., то не исключено, что и в исландском слова с сонантическим исходом примерно в то же время имели аналогичную судьбу. Как известно, исландская группа /sl/ могла переходить в /stl/ (/sn/ таким же образом переходило в /stn/), так что параллелизм исландских и норвежских явлений очевиден (об исландских /stl stn/ см.: Стеблин-Каменский, 1966, стр. 122). Хотя хронология норвежских изменений, естественно, не ключ к исландской хронологии, мы знаем, что те процессы, которые протекали параллельно в западнонорвежском и исландском, как правило, примерно совпадали во времени (ср.: там же, стр. 115—116) или норвежские изменения несколько опережали соответствующие исландские.

Второе соображение типологического характера. В тех германских языках, в которых была последовательно преодолена краткосложность (т. е. почти на всей германской территории), различные этапы распространения долгосложной акцентуации на краткосложные слова не были отделены друг от друга особенно большими временными интервалами. В исландском удлинение в открытом слоге произошло в XVI в. (Þórólfsson, 1929; Karlsson, 1964). Поэтому предположение о сравнительно позднем закреплении преаспирации в словах типа *vatn* (т. е. XIV—XV вв.) представляется достаточно реальным.

Но независимо от того, к какому времени мы отнесем приобретение преаспирации исландскими словами типа *vatn*, один хронологический вывод кажется несомненным. Я полагаю, что исландское передвижение согласных произошло *позже* переходов /ll/ > /dl/, /nn/ > /dn/. Действительно, сравним еще раз слова *alla* и *atla*. В *alla* резкий акцент перед старой геминатой восходит к древнейшей эпохе, и слово искони произносилось [a'lla]; в *atla* был плавный акцент, и слово произносилось [atla]. Если бы [atla] превратилось в [a'ddla] до того, как [a'lla] превратилось в [a'ddla], то они бы стали полными омонимами и дальнейшего

размежевания их акцентуации не произошло. Таким образом, в двух вариантах датировки исландского передвижения согласных, предложенных М. И. Стеблин-Каменским (Стеблин-Каменский, 1957, стр. 217; 1966, стр. 98—99), я предпочитаю присоединиться к той, которую он обосновывал в своей более ранней работе. Суммируем итоги реконструкции, изложенной в этом параграфе. Релевантность динамических акцентов в исландских словах сонантическим исходом основана на существовании групп *ndl/* и т. п. разного происхождения и на передвижении шумных. Преаспирация исконна перед старыми сонорными геминатами неисконна в словах типа *vatn*; важнейшим событием в истории слов этого типа было преодоление ими краткосложности. 3. Преаспирация (и вообще резкий акцент) проникла в слова с сонантическим исходом в XIV—XV вв. К этой же эпохе относятся расщепление */ll nll/*, перебой согласных и основные количественные сдвиги гласных, причем наиболее вероятно, что данные процессы происходили в том порядке, в каком они здесь перечислены. В заключение приходится еще раз отметить, что в истории слов с сонантическим исходом больше неясностей и неопределенности, чем во всех остальных разобранных нами словах.

§ 12. Акцентуация перед двумя шумными

Цель этого параграфа — привлечь внимание к материалу, который обычно не обращает на себя внимания акцентологов. Сам я смогу пока восстановить акцентуацию слов, оканчивавшихся двумя шумными, даже с той степенью приближительности, которой отмечены все рассуждения в этой главе.

Мы видели (стр. 72), что в фарерском преаспирация доносится перед сочетанием двух шумных согласных: *[sœ^hkt^(h), ga^(h)]*, суфин от *søkja* 'искать'. В Ерене преаспирация также встречается перед аналогичными группами: ср. *[slę^hpt]*, прич. II *slere* 'волочить', *[o^hks]* 'колос' (см. выше, стр. 93). Все три примера Б. Кресса на исландскую преаспирацию перед */s/* (*faðrt, að mestu leyti, baðstofa*) — это примеры на положение перед */st/*, следовательно, тоже перед двумя шумными. Возникает вопрос о том, куда ведут эти следы резкого акцента перед */kt ks st/* и что нам известно об истории слов с двумя шумными после краткого гласного. Интересно выяснить разницу междуведением групп *смычный+смычный*, *смычный+спирант* и *спирант+смычный* или убедиться, что они ведут себя одинаково. Наиболее существенное исследование последних лет о двух шумных после краткого гласного — статья Б. Эйедера о группе */ðk/* скандинавских языках (Eider, 1959). Скандинавское */ðk/* развивается двумя путями: оно превращалось либо в */kk/*, либо в */rk/*. Можно бы самым простым сравнить исл. *maðkur* < *maðkr* 'червь, личинка' с норв. *mak* и назвать переход */ðk/* > */kk/* ассимиля-

цией. Но в шведском мы имеем слово *mask* с тем же значением, и необходимо понять, в каком отношении с точки зрения относительной хронологии находится шведская форма к норвежской. Обращает на себя внимание и то, что в ряде слов /ðk/ перешло в /rk/, а /ðl/ — в /rl/: ср. исл. *siðla* 'работать медленно и плохо', шв. диал. *särila*; изменения /ðk/ > /rk/, /ðl/ > /rl/ уже никак нельзя назвать ассимиляцией, и Б. Эйдер сам это хорошо понимает. Он отмечает, что /sk/ в *mask* не могло произойти непосредственно из /ðk/, так как ранее была зарегистрирована форма с /tsk/. Форму с /tsk/ Б. Эйдер возводит к /tk/ < /ðk/; /t/ в группе /tk/ сопровождалось, по его мнению, каким-то сильным шумом и все сочетание звучало [tʰk] или [tʰk̚]; что же касается [s], то это, на его взгляд, не более чем преувеличенное, усиленное [ʃ] или [h].

Как мы уже не раз видели, понятие сильного согласного играет важнейшую роль при описании комбинаторной акцентуации, поскольку именно сильные согласные были позиционно связаны с резкими акцентами. Поэтому необходимо убедиться в том, что /ts/ действительно может трактоваться как усиленное /t/, равно как /tʰ/ и /tʰ̚/ (т. е. [tʰ, tʰ̚]). В предыдущем параграфе (стр. 138) мы вскользь заметили, сравнивая шв. *kitla*, *kitsla* и *kittla*, что /ts/ — это фактически еще один вариант усиления /t/. Сейчас мы должны остановиться на этом вопросе подробнее.

Обратимся к исландской аффрикате. Под исландской аффрикатой я имею в виду особый способ реализации фонемы /ʃ/. В фонетической литературе подробно обсуждалось место образования этого спиранта. По Б. Крессу (Kress, 1937, стр. 102—103), исл. [ʃ] — не межзубный, а постальвеолярный спирант. Другими словами, [ʃ] гоморганно [t] не только по активному, но и по пассивному органу. Впоследствии было замечено, что исл. [ʃ] часто начинается с [t] (Bergsveinsson, 1941, 2.126; Fischer-Jørgensen, Hammerich, 1943, стр. 4; Haugen, 1958, стр. 59, прим. 10). Я сам неоднократно слышал слово *fað* 'это', произнесенное как [tʃað].

Нет надобности говорить, что с артикуляторной точки зрения [tʃ] является точным аналогом аффрикат [pf] и [kx]. Если считать, что аффриката это не сочетание смычного со спирантом, а смычный, реализованный с вялым взрывом (Зиндер, 1960, § 130), то [tʃ] окажется понятым как [t], переходящее в целевой в своей последней фазе. То, что [tʃ] есть лишь факультативный вариант исл. [ʃ], говорит об упрощении аффрикаты: аналогично французское /tʃ/ превратилось в /ʃ/.

Германское /ʃ/ возникло за много веков до колонизации Исландии, и то обстоятельство, что оно до сих пор чередуется с /tʃ/, проливает свет на протекание первого перебора согласных, по крайней мере в той его фазе, которая связана с переходом /p t k/ в /f ʃ x/. Мы воочию убеждаемся, что переход смычного в спи-

рант предполагал промежуточную стадию аффрикаты. Как известно, о роли промежуточных аффрикат при перебоях существуют прямо противоположные мнения. Считают, что реконструкция аффрикат либо совершенно неизбежна (Fouquet, 1954, стр. 10), либо абсолютно не нужна и ни на чем не основана (Vonficht, 1958; ср.: Стеблин-Каменский, 1966, стр. 100). Ф. Фонфихт особенно подчеркивал, что развитие от смычного к щелевому через аффрикату нигде не засвидетельствовано. Я полагаю, что исландское [tʃ] — это именно тот факт, который подтверждает принципиальную возможность реконструкции Ж. Фурке. Если бы аффрицировалось /t/, то мы бы имели лишь параллель к современному датскому [ts] < /t/ (ср.: Abrahams, 1949, стр. 35), типологически весьма заурядное явление, но вся суть состоит именно в том, что исл. [tʃ] — это факультативная реализация не смычного /t/, а щелевого /ʃ/.

Мы не знаем, насколько важен был фактор силы при протекании германского перебоя, но то, что при древневерхненемецком перебое /p t k/ давали аффрикату именно под вершиной акцента, т. е. будучи сильными, можно считать доказанным (ср.: Кацнельсон, 1966, стр. 300 и сл., и ссылки на указанную там литературу). Поэтому есть все основания рассматривать [tʃ] как сильную ступень смычного.

О существовании аффрикаты /tʃ/ и ее важности для объяснения германских перебоев писал, хотя и без приращения исландского материала, Р. А. Вильямс (Williams, 1934, стр. 75--76), автор специальной работы о переборах согласных. Р. А. Вильямс заметил аффрикату [tʃ] в ирландском. Его соображения настолько интересны, что я позволю себе воспроизвести их довольно подробно. Р. А. Вильямс писал: «В речи ирландцев, говорящих по-английски с местным акцентом, можно часто слышать английское фрикативное th, произнесенное как аффриката, т. е. звучащее как сочетание t с th. Обычный случай — это слово three, произносимое дублинцем как tthree. Однако данная аффриката не является сочетанием обычного английского t с th, которое звучит совершенно по-другому. При произношении нормального английского th экспираторный импульс должен точно совпадать во времени с образованием непосредственного контакта.³² Если же импульс запаздывает и начинает действовать, когда контакт уже образован, мы слышим особый, за которым следует придувной спирант; в данном случае это аффриката, которая звучит в дублинском произношении слова three (tthree). Древневерхненемецкие аффрикаты, которые возникли из прагерманских p — t — k по второму перебою, были, возможно, именно такого характера».

³² У Р. А. Вильямса здесь «median contact» — термин, в который вкладывает особый смысл.

Таким образом, то когда В. Эйдер говорит, что [tʃ] могло явиться усиленным /t/, то он, несомненно, прав. Кроме [tʃ], В. Эйдер считал возможным реконструировать еще и [tʰ] как сильную ступень смычного /t/, и был, видимо, прав и в этом. Наиболее вероятно, что усиление смычного — это в одних случаях придыхательный, в других — аффриката. В дальнейшем переходе [tʃ] или [tʰ] в [ts] («резкий шум») могло способствовать то, что перед /s/, должно быть, часто встречался резкий акцент.

Возвращаясь к форме *mask*, мы видим, что есть основания усматривать в ней усиление целевого по сравнению с исходной формой *maðk(r)*. С другой стороны, формы *mask* и формы с *rk* (ср. также *siðla*, *särla*) никак нельзя представить в виде вариаций той же усиленной формы. Напротив, в *mask* усилен не первый шумный (его не осталось вовсе), а второй.³³ О словах с /rk/ < /ðk/ В. Эйдер говорит, что в них также имело место усиление /ð/ в /r/. Однако если переход смычного или спиранта в аффрикату можно связать с их усилением, то переход спиранта в сонорный — это с точки зрения артикуляции ослабление, а не усиление (так же как, например, вокализация сонанта). В одной из своих статей В. Хорн приводит шкалу силы (*Druckstärke*), или напряженности, согласных (Horn, 1948, стр. 18):

1) глухие смычные	}	сильные и глухие
2) глухие целевые		
3) звонкие смычные	}	слабые и звонкие
4) звонкие целевые		
5) носовые, l и r		

Легко видеть, что путь от /ð/ к /r/ — это один шаг вниз, а не вверх по шкале силы.

Мне кажется, что из анализа группы /ðk/ следует вполне определенный вывод: данная группа может в процессе своего развития усиливать любой из двух шумных. Путь от *maðk* к *mask* и *mak* совершенно аналогичен пути *vatr* к *vatt* и *vann*.

Некоторую аналогию группе /ðk/ составляет и сочетание /ft/. Как уже отмечалось (стр. 45, 48), в современном исландском существует несколько слов, в которых поствокальное /ft/ чередуется с преаспирированным /t/: *eftir* 'после', *aftur* 'назад, снова', *tóft* 'открытый сеновал', *þófta* 'скамья в лодке'. Последние два слова имеют орфографические дублиеты *tótt*, *þótt*, причем любопытно, что нигде не оговаривается, какой вариант в каком случае распространяется. У С. Эйнарссона к первым трем словам сначала дана транскрипция с [ʰt:], а затем — с [f·t]; в четвертом слове

³³ С формой *mask* ср. совр. исл. *frikka* 'хорошенький', дублет к *friðka* (*friður* 'красивый').

варианты даны в обратном порядке. В словаре В. П. Беркова *aftur* вообще не отмечено с преаспирацией, а *eftir*, *tóft* и *þófta* отмечены, но для *tóft* ~ *tótt* отсылочное слово *tóft* (*tóft* см. *tótt*), а для *þófta* ~ *þótt* такое слово — *þótt* (*þótt* см. *þófta*). Чередование типа [e^h:tʰr] ~ [e^h:tʰr] мы также наблюдаем сравнивая исландские и норвежские формы: исл. *eftir* ~ норв. *etter* (только без преаспирации). В пределах самого исландского языка орфографические вариации *ft* ~ *tt* были известны уже в древности (ср. *Gislason*, 1866, стр. 258—259).

Можно предпологать, что формы с /ft/ древнее форм с геминатой, поскольку именно они обнаруживаются во всех германских языках; ср. параллели к *eftir*: др.-а. *æfter* (совр. *after*), др.-в.-н. *aftar*, голл. *achter* с типичным переходом /ft/ > /xt/. Кроме того, этимологически все эти предлоги и наречия образованы как сравнительные степени от корня *af* (так во всех скандинавских языках и в готском; в древнеанглийском был корень *of*, в древневерхнемецком — *ab-a*); к корню прибавлялся суффикс *-ter*, как в греческом *ἄπο-τέρ-ω* 'дальше, сзади' (ср. греч. *ἀπό*, санскр. ара, лат. *ab*). Напрашивается вывод, что подобно группе /ðk/ группа /ft/ могла развиваться двойко: усиливая либо первый шумный (и тогда сохранялось сочетание *ft*), либо второй (и тогда первый выпадал, а второй удлинялся и получал преаспирацию).

Каждый раз, исследуя сочетание, в состав которого входит смычный, мы видим одну и ту же картину: силовая вершина выделяет то первый согласный, то второй: **brenkōn* дает *brink* и *brökka*, *vattn* — *vatt* и *vann*, *maðkr* — *ma(t)sk* и *makk*, *eftir* — *eftir* и *ettir*. Но лишь только в первом случае, для слов с дифтонгическим сочетанием, можно восстановить достаточно ясную акцентную картину и приписать усиление согласного вершине акцента, а ослабление — отсутствию таковой. Процессы, происходившие в словах с сонантическим исходом и в кратковокалических словах с двумя шумными, имели место значительно позже реконструируемой эпохи трехморной акцентуации, и связь чередований с акцентами не ясна. Некоторые события в истории двух шумных заставляют подозревать, что по крайней мере перед смычным спирант был сильным и создавал позицию для резкого акцента. При таком допущении легче объяснить усиление спиранта в *ma(t)sk*. Можно отметить, что переход /ft/ > /xt/, известный во всех германских языках, хотя и происходивший в разных языках не одинаково регулярно (ср. особенно: *Leys*, 1960), несколько напоминает смещения сонантических групп, которые и приписали резкому акценту. Было бы соблазнительно и исландскую спирантизацию первого смычного в группе смычный + смычный приписать именно преаспирации. И наконец, мы видим, что в современном исландском группа спирант + смычный в одном числе ведет себя точно так же, как группа сонант + смычный: подобно тому, как слово *stúlka*, например, произносится либо

[sdu]lka] (хардмайли), либо [sdu]lga] (линмайли), слово тафкуг имеет два варианта ([тафкуг] в хардмайли и [тафгуг] в линмайли). Глухой же отступ /l̥ m̥ n̥ ɣ̥/, как мы пытались показать, восходит к преаспирации (резкому акценту).

Тем не менее все слишком определенные выводы об акцентуации групп с двумя шумными были бы малоубедительными. Очевидно лишь, что просодические изменения как-то затронули кратковокалические слова с исходом на два шумных. Но как говорилось в самом начале, цель этого параграфа — поставить вопрос об акцентуации перед двумя шумными, а не дать на него ответ. Возможно, ответ лежит близко, но пока еще он не очевиден.

§ 13. Ретроспект

История скандинавской и исландской просодики, в том числе и история слоговых акцентов, — это длинный путь, из которого более или менее ясны лишь отдельные участки. Тысячу лет тому назад исландский язык ничем не отличался от языка тех, кто остался в Западной Норвегии, но за десять веков изменились и исландский, и норвежский. С точки зрения слоговой акцентуации исландский претерпел не менее радикальные изменения, чем, например, диалект Ставангера, и нигде в Скандинавии не осталось заповедника вроде конан-дойлевского затерянного мира, по которому можно было бы изучить отношения глубокой древности. Поэтому многое в добытой реконструкции туманно. История исландских вершинных акцентов почти не восстановлена; историю же динамических акцентов удалось проследить с некоторой полнотой.

Если принять предложенную в этой главе реконструкцию, то получится, что в древнеисландском динамические акценты были иррелевантны: в спонтанной сфере, т. е. на долгих гласных и дифтонгах, всегда был резкий акцент, а в комбинаторной сфере, т. е. на кратковокалических корнях, вид акцента определялся типом постсонорного согласного (резкий акцент перед сильным, плавный — перед слабым).

Фонологизации динамических акцентов способствовало выравнивание всех ударных слогов по длительности, вызвавшее падение норм спонтанной акцентуации и распространение комбинаторных норм на весь язык, перебой согласных, который привел к ослаблению старых сильных, и возникновение новых /dn dl/. Однако чтобы установить фонологическую нагрузку акцентов, надо исследовать их не только в простых, но и в сложных словах, иначе мимо нас пройдет существеннейшая область метатонических акцентов. Кроме того, необходимо знать, как ведут себя акценты во фразе. Нас здесь интересовала главным образом история преаспирации. О поведении преаспирации в разных ритмико-син-

таксических условиях почти ничего не известно. Поэтому в дальнейшем вывод об иррелевантности древнеисландских динамических акцентов, возможно, придется уточнить. Но при всех обстоятельствах XIV—XVI вв. были периодом коренной ломки старых просодических отношений в исландском. Не исключено, что где-то, особенно на востоке Исландии, сохранились островки с более архаичными системами (ср., например, описание М. Хэгста), но эти островки изучены слишком фрагментарно и ненадежно, чтобы послужить основой для серьезных исторических изысканий. Не исключено также, что еще сравнительно недавно, в XVII в., можно было обнаружить исчезнувшие ныне реликты древности, но и по этому поводу у нас нет достоверных сведений, а разные остроумные догадки чаще всего оказываются неубедительными. Например, С. Катлссон (Karlsson, 1964, стр. 26—27) считал, что еще в XVII в. в исландском существовали «тоны», распределенные по норвежскому образцу: акц. I в односложных словах, акц. II — в двусложных, и доказывал свою реконструкцию тем, что в XVII в. слова с древним исходом на -ur не рифмовались со словами на -ur<-r. Но, как установлено, различие в акцентах норвежского типа не мешает рифмовать ассоциирующие слова (Alnæs, 1932, стр. 150), по крайней мере в стилистических целях (Jakobson, Schimmerfelt, 1962), и поэтому нет уверенности, что слова типа *ótur* и *götur* (ср. стр. 37) не рифмовались потому, что имели разные акценты (*lötur*<*lötr*, *götur*<*götur*).

Исландское передвижение согласных привело к тому, что преаспирация стала сигналом былой фонологической глухости, отсутствие преаспирации превратилось в сигнал былой фонологической звонкости смычных. Сложный фонологический вопрос стоит в том, какая разница между сигналом утраченного различия и различительным признаком. Мы подробно говорили об этом в первой главе. Но история преаспирации наглядно свидетельствует о нечеткости грани между слоговым акцентом и различительным признаком, а также между слоговым акцентом и гласным (ср. орализованные толчки).

История слоговых акцентов тесно связана с историей фонем. Как говорилось, без установления закона слогового равновесия, без исландского перебоя и без переходов /ll fl/ > /dl/, /nn fn/ > /p/ распределение и функции исландских акцентов были бы совершенно иными. Но что вызвало сами эти процессы, явившиеся для иррелевантных акцентов как *deus ex machina*? И не были ли они обусловлены какими-то просодическими силами? По этому поводу высказывалось много догадок. В частности, количественные изменения: удлинение в открытом слоге и удлинение закрытых слогов (в том числе и слогов с сонантическим исходом), т. е. преодоление краткосложности, и сокращение сверхдолгосложных *uup* — были признаком падения счета на моры; они оказывались возможными в результате апокопы и тому подобных процес-

сов, т. е. именно тех изменений, которые были особенно тесно связаны со слоговой акцентуацией.

Расщепление геминат типа /ll nn/ тоже, как кажется, могло произойти под влиянием акцента: древнескандинавские сонорные геминаты были сильными (ср. стр. 145) и перед ними должен был стоять толчок. Предположение о том, что исландские /dl dn/ возникли под акцентной вершиной, было недавно высказано Г. Вагнером (Wagner, 1964, стр. 235—236, 251). Но не ясно, действительно ли перед нами орализованный в виде [d] акцент, ибо не ясен фонетический механизм, приведший к совпадению разных групп в /dl dn/.

Закачивая свою работу, я не могу не видеть, что в клубке бесконечных фонетических изменений я, самое большее, потянул за одну нить.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а.	— английский	литерат.	— литературный
безл. мест.	— безличное местоимение	м. р.	— мужской род
букв.	— буквально	мн. ч.	— множественное число
вин. пад.	— винительный падеж	наст. вр.	— настоящее время
голл.	— голландский	норв.	— норвежский
греч.	— греческий	опр. ф.	— определенная форма
дат. пад.	— дательный падеж	поэт.	— поэтическое
датск.	— датский	пр. вр.	— прошедшее время
диал.	— диалектальный	прил.	— прилагательное
др.-а.	— древнеанглийский	прич.	— причастие
др.-в.-н.	— древневерхненемецкий	риксм.	— риксмол
др.-исл.	— древнеисландский	род. пад.	— родительный падеж
др.-шв.	— древнешведский	русск.	— русский
ед. ч.	— единственное число	санскр.	— санскрит
ж. р.	— женский род	совр.	— современный
им. пад.	— именительный падеж	ср.	— сравните
исл.	— исландский	сравни. ст.	— сравнительная степень
косв. пад.	— косвенный падеж	ср. р.	— средний род
лицо	— лицо	сущ.	— существительное
лат.	— латинский	фр.	— французский
		шв.	— шведский

- Benediktsson Jakob. 1960. Um tvevns konnar framburð á ld í fs lenzku. Íslenzk tunga, árg. 2, str. 32—50.
- Bergsveinsson Sveinn. 1941. Grundfragen der isländischen Satzphonetik. Phonometrische Forschungen, Reihe A, Bd. 2, Kopenhagen, Berlin.
- Bergsveinsson Sveinn. 1963. Die Wortbetonung im Isländischen. Phonetica, vol. 10, No. 3/4, str. 213—221.
- Bergsveinsson Sveinn. 1965. Áherzla á neitunaforskeytinu ó- í lýsingarorðum. Íslenzk Tungu, árg. 6, str. 71—81.
- Berntsen M. og A. B. Larsen. 1925. Stavanger Bymål. Oslo.
- Bjerrum M. 1949. An Outline of the Faroe Vowel System. Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague, vol. V, str. 235—243.
- Bloch B., G. L. Trager. 1942. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore.
- Blöndal Sigfús. 1920—1924. Islandsk-Dansk Ordbog. Reykjavík.
- Blöndal Sigfús og I. Steinnann. 1959. Praktisk Lærebog i islandsk Nutidssprog.³ København.
- Böðvarsson Árni. 1951. Uppruni óraddaðs framburðar á undan *p, t, k*. В кн.: Á góðu dægri. Afmæliskveðja til Sigurðar Nordals 14. Sept. 1951, Reykjavík. str. 102—107.
- Böðvarsson Árni. 1953. Hjóðfræði. Reykjavík.
- Böðvarsson Árni. Þ: статьи под рубрикой «Íslenzk tunga» в газете «Þjóðviljinn» (1959—1961).
- Boer R. C. 1914. Om Stødet i dansk. Arkiv för nordisk filologi, bd. 30, str. 233—258.
- Bolinger D. L. 1958. A Theory of Pitch Accent in English. Word, vol. 14, No. 2—3, str. 109—149.
- Bolinger D. L. 1958*. On Intensity as a Qualitative Improvement of Pitch Accent. Lingua, vol. VII, 2, str. 175—182.
- Bolinger D. L. 1961. Generality, Gradiance and the All-or-None. Janua Linguarum, Ser. minor, 's-Gravenhage.
- Bolinger D. L. 1965. Forms of English. Accent. Morpheme. Order. Cambridge (Mass).
- Bremer O. 1918. Deutsche Lautlehre. Berlin.
- Castelo L. M. 1964. The Phonic and Phonemic Treatment of English /h/. Phonetica, vol. 11, No. 2, str. 116—123.
- Chapman K. G. 1962. Icelandic-Norwegian Linguistic Relationships. Nordisk Tidsskrift for Sprogvidenskap, Bd. 7, Supplement.
- Christiansen H. 1933. Gimsøy-Målet. Fonologi og orddannelse. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, Hist.-Filos. Klasse, 1932, No. 3, Oslo.
- Christophersen P. 1952. The Glottal Stop in English. English Studies, vol. 33, str. 156—163.
- Collinge N. E. 1965. Some linguistic paradoxes. Journal of Linguistics, vol. 1, No. 1, str. 1—12.
- Dahlstedt K.-H. 1950. Det svenska Vilhelminamålet. I. Allmän inledning. Ord och betydelser. (Ak. avh.). Uppsala.
- Dahlstedt K.-H. 1958. Isländsk dialektgeografi. Några synpunkter. Scripta Islandica, 9, str. 5—33.
- Dieth E. 1950. Vademekum der Phonetik. Bern.
- Eider B. 1959. Zur Entwicklung der Konsonantenverbindung *øk* im Nordgermanischen. Zeitschrift für Mundartforschung, Jahrg. 27, 1, str. 39—48.
- Einarsson Stefán. 1927. Beiträge zur Phonetik der isländischen Sprache. Oslo.
- Einarsson Stefán. 1931. A Specimen of Southern Icelandic Speech. Skrifter utgitt of Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, Hist.-Filos. Klasse, 1930, No. 7, Oslo.

- Einarsson Stefán. 1932. Icelandic Dialect Studies. I. Austfirðir. The Journal of English and Germanic Philology, vol. 31, No. 4, crp. 537—572.
- Einarsson Stefán. 1945. Icelandic. Grammar. Texts. Glossary. Baltimore.
- Einarsson Stefán. 1948. *Peyp.*: Guðfinnsson Björn. Mállyzkur I: The Journal of English and Germanic Philology, vol. 47, No. 4, crp. 438—440.
- Einarsson Stefán. [1949]. Um kerfisbundnar hljóðbreytingar í íslenzku. *Studia Islandica*, 10.
- Ejskjær J. 1967. Kortvokalstødet i Sjællandsk. Udvalg for folkemaals publikationer, ser. A, No. 22, København.
- Ellis A. J. 1869. On Early English Pronunciation, pt. II. London.
- Firth J. R. 1957. Papers in Linguistics. 1934—1954. London.
- Fischer-Jørgensen E. 1949. Danish Linguistic Activity. 1940—1948. *Lingua*, vol. II, 1, crp. 95—115.
- Fischer-Jørgensen E., L. L. Hammerich. 1943. *Peyp.*: Bergsveinsson Sveinn. Grundfragen der isländischen Satzphonetik. *Tidsskrift for Tale og Stemme*, aarg. 6, No. 1, crp. 1—20.
- Fónagy J. 1959. Kleine Beiträge zur Akzentfrage. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 12, H. 1—4, 1959, crp. 36—57.
- Fónagy J. 1962. Mimik auf glottaler Ebene. *Phonetica*, vol. 8, No. 4, crp. 209—219.
- Forchhammer J. 1939. Länge und Kürze. *Archiv für vergleichende Phonetik*, Bd. 3, H. 1, crp. 19—27.
- Forchhammer J. 1942. Der dänische «Stoss». *Archiv für vergleichende Phonetik*, Bd. 6, No. 4, crp. 180—184.
- Fourquet J. 1954. Die Nachwirkungen der ersten und zweiten Lautverschiebungen. *Zeitschrift für Mundartforschung*, Jahrg. 22, crp. 1—33.
- Fry D. B. 1955. Duration and Intensity as Physical Correlates of Linguistic Stress. *The Journal of the Acoustical Society of America*, vol. 27, No. 4, crp. 765—768.
- Frijer H. 1912—1924. Uppsatser om norrländska landsmål. B KII.: Sverige, utg. av O. Sjögren, del VI. Stockholm.
- Friedhard D. 1941. Weiteres zur Dehnbarkeit der Längen über Karl Philipp Moritz. *Archiv für vergleichende Phonetik*, Bd. 5, H. 1, crp. 36—40.
- Frisson Konr. 1866. Forandringer af 'Quantitet' i Oldnordisk-Islandsk. *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie*, H. 2, crp. 242—305.
- Friending P. J. T. 1961. Teach Yourself Icelandic. London.
- Froding H. B. 1905. Det moderna isländska ljudsystemet. *Svenska landsmål och svenskt folklif*, h. 86 fr. början, h. 1, crp. 99—113.
- Froding H. B. 1908. Utkast till systematisk framställning av det moderna isländska uttalet. *Svenska landsmål och svenskt folklif*, h. 99 fr. början, h. 1, crp. 77—115.
- Froenke U. 1966. On Standard, Substandard, and Slang in Icelandic. *Scandinavian Studies*, vol. 38, No. 3, crp. 217—230.
- Guðfinnsson Björn. 1946. Mállyzkur I. Reykjavík.
- Harris W. 1957. Zero in Linguistic Description. B KII.: Studies in Linguistic Analysis (Special Volume of the Philological Society), Oxford, crp. 33—53.
- Haugstad M. 1942. Vestnorske maalføre fyre 1350. II. Sudvestlandsk 2. Indre sudvestlandsk. Færøymaal. Islandsk. Tredje bolken «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskabs-Akademi i Oslo», II, Hist.-filos. Klasse, 1941, No. 1, Oslo.
- Hall R. A., Jr. 1964. *Introductory Linguistics*. New York.
- Hansen A. 1943. Stødet i Dansk. Det Kgl. Danske Videnskabernes selskab. *Historisk-filosofiske meddelelser*, bd. 29, No. 5, København.

- Hasselbrink G. 1944. Vilhelminalapskans ljudlära. (Ak. avh.). Uppsala.
- Haugen E. 1941. On the Consonant Pattern of Modern Icelandic. *Acta Linguistica*, vol. II, fasc. 2, ctp. 98--107.
- Haugen E. 1942. Analysis of a Sound Group: *sl* and *tl* in Norwegian. *PMLA*, vol. 57, No. 3, ctp. 879--907.
- Haugen E. and W. F. Twaddell. 1942. Facts and Phonemics. *Language*, vol. 18, No. 3, ctp. 228--237.
- Haugen E. 1949. Phoneme or Prosodeme? *Language*, vol. 25, No. 3, ctp. 278--282.
- Haugen E. 1958. The Phonemics of Modern Icelandic. *Language*, vol. 34, No. 1, ctp. 55--88.
- Haugen E. 1967. On the Rules of Norwegian Tonality. *Language*, vol. 43, No. 1, ctp. 185--202.
- Hesselman B. 1905. Sveamålen och de svenska dialekternas indelning. Uppsala.
- Hill T. 1966. The Technique of Prosodic Analysis. B KIL: In Memory of J. R. Firth, London, ctp. 198--226.
- Hjelmlev L., 1948--1950. Grundtræk af det danske udtrykssystem med særligt henblik på stødet. Selskab for nordisk filologi. Årsberetning for 1948--1949--1950, ctp. 12--24.
- Hockett C. H. F. 1942. A System of Descriptive Phonology. *Language*, vol. 18, No. 1, ctp. 3--21.
- Hockett C. H. F. 1952. *Peu.*: Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague, vol. V. *International Journal of American Linguistics*, vol. 18, No. 2, ctp. 86--99.
- Hoff I. 1946. Skjetvemålet. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, Hist.-Filos. Klasse, 1946, No. 1.
- Hoffory J. 1877. Phonetische Streitfragen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*, Bd. 23, ctp. 525--558.
- Hollander L. M. 1946. *Peu.*: Einarsson Stefán. Icelandic. *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 45, No. 2, ctp. 221--224.
- Holmberg B. 1949. Studier över «dämpade» vokaler i svenska folkmål. I. Svenska landsmål och svenskt folkliv, årg. 71, ctp. 1--52.
- Horn W. 1902. Zur neuenglischen Lautlehre. *Englische Studien*, Bd. 30, ctp. 369--375.
- Horn W. 1948. Triebkräfte der Lautentwicklung im Englischen. *Archiv für das Studium der neueren Sprachen*, Jahrg. 100, Bd. 185, ctp. 3--25.
- Hultman O. F. 1939. Efterlämnade Skrifter. Andra delen. Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland, 274, Helsingfors.
- Iversen R. 1913. Senjen-maålet. Skrifter utgit av Videnskapselskapet i Kristiania, 1912, No. 4, II, Historisk-filosofisk Klasse, Kristiania.
- Jakobson R. 1940--1942. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. *Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Förhandlingar*, ctp. 3--83.
- Jakobson R. 1962. Selected Writings, I. 's-Gravenhage.
- Jakobson R., A. Sommerfelt. 1962. On the Role of Word Pitch in Norwegian Verse. *Lingua*, vol. XI, ctp. 205--216.
- Jensen E. 1949. Jyske Maal. *Danske folkemaal*, aarg. 15, ctp. 31--38.
- Jespersen O. 1889. The Articulation of Speech Sounds. Marburg in Hessen.
- Jespersen O. 1904. Phonetische Grundfragen. Leipzig und Berlin.
- Jespersen O. 1913. Det danske stød og urnordisk synkope. *Arkiv för nordisk filologi*, bd. 29, ctp. 1--32.
- Jessen C. A. E. 1861. De almindeligt kendte levende sprogs lydbeteg-nelse sammenstillet med lydskriften. *Tidskrift for Philologi og Pædagogik*, aarg. 2, ctp. 117--136, 206--217.

- Jóhannsson Jóhannes L. L. 1924. Nokkrar sögulegar athuganir um helztu hljóðbreytingar o. fl. í íslenzku einkum í miðaldarmálinu. Reykjavík.
- Jones D. 1906. Development of Danish *stød*. Le Maître Phonétique, année 21, 4, ctp. 48—49.
- Jónsson Snæbjörn. 1932. A Primer of Modern Icelandic. Oxford.
- Jørgensen P. 1927. «Klusilspring» i vestslesvigsk. Danske Folkemaal, aarg. 1, ctp. 133—136.
- Kallstenius G. 1902. En tvistig prosodisk fråga. Språk och Stil, årg. 2, h. 4 och 5, ctp. 213—215.
- Kallstenius G. 1903—1904. Kvantitet och accent. Språk och Stil, årg. 3, h. 2 och 3, ctp. 65—71.
- Karlsson Stefán. 1964. Gömul hljóðdvöl i ungum rímum. Íslenzk tunga, årg. 5, ctp. 7—29.
- Karsten A. 1891. Kökarsmålet (Ak. avh.). Helsingfors.
- Klinghardt H. 1901/02. Stimmhaftes H. Die neueren Sprachen, Bd. 9, ctp. 85—97.
- Kloster Jensen M. 1961. Tonemicity. Årbok for Universitet i Bergen. Humanistisk Serie, No. 1.
- Kloster Jensen M. 1962. Long consonant after short vowel. Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences, The Hague, ctp. 678—681.
- Kock A. 1890. Några bidrag till fornnordisk grammatik. Arkiv för nordisk filologi, bd. 6, ctp. 14—59.
- Kock A. 1900. Till de nordiska språkets historia. Arkiv för nordisk filologi, bd. 16, ctp. 241—280.
- Kolsrud S. 1950. Dämpade vokaler. Svenska landsmål och svenskt folkliv, årg. 73, h. 1—4 (h. 258 fr. början), ctp. 175—178.
- Kress B. 1937. Die Laute des modernen Isländischen. Berlin.
- Kress B. 1963. Laut und Formenlehre des Isländischen. Halle (Saale).
- Kress B. 1966. Anglo-Amerikanismen im Isländischen. Festschrift W. Baethke, Weimar, ctp. 210—214.
- Kristensen M. 1899. Stødet i dansk. Arkiv för nordisk filologi, bd. 15, ctp. 41—67.
- Kristensen M. 1933. Folkemål og sproghistorie. Tillægshæfte til «Danske Studier», København.
- Kroman E. 1947. Musikalisk Akcent i Dansk. København.
- Kufner H. L. 1957. Zur Phonologie einer mittelbairischen Mundart. Zeitschrift für Mundartforschung, Jahrg. 25, H. 3, ctp. 173—184.
- Kufner H. L. 1960. History of the Central Bavarian Obstruents. Word, vol. 16, No. 1, ctp. 11—27.
- Lundøe M. 1967. Die Rheinische Schärfung og danske akcentuationsfænomener. Sprog og Kultur, bd. 25, h. 3—4, ctp. 93—101.
- Lurath H. 1957. The binary interpretation of English vowels. A critique. Language, vol. 33, No. 2, ctp. 111—122.
- Lurath H. 1958. Some questions of English phonology. (A reply). Language, vol. 34, No. 2 (pt. I), ctp. 259—260.
- Marsen A. B. 1894. Lydlæren i den solørske Dialekt især i dens Forhold til Oldsproget. Skrifter utgivne af Videnskabselskabet i Christiania, No. 4, Kristiania.
- Marsen A. B. 1909. Hvor længe fandtes der i oldnorsk former uten *i*-omlyd i 1 pers. præs. sing. av stærke verber? Arkiv för nordisk filologi, bd. 25, ctp. 75—83.
- Mazczius J., von. 1936. A new category in phonology. «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences», Cambridge, ctp. 57—60.
- Mazczius J., von. 1939. Zur Lautquantität. Archiv für vergleichende Phonetik, Bd. 3, ctp. 245—249.

- Leys O. 1960. De wisseling *v/g, f/ch* in het Nederlands en de verwante talen. Mededelingen van de Verenigen voor naamkunde te Leuven en de commissie voor naamkunde te Leuven en de commissie voor naamkunde te Amsterdam, Jaarg. 36, crp. 125—150.
- Lindgren J. V. 1890. Burträskmålets grammatik. Stockholm.
- Llorach E. A. 1967. Los rasgos prosódicos. B KIL.: Problemas y principios del estructuralismo lingüístico. Madrid, crp. 1—8.
- Lockwood W. B. 1955. An Introduction to Modern Faroese. København.
- Lundell J. A. 1879. De svenska landsmålsalfabetet. Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folklied, I, 2, Stockholm.
- Lundell J. A. 1910. Grundlinjer till praktisk fonetik³. Stockholm.
- Malone K. 1923. The Phonology of Modern Icelandic. New York University. Ottendorfer Series of Germanic Monographs, No. 15, Menasha, Wisconsin.
- Malone K. 1952. The Phonemes of Modern Icelandic. B KIL.: Studies in Honor of A. M. Sturtevant. Lawrence, crp. 5—21.
- Malone K. 1953. Long and Short in Icelandic Phonemics. Language, vol. 29, No. 1, crp. 61—62.
- Malone K. 1959. The Phonemes of Modern Icelandic. B ero KIL.: Studies in Heroic Legend and in Current Speech. Copenhagen, crp. 268—282.
- Marstrander C. J. S. 1932. Okklusiver og substrater. Nordisk Tidskrift for Sprogvidenskab, bd. 5, crp. 258—314.
- Martinet A. 1934. Nature phonologique du *siød* danois. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 35, fasc. I (No. 104), crp. 52—57.
- Martinet A. 1937. La phonologie du mot en danois. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 38, fasc. 2 (No. 113), crp. 169—266.
- Martinet A. 1954. Accent et tons. Miscellanea phonetica, II. Supplement to «Le Maître Phonétique», London, crp. 13—24.
- Maurer K. 1888. Vopn und Vokn. Arkiv för nordisk filologi, bd. 4, crp. 284—288.
- Meriggi P. 1926. Die lautphysiologische Möglichkeit der nasalen Sonanten. Indogermanische Forschungen, Bd. 44, crp. 1—10.
- Meriggi P. 1926*. Die Nasalen nach heteroorganen Explosiven. Indogermanische Forschungen, Bd. 44, crp. 242—248.
- Meyer E. A. 1900. Stimmhaftes *H*. Die neueren Sprachen, Bd. 8, 5. H., crp. 261—283.
- Meyer E. A. 1901. Zum stimmhaften *h* und anders. Le Maître Phonétique, année 16, 7—8, crp. 87—90.
- Meyer E. 1903—1904. Till frågan om dynamiska accentens natur. Språk och Stil, årg. 3, h. 2 och 3, crp. 96—111.
- Meyer E. 1905. Till striden om dynamiska accentens natur. Språk och Stil, årg. 5, h. 1 och 2, crp. 50—63.
- Millardot G. 1911. Insertions de consonnes en suédois moderne. Revue de phonétique, t. I, fasc. 4, crp. 309—346.
- Moberg L. 1944. Om de nordiska nasalassimilationerna *mp > pp, nt > tt, nk > kk*. Med särskild hänsyn till svenska. Undersökningar till en atlas över svensk folkkultur, Språkliga serien, I, Uppsala.
- Modéer J. 1943. Fvn. *båkn*. sv. *båken* och besläktade ord. Namn och Bygd, årg. 31, crp. 131—149.
- Naert P. 1946. Ur min färöiska kortladen. Arkiv för nordisk filologi, bd. 61, h. 1 och 2, crp. 126—140.
- Naert P. 1946*. *Peu.*: Einarsson Stefán. Icelandic. Arkiv för nordisk filologi, bd. 61, h. 1 och 2, crp. 152—156.
- Naert P. 1958. För en finare fonetisk transkription av färöiskan. Lundsstudier i nordisk språkvetskap, 14, crp. 23—33.

- Naert P. 1958*. «Með þessu minni optnu þrefi», eða framburðurinn þtu á samhljóðsambandinu þu í Islenzku. *Studia Islandica*, 15, crp. 73—79.
- Naert P. 1969. La différenciation de consonnes en corrélation quantitative en islandais et en féroyen. *Orbis*, t. XVIII, No. 2, crp. 426—438.
- Nielsen B. J. Et Bjerreherredsmål. Udtrykssystemet i dialekten i Barrit, Klakring og As sogne. Udvalg for Folkemaals Publikationer, ser. A, No. 23, København.
- Nielsen G. 1949. Glidning og lukning i Rønmåletets høje vokaler («klusilspring»). *Danske folkemaal*, aarg. 15, crp. 41—65.
- Nielsen G. 1959. Musikalsk accent i Rønmålet. Udvalg for folkemaals publikationer, ser. A, No. 17, København.
- Nissen G. 1943. Konsonanterne i Rønmålet i historisk Belysning. *Danske Folkemaal*, aarg. 14, h. 1 och 2, crp. 97—119.
- Noreen A. 1881. Inledning till Dalmålet. Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen och svenskt folkliv, IV, 1, Stockholm.
- Noreen A. 1903. Vårt språk, bd. I. Lund.
- Noreen A. 1923. Altisländische und altnorwegische Grammatik.⁴ Halle.
- O'Connor I. D. 1951. *Peu.*: G. L. Trager and H. L. Smith, Jr. An Outline of English Structure. Le Maître Phonétique, année 29, crp. 42—44.
- Oftedal M. 1947. Jærskje okklusivar. *Nordisk Tidsskrift for Sprogvidenskab*, bd. 14, crp. 229—235.
- Olafsen E. und B. Povelsen. 1774—1775. Reise durch Island. Kopenhagen und Leipzig.
- Ólafsson Jón. 1911. Móðurmáls-bókin. Reykjavík.
- Omidal H. 1967. Noen karakteristiske trekk ved det høgere talemålet i Stavanger — jamført med folkemålet. *Maal og Minne*, 1967, h. 1—4, crp. 79—100.
- Palmer F. R. (ed.). 1970. *Prosodic Analysis*. London.
- Passy P. 1901/02. *H vocalique*. Die neueren Sprachen, Bd. 9, crp. 244—245.
- Pedersen A. 1912. Dansk og urnordisk akcentuering. *Arkiv för nordisk filologi*, bd. 28, crp. 1—53.
- Pedersen H. 1942. Er Stødet en Konsonant? *Acta Philologica Scandinavica*, aarg. 16, h. 1—2, crp. 111—120.
- Pétursson Magnús. 1969. Les articulations islandaises à la lumière de la radiocinématographie (étude de phonétique articulatoire complétée par quelques données acoustiques). Strasbourg.
- Pilch H. 1966. Phonemic Constituent Analysis. *Phonetica*, vol. 14, No. 4, crp. 237—252.
- Pipping H. 1903—1904. Kvantitet och dynamisk accent. *Språk och Stil*, årg. 3, h. 2 och 3, crp. 112—122.
- Pipping H. 1922. Inledning till studiet av de nordiska språkens ljudlära. Helsingfors.
- Pipping H. 1937. Studier i metrik och prosodi. Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland, 243, No. 2.
- Poirot J. 1906. Quantité et accent dynamique. *Mémoires de la Société Néo-Philologique a Helsingfors*, IV, crp. 363—396.
- Poirot J. 1909. Quantität und dynamischer Akzent. *Neuphilologische Mitteilungen*, Jahrg. XI, crp. 74—76.
- Posti L. 1953—1954. On the Origin of the Voiceless Vowel in Lapp. *Svenska landsmål och svenskt folkliv.*, årg. 76—77, h. 1—8, crp. 199—209.
- Rask R. K. 1811. Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog. Kjøbenhavn.
- Ravila P. 1956. Der sog. stimmlose Vokal im Lappischen. *Ural-Altische Jahrbücher*, Bd. XXVIII, H. 3—4, crp. 184—185.
- Reitan J. 1930. *Vemdalsmålet*. Oslo.
- Richter E. 1938. Länge und Kürze. *Archiv für vergleichende Phonetik*, Bd. 2, H. 1, crp. 12—29.

- Ringenson K. 1924. Quelques remarques sur le groupe occlusive + nasale. Studier i modern språkvetenskap utgivna av Nyfilologiska Sällskapet i Stockholm, IX, ctp. 59—66.
- Ringgaard K. 1960. Vestjysk Stød. Aarhus.
- Ringgaard K. 1962. The Pronunciation of a Glottal Stop. *Phonetica*, vol. 8, No. 4, ctp. 203—208.
- Risberg B. 1905. Den svenska versens teori. Stockholm.
- Rischel J. 1960. Über die phonematische und morphophonematische Funktion der sogenannten Worttöne im Norwegischen. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 13, II. 2, ctp. 177—185.
- Robins R. H. 1957. Aspects of Prosodic Analysis. *Proceedings of the University of Durham Philosophical Society*, vol. 1, ser. B (Arts), No. 4, ctp. 1—12.
- Rosengren E. 1902. Om identiteten af antikens kvantitet och den moderna fonetikens s. k. dynamiska accent. *Språk och Stil*, årg. 2, h. 3, ctp. 97—121.
- Rosengren E. 1903. Om identitet af antikens kvantitet och den moderna fonetikens s. k. dynamiska accent. *Förhandlingar vid Sjätte Nordiska Filologmötet i Upsala 14—16 augusti 1902*, Upsala, ctp. 71—77.
- Rosengren E. 1903*. En viktig prosodisk fråga. *Språk och Stil*, årg. 3, h. 1, ctp. 30—56.
- Rosengren E. 1904. Den prosodiska frågan. *Språk och Stil*, årg. 4, h. 3 och 4, ctp. 129—188.
- Rosengren E. 1905. Huru d:r Meyer «följer fysikaliska företeelser i deras sammanhang». *Språk och Stil*, årg. 5, h. 5, ctp. 234—246.
- Rositzke H. A. 1940. Epenthetic Consonants in Swedish. *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 39, No. 4, ctp. 473—485.
- Ross H. 1908. Norske Bygdemaal V. Gudbrandsdalsmaal. *Skrifter udgivne af Videnskabs-Selskabet i Christiania*, 1907, No. 5, II, Historisk-filosofisk Klasse, Christiania, ctp. 37—56.
- L'Abbé Rousselot. 1903. *Précis de prononciation français*. Paris.
- Ruth W. 1943. *Experimentalphonetische Untersuchungen über die Dehnung kurzer Vokale im Standard English*. *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*, Bd. 222, Abh. I.
- Rydqvist J. E. 1868. *Svenska språkets lagar*. Fjerde bandet. Stockholm.
- Seiler H. 1962. Syntactic Role of Word Order and of Prosodic Features. *Word*, vol. 18, No. 1—2, ctp. 121—131.
- Seip D. A. 1924. Et gammelt sjømålsfenomen. *Festskrift til A. B. Larsen*, ctp. 168—185. Kristiania.
- Selmer E. W. 1924. De færøiske tonelag. *Förhandlingar i Videnskapsselskapet i Kristiania, Aar 1924*, Kristiania.
- Selmer E. 1927. Den musikalske aksent i Stavangermålet. *Avhandlingar utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*, II, Hist.-filos. Klasse, No. 3, Oslo.
- Sievers E. 1876. *Grundzüge der Lautphysiologie*. Leipzig.
- Sievers E. 1901. *Grundzüge der Phonetik* ⁵. Leipzig.
- Skautrup P. 1928. Klusiler og «yngre» stød i vestjysk. *Acta Philologica Scandinavica*, bd. 3, h. 1, ctp. 32—51.
- Skautrup P. 1931—1932. *Peu.: Sønderjyske stednavne udgivet af Stednavneudvalget 1.—3. Levering*. *Sprog og Kultur*, bd. 1, h. 2—3, ctp. 102—115.
- Sledd J. 1955. *Peu.: An Outline of English Structure* by G. L. Trager and H. L. Smith and *The Structure of English* by Ch. C. Fries. *Language*, vol. 31, No. 2, ctp. 312—345.
- Smith S. 1937—1938. *Zur Physiologie des Stosses*. *Acta Philologica Scandinavica*, bd. 12, ctp. 33—39.
- Smith S. 1944. *Bidrag til løsning af problemer vedrørende stødet i dansk rigssprog*. København.

- Søndergaard B. 1970. Det såkaldte klusilspring, specielt i morsing
mål. Sprog og Kultur, bd. 26, h. 2-4, стр. 61-68.
- Stetson R. H. 1945. Bases of Phonology. Oberlin, Ohio.
- Storm J. 1892. Englische Philologie.² Leipzig.
- Storm J. 1908. Norsk Lydskrift. Norvegia, bd. 1, Kristiania.
- Storm J. 1920. Ordlister over lyd og formlæren i norske bygdemaal. Skrif-
ter utgit av videnskapselskapet i Kristiania, 1919, Historisk-filosofisk
Klasse, No. 3, Kristiania.
- Studies in Linguistic Analysis. 1957. Oxford.
- Sveinbjörnsson Sveinbjörn. 1933. Icelandic Phonetics (In Col-
laboration with the Editor Ole Olesen). Aarskrift for Universitetsunder-
visningen i Julland. Acta Jutlandica, V. Supplementum.
- Sweet H. 1877. A Handbook of Phonetics. Oxford.
- Sweet H. 1913. On Danish Pronunciation. В кн.: Collected Papers of Henry
Sweet arranged by H. C. Wyld, Oxford, стр. 344-361. [Впервые:
Transactions of the Philological Society, 1873-1874, стр. 94-112].
- Trager G. L., B. Bloch. 1941. The Syllabic Phonemes of English.
Language, vol. 17, No. 3, стр. 223-246.
- Trager G. L. and H. L. Smith, Jr. 1957. An Outline of English
Structure. Studies in Linguistics: Occasional Papers, 3, Washington.
- Troil U., von. 1777. Bref rörande en resa til Island. Upsala.
- Trubetzkoy N. 1938. Die phonologischen Grundlagen der sogenannten
Quantität. В кн.: Scritti in Onore di A. Trombetti. Milano,
стр. 155-174.
- Trubetzkoy N. 1938*. Die Quantität als phonologisches Problem. Actes
du Quatrième Congrès International de Linguistes, Copenhague,
стр. 117-122.
- Þórólfsson Björn K. 1929. Kvantitesomvæltningen i islandsk. Arkiv
för nordisk filologi, bd. 45, h. 1, стр. 35-81.
- Uldall H. J. 1933. A Danish Phonetic Reader. London.
- Uldall H. J. 1936. The Phonematics of Danish. Proceedings of the Second
Congress of Phonetic Sciences, Cambridge, стр. 54-57.
- Vachek J. 1949. Yalesca škola a structuralistická fonologie. Slovo a slo-
vesnost, r. 11, č. 1, стр. 36-44.
- Vachek J. 1962. Some Thoughts on the Phonology of Cockney English.
Philologica Pragensia, r. 5, No. 3, стр. 159-166.
- Vachek J. 1963. The Phonematic Status of Modern English Long Vowels
and Diphthongs. Philologica Pragensia, r. 6, č. 1, стр. 59-71.
- Vachek J. 1964. On Peripheral Phonemes of Modern English. Brno Studies
in English, IV, стр. 7-109.
- Verner K. 1881. *Peu.*: A. Kock. Språkhistoriska undersökningar om svensk
akcent. Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, Bd. 7,
стр. 1-13.
- Verrier P. 1912. Observations sur les insertions de consonnes en suédois
moderne. Revue de phonétique, t. II, fasc. 1, стр. 78-79.
- Verrier P. 1914. La quantité. Revue de phonétique, t. IV, стр. 134-150.
- Vigfusson, Cleasby. 1957: An Icelandic-English Dictionary
initiated by R. Cleasby, subsequently revised, enlarged and completed
by Gudbrand Vigfusson². Oxford.
- Vonficht F. 1958. Das Verhältnis der Affrikaten zu den Aspiraten in den
indogermischen Sprachen. Zeitschrift für Phonetik und allgemeine
Sprachwissenschaft, Bd. 11, H. 2/3, стр. 166-175.
- Wagner H. 1964. Nordeuropäische Lautgeographie. Zeitschrift für cel-
tische Philologie, Bd. 29, H. 3/4, стр. 225-298.
- Wallensköld A. 1903. *Peu.*: Förhandlingar vid Sjätte Nordiska Filo-
logmötet i Upsala 14-16 augusti 1902. Neuphilologische Mitteilungen,
4. Jahrg. стр. 110-113.
- Wallensköld A. 1903*. Polemisches. Neuphilologische Mitteilungen,
5. Jahrg. стр. 147-148.

- Wallström S. 1943. Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt från Arjeplogmälet. (Ak. avh.). Uppsala.
- Werner O. 1963. Aspiration und stimmlose Nasale/Liquide im phonologischen System des Färingischen. «Phonetica», vol. 9, No. 2—3, ctp. 79—107.
- Werner O. 1964. Die Erforschung der färingischen Sprache. Ein Bericht über Stand und Aufgaben. Orbis, t. XIII, No. 2, ctp. 480—544.
- [Wessen E.]. Linguaphone Conversational Course. Swedish. [Б. м. б. г.].
- Westin H. 1897. Landsmålsalfabet för Jämtland och Härjedalen. Bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folkliv, XV, 3, Stockholm.
- Williams R. A. 1934. The Explanation of the Germanic Consonant-Shiftings. Transactions of the Philological Society, ctp. 71—94.
- Wolter H. 1965. On Preaspirated Stops in a Norwegian Dialect. Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences, Basel — New York, ctp. 594—597.
- Zupitza E. 1896. Die germanischen gutturale. Schriften zur germanischen Philologie, H. 8, Berlin.
- Zwirner E. 1941. Bemerkung über die Dehnbarkeit der deutschen Silben bei Karl Moritz und in Goethes Italienischer Reise. Archiv für vergleichende Phonetik, Bd. 5, H. 1, ctp. 33—36.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Берков В. П. 13, 39—40, 46, 52, 55, 151
 Воротишкова А. В. 60
 Григорьев Н. С. 62
 Дукельский Н. И. 5
 Зицдер Л. Р. 41, 56, 62, 148
 Иванов Вяч. В. 9
 Каспранский Р. Р. 7
 Кацнельсон С. Д. 6, 11, 20—22, 36, 50, 56, 61, 66—69, 72, 88, 95, 97, 99—101, 105—106, 108, 115—120, 122, 124—125, 127—128, 134—137, 149
 Клычков Г. С. 6, 42, 53—57, 61—62
 Кошкин В. В. 47, 61, 63, 112, 115—116
 Кузнецов П. С. 8
 Реформатский А. А. 5
 Скоруп П. (=Skårup P.) 73
 Смирницкий А. И. 21
 Стеблин-Каменский М. И. 21, 48, 52, 55, 57, 61—62, 114, 116, 127—128, 130—131, 135, 142, 144, 146—147, 149
 Трубецкой Н. С. 8, 10, 22—23, 61—63, 68, 92
 Халле М. (=Halle M.) 8
 Шаумян С. К. 5
 Якобсон Р. О. 6, 8, 9, 153
- Benediktsson Hr. (Бенедихтссон Хр.) 14, 16—17, 19—20, 45, 114—116, 142, 144
 Benediktsson J. (Бенедихтссон Я.) 114
 Bergsveinsson S. (Бергсвейнссон С.) 13, 22—23, 143, 148
 Berntsen M. (Бернтсен М.) 91, 94, 113
 Bjerrum M. (Бьеррум М.) 72—73, 75—76
 Bloch B. (Блок Б.) 63
 Blöndal S. (Блёндаль С.) 40, 43, 46
 Böðvarsson A. (Бёдварссон А.) 21, 39, 46, 130, 135
 Boer R. C. (Бур Р. К.) 115
 Bolinger D. L. (Болинджер Д. Л.) 10, 26
 Bremer O. (Бремер О.) 40
 Brücke E. (Брюкке Э.) 22
- Castelo L. M. (Кастело Л. М.) 63
 Chapman K. G. (Чэпмэн К. Дж.) 112—113, 116—117, 135
 Christiansen H. (Кристиансен Х.) 95—97
 Christophersen P. (Кристоферсен П.) 133
 Cleasby R. (Клисбу Р.) 112
 Collinge N. E. (Коллиндж Н. Э.) 5
- Dahlstedt K.-H. (Дальстедт К.-Х.) 78, 85
 Dieth E. (Дит Э.) 114, 141
- Eider B. (Эйдер Б.) 147—148, 150
 Einarsson S. (Эйнарсон С.) 13, 21, 31, 37—52, 54—55, 58, 95—96, 111—112, 114, 116, 127, 129, 131—132, 145, 150
 Ejskjær I. (Айскьер И.) 101

- Ellis A. J. (Эллис А. Дж.) 40, 42
 Firth J. R. (Фирт Дж. Р.) 5—8, 55
 Fischer-Jørgensen E. (Фишер-Ергенсен Э.) 103, 148
 Fónagy J. (Фонадь Й.) 26, 99
 Forchhammer J. (Форххаммер Е.) 22, 50—51
 Fourquet J. (Фурке Ж.) 149
 Frings Th. (Фрингс Т.) 100
 Fry D. B. (Фрай Д. Б.) 26
 Geijer H. (Ейер Х.) 78
 Gerhardt G. (Герхардт Г.) 22
 Gislason K. (Гисласон К.) 151
 Gislason V. P. (Гисласон В. Т.) 37
 Glendening P. J. T. (Гленденинг П. Дж. Т.) 40
 Goodwin B. (Гудвин Б.) 40—43, 46
 Groenke U. (Грёнке У.) 58
 Guðfinnsson B. (Гюдфиннссон Б.) 21
 Haas W. (Хаас В.) 10
 Hægstad M. (Хэгста М.) 34—38, 77, 153
 Hall R. A. (Холл Р. А.) 57, 59, 63
 Halle M. см. Халле М.
 Hammerich L. L. (Хаммерих Л. Л.) 148
 Hansen A. (Хансен О.) 101
 Haraldsson H. (Харальдссон Х.) 55
 Hasselbrink G. (Хассельбринк Г.) 85
 Haugen E. (Хауген Э.) 14—20, 58, 61, 63—64, 67—68, 112, 117, 138, 146, 148
 Heggstad K. (Хэггста К.) 36
 Heggstad L. (Хэггста Л.) 35
 Hesselman B. (Хессельман Б.) 78
 Hill T. (Хилл Т.) 5
 Hjelmlev L. (Ельмслев Л.) 68
 Hockett Ch. (Хоккет Ч.) 7, 75
 Hoff I. (Хофф И.) 136
 Hoffory J. (Хоффорн Ю.) 40—41, 52
 Hollander L. M. (Холландер Л. М.) 52
 Holmberg B. (Хольмберг Б.) 41
 Holtzmann A. (Хольцман А.) 103, 105
 Hultman O. F. (Хультман О. Ф.) 89, 140
 Iversen R. (Иверсен Р.) 95—97, 115
 Jakobson R. см. Якобсон Р.
 Jensen E. (Енсен Э.) 99, 139
 Jespersen O. (Есперсен О.) 24—25, 45, 109, 115, 137
 Jessen C. A. E. (Ессен К. А. Э.) 45
 Jóhannsson J. L. L. (Йоуханнссон Й. Л. Л.) 13—14, 16—17
 Jones D. (Джоунз Д.) 102
 Jónsson S. (Йоунссон С.) 40
 Jørgensen P. (Ергенсен П.) 102—103, 105
 Kallstenius G. (Кальстениус Г.) 24—25
 Karlsson S. (Карлссон С.) 37, 153
 Karsten A. (Карстен А.) 88—89
 Klinghardt H. (Клингхардт Х.) 41
 Kloster Jensen M. (Клостер Енсен М.) 10, 31, 35, 38, 77
 Kock A. (Кокк А.) 109, 138
 Kolsrud S. (Колсруд С.) 41
 Kress B. (Кресс Б.) 13, 28, 39, 42—43, 58, 147—148
 Kristensen M. (Кристенсен М.) 101, 105, 140
 Kroman E. (Кроман Э.) 101, 108
 Kufner H. L. (Куфнер Х. Л.) 19
 Kunnø M. (Куннё М.) 106
 Kurath H. (Курат Х.) 63
 Larsen A. B. (Ларсен А. Б.) 77, 88, 91, 94, 108, 113
 Lazicius J., von (Лазидиуш Ю., фон) 16, 23
 Leys O. (Лейс О.) 151
 Liden E. (Лиден Э.) 137
 Lindgren J. V. (Линдгрэн Й. В.) 31
 Lindroth H. (Линдрот Х.) 137
 Llorach E. A. (Лорах Э. А.) 10
 Lockwood W. B. (Локвуд У. Б.) 71, 74
 Lundell J. A. (Люнделль Ю. А.) 40—41, 77—79
 Lyngby K. J. (Люнгбю К. Й.) 99
 Malone K. (Мэлоун К.) 14—15, 17, 19—20, 47, 49, 96, 114, 116
 Marstrand C. J. S. (Марстрандер К. Й. С.) 110—112, 114, 116, 135
 Martinet A. (Мартине А.) 8—9, 49, 61
 Maurer K. (Маурер К.) 143
 Meriggi P. (Мериджи П.) 139
 Meyer E. A. (Мейер Э. А.) 24—25, 41
 Millardet G. (Мийарде Ж.) 80—84, 90
 Mo E. (Му Э.) 108
 Moberg L. (Муберг Л.) 135
 Modeer G. (Мудейр Й.) 139
 Moritz K. Ph. (Моритц К. Ф.) 22
 Naert P. (Наерт П.) 52, 71, 92, 113—114, 139, 143
 Nielsen B. J. (Нильсен Б. Ю.) 99
 Nielsen G. (Нильсен Г.) 104
 Nissen G. (Ниссен Г.) 103—106
 Noreen A. (Нурейн А.) 79, 86, 137, 144

- O'Connor I. D. (О'Коннор И. Д.) 63
 Oftedal M. (Офтедал М.) 90—94
 Olafsen E. (Олафсен Э.) 37
 Ólafsson J. (Оулафссон Й.) 45, 144
 Omdal H. (Омдал Х.) 91, 113
 Palmer F. R. (Пальмер Ф. Р.) 6
 Passy P. (Пасси П.) 41
 Pedersen A. (Педерсен А.) 115—116
 Pedersen H. (Педерсен Х.) 101, 103,
 105, 115—116
 Pétursson M. (Пьетурссон М.) 44—45
 Pilch H. (Пильх Г.) 7, 9
 Pipping H. (Пиппинг Х.) 24—25
 Poirot J. (Пуаро Ж.) 24—25
 Posti L. (Пости Л.) 78, 85, 111, 116
 Povelsen B. (Поуельсен Б.) 37
 Rask R. (Раск Р.) 42, 119
 Ravila P. (Равила П.) 116
 Reitan J. (Рейтан Е.) 85—88, 110—
 111, 114, 125
 Richter E. (Рихтер Э.) 22
 Ringenson K. (Рингенсон К.) 139
 Ringgaard K. (Ринггор К.) 92, 97—
 100, 129
 Risberg B. (Рисберг Б.) 24—25
 Rischel J. (Ришель Е.) 18, 20
 Robins R. H. (Робинс Р. Х.) 6—7
 Rosengren E. (Русенгрэн Э.) 23—26
 Rositzke H. (Розитцке Г.) 80—84, 90
 Ross H. (Росс Х.) 94
 Rousselot P. (Руссло П.) 25, 79
 Ruth W. (Рут В.) 60
 Rydqvist J. E. (Рюдквист Ю. Э.) 35
 Seiler H. (Сейлер Х.) 10
 Seip D. A. (Сейп Д. А.) 136—137
 Selmer E. W. (Селмер Э. В.) 77, 94
 Sievers E. (Сиверс Э.) 22, 41, 136
 Skautrup P. (Скаутруп П.) 102—
 103, 105, 139
 Sledd J. (След Дж.) 63
 Smith H. L. Jr. (Смит Х. Л.) 63
 Smith S. (Смит С.) 50—51, 68, 96,
 100, 107
 Sommerfelt A. (Соммерфелт А.) 153
 Søndergaard B. (Сёнергор Б.) 105—106
 Steman I. (Стеман И.) 46
 Stetson R. H. (Стетсон Р. Х.) 63
 Storm J. (Сторм Ю.) 31, 42, 45, 94—
 95, 108, 110, 140
 Sveinbjörnsson S. (Свейнбьётнссон С.)
 40
 Sweet H. (Свит Г.) 40, 42, 67, 116, 133
 Trager G. L. (Трейгер Дж. Л.) 63
 Troil U., von (Троил У., фон) 37
 Trubetzkoy N. S. см. Трубецкой
 Н. С.
 Twaddell W. F. (Туоделл У. Ф.) 63
 Þórólfsson B. K. (Тоуроульфссон
 Б. К.) 21—22, 146
 Uldall H. J. (Ульдаль Х. Е.) 61
 Vachek J. (Вахек Й.) 63
 Verner K. (Вернер К.) 102
 Verrie P. (Верье П.) 25, 79, 81
 Vigfússon G. (Вигфуссон Г.) 112
 Vonficht F. (Фонфихт Ф.) 149
 Wagner H. (Вагнер Х.) 54, 116, 154
 Wallensköld A. (Валленшёльд А.)
 24—25
 Wallström S. (Вальстрём С.) 84—
 85, 126
 Welter W. (Вельтер В.) 108
 Werner O. (Вернер О.) 71—76, 132
 Wessen E. (Вессен Э.) 34
 Westin H. (Вестин Х.) 78—79, 90
 Williams R. A. (Уильямс Р. А.) 149
 Wolter H. (Вольтер Х.) 90—94
 Zipf J. K. (Ципф Дж. К.) 68
 Zupitza E. (Цупитца Э.) 138—139
 Zwirner E. (Цвирнер Э.) 22

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От автора	3
Введение. О просодическом уровне в фонологии	4
Глава I. Просодическая система современного исландского языка	13
§ 1. Ударение и долгота	13
§ 2. Слоговая акцентуация	35
а. Поиски «тонов» в исландском	35
б. Преаспирация как слоговой акцент	38
α. Фонетическое описание исландской преаспирации и ее дистрибуция	39
β. Фонологические проблемы преаспирации	60
Глава II. Придыхательные и кратковокалические толчки в других скандинавских языках	71
§ 3. Преаспирация в фарерском языке	71
§ 4. Преаспирация в шведском языке	77
§ 5. Преаспирация в норвежском языке	90
§ 6. Кратковокалический толчок в датских диалектах	97
§ 7. «Орализация» толчка и общий взгляд на скандинавские резкие акценты	101
Глава III. История исландской и скандинавской преаспирации	110
§ 8. История вопроса. Методология исследования	110
§ 9. Преаспирация перед геминатами	120
§ 10. Акцентуация в словах с дифтонгическим сочетанием	129
§ 11. Акцентуация в словах с сонантическим исходом	135
§ 12. Акцентуация перед двумя шумными	147
§ 13. Ретроспект	152
Список сокращений	155
Литература	156
Именной указатель	167

Анатолий Симонович Л и б е р м а н
ИСЛАНДСКАЯ ПРОСОДИКА

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *В. Г. Андронов*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Р. Г. Гершинская* и *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 1/III 1971 г. Подписано к печати
27/X 1971 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. л.
10³/₄=10.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.41. Изд. № 4704.
Тип. зак. № 42. М-47576. Тираж 1250. Бумага № 1.
Цена 72 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, 9 линия,
д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

*В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В ПАЛИЧИИ КНИГИ:*

Автоматизация в лингвистике. 1966. 158 стр. Цена 63 к.

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Том I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. 1959. 282 стр. Цена 1 р. 69 к.

Жирков Л. П. Лакский язык. Фонетика и морфология. 1955. 160 стр. Цена 90 к.

Коведяева Е. И. Проблема акцентуации марийского языка. 1970. 136 стр. Цена 43 к.

Очерки по фонетике северно-русских говоров. 1967. 272 стр. Цена 1 р. 13 к.

Нахалина Т. И. Ишкашимский язык. Очерки фонетики и грамматики. Тексты и словарь. 1959. 256 стр. Цена 1 р. 40 к.

Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. 1967. 150 стр. Цена 68 к.

Скорник П. Я. Грамматика чукотского языка. Часть I. Фонетика и морфология именных частей речи. 1961. 448 стр. Цена 1 р. 97 к.

Торсуев Г. П. Вопросы акцентологии современного английского языка. 1960. 91 стр. Цена 36 к.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-463. Мичуринский проспект, дом № 12.
Магазин «Книга — почтой».

Ленинград, П-110. Петрозаводская улица, дом № 7.
Магазин «Книга — почтой».

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
36	11 сверху	smá'fiskur	smá'fiskur
40	20 »	urrbot	urrbót
131	19 »	болеестройное	более стройное
	20 »	! ц г	! m ц г

А. С. Либман